

непристойная

Длиστηельная Страсть

Книга 3

VK.COM/FASHIONABLE_LIBRARY

Кендалл Райан

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES И USA TODAY

Annotation

Пэйс Дрейк обожает секс. Он знает, как заполучить его: что говорить и что делать — и не ищет оправданий для удовлетворения своих потребностей. Но, когда он встречается мать-одиночку Кайли Слоан, она очаровывает его и заставляет усомниться в стандартном порядке. В конце концов, ведь нет никакого преследования, никакой тайны в поспешном сексе с женщиной в туалете ночного клуба. Глубина и целеустремлённость Кайли заставляют неряшливые, пьяные перепихоны, наводняющие его выходные, казаться пустыми и поверхностными. Она полная противоположность отчаявшимся, назойливым женщинам, к которым он привык. Она не хочет и не нуждается ни в ком, кто мог бы заботиться о ней, и именно это пробуждает в нём всё большее желание взять её под свою опеку. У Кайли нет доверия к мужчинам. Последний парень сыграл в диньдон с её маткой и оставил одну растить ребёнка. Теперь её годовалый сын — единственный мужчина, на которого у неё есть время, даже если она и скучает по сексу и интимным отношениям, в чём, конечно, не признается. Открыть сердце молодому мужчине, хорошо известному своим образом жизни и ни к чему не обязывающим сексом, вероятно, её наихудшая идея за всю жизнь. Но Пэйс жаждет доказать ей, что на свете ещё остались хорошие парни, да и то, как он обращается с её ребёнком, выглядит настолько мило, что ей хочется попробовать... Но сможет ли она действительно поверить, что дни его «поматросил и бросил» канули в лету?

- [Кендалл Райан](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Пэйс](#)
- [Глава 5](#)
- [Пэйс](#)
- [Кайли](#)
- [Пэйс](#)
- [Глава 6](#)
- [Кайли](#)
- [Пэйс](#)

- [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Кайли](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Кайли](#)
 - [Пэйс](#)
 - [Кайли](#)
 - [Пэйс](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Эпилог](#)
-

Кендалл Райан

Непристойная Блистательная Страсть

Серия: Непристойная Блистательная

Ложь — 3

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Переводчик: Карамелька

Редактор: Коноплюша

Обложка: Врединка Тм

Перевод группы: http://vk.com/fashionable_library

Любое копирование и распространение ЗАПРЕЩЕНО!

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Глава 1

Пэйс

Блондинка, повисшая на моей руке, сводит с ума. Если бы не гигантские сиськи, с которыми мне очень хочется позабавиться позже, я бы уже выставил её за дверь.

Мы находимся на светском благотворительном вечере Колтона с ужином в пять тысяч долларов за тарелку. Он организован ради последних пожертвований, которые необходимы для обеспечения школы и больницы, открытие которых запланировано в ближайшие годы. Благое дело. Но единственное, что я хочу сделать — свалить отсюда.

— Пэйс, — зовёт моя спутница, дёргая меня за прикрытый смокингом локоть. — Ещё раз, который твой брат?

«Тот, что выглядит, чёрт возьми, в точности как я», — хочется мне ответить. Вместо этого, я указываю туда, где стоит Колтон, ведущий беседу с группой меценатов.

— Прямо в центре. Это Колтон. А рядом с ним его невеста Софи.

Не сосчитать сколько раз нас принимали за близнецов. Он старше на три года, но между нами немало схожих черт — высокий рост, тёмные волосы, глубокие синие глаза. Основное отличие: там, где Колтон бескомпромиссен и серьёзен, я — дружелюбен, открыт и расслаблен. Жизнь слишком, чёрт возьми, коротка, чтобы воспринимать всё так серьёзно. Но, видимо, трёх её клеток головного мозга слишком мало для того, чтобы постичь наше сходство.

— Ты собираешься меня представить? — спрашивает она.

Она хочет познакомиться с моей семьёй? Нет уж. Но вместо того, чтобы дать ей ответ, который она не одобрит, я делаю глоток своего виски, притворяясь, что не услышал её.

Я пригласил Шину сюда сегодня, после того как встретился с ней в фитнес-клубе. Мне не хотелось приходить на такое большое для Колтона и Софи событие в одиночестве, и мне пришло в голову, что было бы круто взять кого-то, с кем можно поговорить за ужином. К несчастью, единственное, что хотелось обсуждать Шине — её последние усовершенствования, и то, как хирург убедил её сделать чашечки на размер больше, а ещё как она думала, что он просто хотел с ней переспать.

Ну, нихрена себе, он хотел трахнуть тебя, милая?! Очередь начинается

слева, джентльмен.

Выдержав два часа в компании адской девушки, единственное, чего я хочу — трахнуть её в машине, а потом забросить домой. Недурно, я в курсе. Но спустив на ужин десять тысяч долларов из-за самой ужаснейшей спутницы во всём мире, думаю, по меньшей мере, минет я заслужил.

Что-то подсказывает мне, что в понедельник мне придётся подыскивать новый фитнес-клуб...

За последний год я менял их шесть раз. Аннулирование платежа меня убивает. Может, пора переосмыслить стратегию подката? Неа. В городе много мест с беговыми дорожками и свободными весами, и у меня нет проблем с тем, чтобы поменять клуб только для того, чтобы избежать тех с кем я в прошлом резвился.

— Давай ты возьмишь себе ещё один бокал шампанского, — говорю я, подталкивая её в сторону бара.

Как только Шина располагается на барном стуле, я убираюсь прочь под предлогом, будто мне нужно воспользоваться уборной. Но вместо уборной, я направляюсь через весь зал к тому месту, где Софи разговаривает с Кайли.

Невеста моего братца, Софи Эванс, выглядит сегодня восхитительно. Длинное шёлковое платье, ожерелье на шее и волосы закрученные во что-то вроде узла. Вид у неё счастливый.

— Привет, сестрёнка, — здороваюсь я, целуя тыльную сторону её ладошки.

Я не стал относиться к ней как-то иначе, после смерти её сестры, потому что знаю, что она бы этого не хотела, однако я всё равно стараюсь быть с ней нежен. После всего пройденного, она не сломалась, и я невероятно благодарен этому. Колтону нужна сильная женщина, а Софи идеально его дополняет. В ближайшее время я не планирую остепениться, но в один прекрасный день всё же надеюсь найти такую же хорошую девушку, как Софи. Я всё ещё думаю, что его рассказ о том, как они познакомились, и причина, по которой она переехала к нему, полный бред, но, на самом деле, это не имеет значения. Колт счастливчик и он знает об этом.

— Привет, Пэйс, — ухмыляется мне Софи.

Затем я поворачиваюсь к Кайли, которую пытаюсь разгадать вот уже несколько месяцев. Она работает на моего брата на должности управляющей офисными операциями для его благотворительности, и я более чем уверен, что сегодняшняя вечер — её рук дело. Она сногшибательна в насыщенно-фиолетовом платье, красиво обтекающем её

изгибы, с огненно-рыжими волосами, волнами спадающими на её плечи, и блестящими зелёными глазами, которые, сияя, всматриваются в меня. Взгляд, которым она смотрит на меня, посылает по моему телу покалывания, которые устремляются вниз к пульсирующему паху. И мой член начинает набухать. Какого хрена? Она одновременно и изящная, и элегантная. Полная, мать вашу, противоположность моей спутницы.

— Это большое событие. Прими мои поздравления, — шепчу я у тыльной стороны ладони, поднеся её руку к губам и продолжая наблюдать за её глазами.

Она вздрагивает при соприкосновении и отнимает руку, но всё же награждает меня доброй улыбкой.

— Спасибо, Пэйс, — тон её тёплого голоса, окутавшего моё имя, чертовски порочен. Мне хочется услышать, как она стонет моё имя, когда испытывает оргазм, хочется увидеть, как темнеют её зелёные глаза от страсти, и наблюдать за тем, как она распадается на части подо мной.

Я в курсе, что она мать-одиночка, и мне следует её сторониться. Она ни капельки не похожа на тех женщин, с которыми я обычно встречаюсь, но что-то в ней меня завораживает.

— Где твоя спутница? — интересуется Софи.

— Точно не знаю, — вру я. Уголком глаза вижу, что она по-прежнему у бара, кажется, болтает с барменом. Хорошо. Может, у меня получится сегодня переложить её на него. Сам я не прочь вместо неё отправиться домой с шикарной и изысканной красавицей, стоящей передо мной.

— Я надеялась познакомиться с ней, — добавляет Софи.

Софи не понимает, что есть причина, из-за которой я никогда не познакомлю её с женщинами, с которыми встречаюсь. Они все временные. Да и плюс ко всему, сомневаюсь, что они бы поладили. Интересы Софи уходят немного глубже лака для ногтей и сумочки. Братец умело выбрал.

— Это не та женщина, с которой ты пришёл? — спрашивает Кайли, указывая в другой конец помещения.

Я следую за её взглядом, направленным на Шину.

Чёрт.

Тем временем Шина выгибает спину над поверхностью барной стойки. Её сиськи практически вываливаются, и она позволяет бармену влить текилу ей в горло.

Господи. Это же не студенческая тусовка. Это привилегированное официальное мероприятие для миллионеров, политиков и ведущих предпринимателей страны. Мы здесь для важного дела, а не чтобы напиться и танцевать на сраной барной стойке. Однако что-то мне

подсказывает, что моя спутница этого не понимает.

Мне не часто случается чувствовать себя неловко, и дерьмо, я люблю отрываться и веселиться, как никто другой, но сейчас место и время совсем неподходящее. Лицо начинает гореть, и я сжимаю челюсти.

Мне нравятся женщины, умеющие себя контролировать — уравновешенные и собранные, когда того требует ситуация, но чертовски дикие меж простыней. Глазами нахожу Кайли, и откуда-то понимаю, что она из таких женщин.

— Ага, Шина забавная, — говорю я, сжимая кулаки в попытке скрыть свои истинные чувства.

Кайли хмурится.

— Мы с ней познакомились чуть раньше, и она сказала, что её зовут Трина.

— Вот дерьмо. Серьёзно? — провожу рукой по волосам. Взгляд её глаз указывает мне на то, что эту информацию я должен был знать.

Софи мгновение спустя извиняется и отчаливает, и я благодарен ей за минутку наедине с Кайли.

— Может, я могу принести тебе что-нибудь выпить? — предлагаю, посылая ей флиртующую ухмылку.

Она отвечает застенчивой, осторожной улыбкой.

— Разве тебе не нужно вернуться к своей девушке?

Взгляд украдкой через плечо на Шину, Трину, или кто она там чёрт подери, убеждает меня, что желания провести с ней ещё больше времени у меня нет. В отличие от красавицы, стоящей предо мной, из-за которой я почти забываю о своей спутнице. Раньше мне она казалась сексуальной, но теперь я могу разглядеть её более отчётливо. Платье слишком короткое, а грудь слишком огромная, даже для моих крупных рук, а вот Кайли, по сравнению с ней, потрясающе сложена: мягкая и соблазнительная, такая, какой и должна быть женщина. Я не прочь провести долгие часы за изучением впадинок её тела. Языком. И членом. Этот ублюдок пульсирует от одной мысли.

— Выглядит так, будто сейчас о ней и без того хорошо заботятся, — замечаю я.

Бармен игнорирует едва ли не всех других клиентов, стремясь поговорить с ней. Он может поймать её, мне-то что. Удачи, приятель.

Кайли ставит пустой бокал вина на поднос, проходящего мимо официанта.

— Честно говоря, я много не пью. Бокал вина или два, чаще всего, мой предел.

Отрадно слышать. Отправляю полученную информацию в досье. Вспомнив о её ребёнке, спрашиваю у неё про него:

— А где сегодня Макс?

Она едва заметно улыбается, как будто лишь мысли о малыше скрашивают её настроение. Мне это по душе, и я, нахрен, вообще не понимаю почему.

— Его няня сидит сегодня с ним допоздна. Уверена, сейчас он уже в постели.

Всё ещё помню тот день у бассейна прошлым летом, когда я взял плачущую малютку на руки и развлекал его весь день. Я даже толком не понимал, зачем делаю это. Могу предположить, оглянувшись назад, что она выглядела так, будто бы ей не помешала помощь. Никогда не любил наблюдать, как женщины сталкиваются с трудностями, хотя она и не девица в беде. Понятно ведь, что Кайли не относится к тем, кто пасует перед сложностями, и у неё достаточно сил и целеустремленности, чтобы быть успешной в любом деле, за которое бы не взялась. Сексуальные качества, это уж точно.

Пока мы стоим там, — я — попивая виски, а Кайли — вежливо улыбаясь толпе, — тишина между нами усиливается. Ощущение, словно между нами нет ничего общего, и я растерянно пытаюсь придумать хоть какую-нибудь тему для разговора, что угодно, что задержит эту красотку рядом со мной. Мне так много всего хочется узнать о ней, но ничего из этого меня, чёрт возьми, не касается. Какая она на вкус, какие звуки издаёт, когда кончает. Я хочу узнать и то, как она оказалась матерью-одиночкой, и маячит ли всё ещё отец Макса на горизонте. Как-то я попыталась разузнать об этом у Колтона, но тот остался до безумия расплывчатым. Засранец. Если бы существовала награда «Худший помощник по свиданиям», то ей наградили бы моего брата.

— Поужинаешь со мной на этой неделе? — выпаливаю я. Совсем не это я планировал произнести, но едва слова вылетают изо рта, как я тут же ощущаю правильность сказанного.

— Пэйс, так мило с твоей стороны пригласить меня, но я не могу... — она замолкает, будто хочет сказать больше, но не говорит. И с языком её тела тоже всё не так. Обычно женщины стремятся придвинуться ближе, положить руку на бицепс или даже задеть грудью мою руку, Кайли же стоит прямая и высокая, как будто хочет любой ценой избежать физического контакта со мной.

— Ты здесь с кем-то? — интересуюсь я. И это тоже абсолютно не моё дело, но я бы с радостью выложил десять штук, лишь бы только узнать,

трахается ли она с кем.

— Нет, — произносит она.

— Нет парня? — давлению я сильнее. Мне же нужно знать с чем я имею дело.

— Ни одного после отца Макса, — отвечает Кайли тихо.

Сидящий во мне альфа-самец в триумфе бьёт себя в грудь.

— Ничего себе воздержание.

— Не то слово, — бормочет она.

— Это всего лишь ужин, Кайли. А не предложение вмешаться и поиграть в папочку, — в полную силу применяю к ней свою игривую, кривоватую улыбку с ямочками. Мне ни раз говорили, что она совершенно неотразимая, и вот на что я теперь полагаюсь.

— Вот поэтому я и не могу. Прости.

Блядь. Почему я такой придурковатый идиот?

— Оу, — запинаясь я, впервые в жизни, мать вашу, потеряв дар речи. Господи. Отрасти яйца, Пэйс.

— Кроме того, что-то мне подсказывает, что если ты интересуешься такими женщинами, — Кайли наклоняет подбородок в сторону бара, где Шина, или Трина, затеяла спектакль в собственном исполнении, — тебя не может заинтересовать женщина, вроде меня.

Придержите-ка коней. Вот тут-то она сейчас ошибается.

— Почему это? — спрашиваю я, встречаясь с её горящим зелёным взглядом. Если она собирается критиковать себя, я не стану сдерживаться, доказывая ей, как сильно она заблуждается.

— Пэйс, — укоряет она. — Посмотри на неё. Она выглядит... надувной.

Когда до меня доходит, что она не принижает себя, а вместо этого, ругает мой вкус на женщин, мне почти хочется рассмеяться.

— Такие женщины, как эта, хороши только в одном, и мы оба знаем в чём именно, — отзываюсь я.

Она вскидывает брови, ожидая, что я объяснюсь.

— В одноразовом хорошем сексе, — продолжаю я.

— Ты грубый, — её глаза загораются, а губы дёргаются в попытке не улыбнуться.

— Я прямолинейный, и тебе это нравится.

Она пожимает плечами.

— По крайней мере, честный. Это уже больше, чем я могу сказать про многих мужчин.

— Сходи со мной. Один раз, Кайли. Что ты потеряешь?

У меня практически получается разглядеть колёсики, вращающиеся в её голове, и на один короткий, прекрасный миг, мне кажется, что у меня может быть шанс.

— Пока, Пэйс, — она отворачивается и уходит, длинные ноги уносят её через комнату в ритме биения моего сердца.

Чёрт.

— Кайли, постой.

Она поворачивается и сексуально подмигивает мне.

— Иди, повеселись со своей Барби Малибу.

Это ещё не конец.

Я играю ради победы.

Глава 2

Кайли

Не это моя настоящая жизнь.

Моя настоящая жизнь — это не вечерние платья, шёлковые трусики и светские ужины, а бутылочки в два часа ночи, которые надо погреть, хлопья «Чириоз» в диванных подушках и пятна от срыгивания на штанах для йоги. Хотя всё-таки круто притвориться, но если только на мгновение.

Сев в лимузин, взятый мной по настоянию Колтона, я снимаю одну за другой серьги и убираю их в сумочку. Огни большого города размываются в кляксы, пока мы несёмся по автостраде, и мои мысли уплывают назад к праздничному вечеру. Мероприятие получилось изумительным, даже лучше, чем я могла ожидать. Но, разумеется, мой мозг оккупировали вовсе не детали сбора средств. А всем известный мужчина (шесть футов, два дюйма, хорошо развитая мускулатура) по имени Пэйс Дрейк. Младший брат моего босса. И нет ни единого шанса, что он бы увлекся настоящей мной.

Улыбаюсь про себя, вспомнив, что он даже не знал имя сопровождающей его девушки. Мне следовало бы чувствовать себя оскорблённой тем, что он практически игнорировал её, отпуская комплименты и приглашая на свидание меня, но я наоборот необычайно польщена. Когда такой привлекательный мужчина, как Пэйс уделяет тебе внимание, возникающие ощущения непередаваемы. Особенно у кого-то вроде меня. Он может обладать любой женщиной, какую только пожелает. Но по какой-то необъяснимой причине, он нацелился на меня — с моим-то рожавшим телом, по-прежнему остававшимся более пышным, чем мне бы того хотелось.

Но я его отшила, что, по-моему, только к лучшему. У меня личный опыт с такими мужчинами, как он. Они ищут секс без обязательств. И учитывая, что последний мой парень сыграл в динь-дон с моей маткой, а потом оставил одну растить ребёнка, я «самую малость» скептически отношусь к таким парням.

Макс — единственный мужчина, на которого я нахожу время. И единственный мужчина, которому я буду дарить своё сердце.

Не могу сдержаться и вытаскиваю свой iPhone, чтобы взглянуть на

фотографии сына. Точно так же, как не могу сопротивляться желанию зайти к нему в комнату, чтобы послушать, как он дышит, и наклониться к детской кроватке, чтобы вдохнуть его детский запах, даже зная, что могу тем самым его разбудить. Но его маленькие, пухлые бёдра и большой кругленький животик не оставляют сил мамочке на сопротивление.

Честно говоря, довольно мило, что Пэйс спросил о Максе. Прошлым летом, когда я впервые встретила с ним на вечеринке Колтона, он забрал кричащего из-за прорезающихся зубиков Макса на весь день, плавал с ним в бассейне и подкидывал в своих огромных руках. Колтон, по всей видимости, не мог объяснить внезапный интерес Пэйса к ребёнку. Я же была убеждена, что он просто сжалился над работницей своего брата. Когда у Макса прорезывались два первых зуба, я была вся на нервах. И уверена, по мне это было видно.

Как бы мне не льстило его внимание, мне хорошо быть одиночкой, сосредоточенной на карьере, и мне хорошо быть мамой. Ну, не совсем правда. Мне не хватает мужчины в своей жизни. Не хватает сильных рук, которые обнимали бы меня, лёгких прикосновений щетины к моей щеке и ощущения абсолютной защищённости. Когда я буду готова снова с кем-то встречаться, то это будет мужчина, с которым я буду чувствовать себя в безопасности. А вот в Пэйсе Дрейке нет ничего безопасного.

Он очень опасен. Молодой. Сексуальный. Богатый. Легкомысленный. Его тёмный, голодный взгляд обещал мне горячий, бурный секс. Вздрагиваю, отзываясь на воспоминание о том, как моё тело реагировало на его пристальный взгляд. Да, я уверена, что в постели он подобен дикому зверю, наверное, с гигантским членом, соответствующим его выносливости, но я не хочу этим сказать, что когда-нибудь узнаю это наверняка.

Когда водитель подъезжает и останавливается у парадной двери моего дома, я выпихиваю все шальные мысли из головы. Фантазии приятны, но пора вернуться в реальную жизнь.

Глава 3

Пэйс

Не могу перестать думать о ней с вечера субботы. Нет, не о Барби Малибу. Я получил предложенный ею минет по пути домой (ничего выдающегося), а затем высадил её у дверей дома. С тех пор от неё ничего не слышно. Что просто замечательно, потому что я всё никак не могу выбросить из головы Кайли.

Не сомневаюсь, она раскусила меня, учитывая, что её нахальный ротик назвал меня любителем случайных связей. Я в курсе, что мы ни за что не впишемся в миры друг друга, но мне нужно попытаться.

Приезжаю к Колтону в офис сразу после обеда и нахожу его за рабочим столом ассистента, перебирающим стопку документов.

— Эй, братишка, — хлопаю его по спине. — Найдётся минутка для любимого брата?

Он поднимается в полный рост и хмурится, глядя на меня.

— У меня есть выбор?

Закатываю глаза. Я в курсе, что ему не нравится, когда его прерывают во время работы. Но ситуация слишком скверная. Да и я не раз помогал ему с его женщиной.

— Нет. А теперь пошли.

Я отправляюсь в его примыкающий кабинет и слышу шаги, раздающиеся за мной. Обычно я не пью в полдень, но вместо того, чтобы сесть в одно из плюшевых кресел, предоставляющих прекрасный вид на панораму Лос-Анджелеса, я направляюсь напрямик к его шкафу с выпивкой. Да какого чёрта, я могу немного ослабить вожжи. Субботней ночью меня нехило, будто грёбаного девственника, задел отказ Кайли пойти со мной на свидание. Женщины никогда не отвергали меня, и то, что я был «выведен из строя» это ещё мягко сказано.

— Хочешь? — интересуюсь я, извлекая стакан и бутылку дорогого виски из шкафчика.

Колтон качает головой.

— Что стряслось, старина? Всё в порядке?

Делаю глоток и сразу же понимаю, что пить — плохая идея. Я и так уже разочарован и на грани. А из-за алкоголя я стану одержимым даже больше. Отставив стакан, я сажусь в кожаное кресло напротив него и издаю

тяжёлый вздох.

— Расскажи мне о Кайли.

Он щурит глаза.

— Только не это. Ты и Кайли? — он качает головой, поднимаясь на ноги. — Нет. Точно нет, блядь. Если ты пришёл сюда за этим, то можешь уходить, — Колтон указывает на дверь с непоколебимым выражением лица.

Проклятие.

— Обломщик, — передумав, я шагаю через кабинет, хватаю стакан и осушаю его до конца. Чертовски обжигающая выпивка скользит вниз, а после проделывает удивительный трюк, как-то необычно притупляя незнакомое ощущение в груди.

— Я серьёзно, Пэйс. Она хорошая. Ей не нужно ввязываться в твои... привычки...

— Привычки? — ну теперь-то я взбешён. Он говорит, что я недостаточно хорош для неё.

— Потрахался и попрощался. Поматросил и бросил. Как хочешь, так и называй, но этого не случится. Не с Кайли.

— Я в курсе, ушлёпок. Мне просто хотелось сходить с ней — просто сходить — поужинать. Насладиться её обществом.

Он снова хмурится, глядя на меня, в то время как на его лбу прорезается та самая морщинка.

— Ты говоришь мне, что не хочешь трахнуть её?

— Не будь дебилем. Конечно, я хочу её трахнуть. Речь идёт о том, что я не трахнул бы её, не позвонив потом.

— А что бы ты тогда сделал? Переехал? Женился на ней? Вырастил её сына? — вызывающе говорит он.

— Я не задумывал так чертовски далеко. Господи, — теперь я меряю шагами его кабинет, сам не зная почему. Меня дико раздражает, как всё это повернулось. Я пришёл сюда в надежде получить её номер, а вместо этого меня поджарили как стейк на гриле. Как часто это и бывает, он кроет меня картой старшего брата. Мудак.

— Именно поэтому я и не хочу, чтобы ты тёрся возле неё. У тебя нет планов на будущее. Кайли нужен мужчина с целью. А не тот, у кого на повестке дня единственная задача — передёрнуть.

Я сажусь в кресло, презирая эту братскую заботу, которую он так удачно проявляет.

— Кайли нужен кто-то готовый к серьёзным отношениям. И это не ты, так что идея не лучшая, и мы оба это знаем.

— Для тебя тоже не лучшей идеей было жениться на мега-сучке

Стелле. Но ты не послушал меня. Ты поступил по-своему, — он сжимает кулаки, держа руки по швам. Колтон ненавидит, когда я вспоминаю о его бывшей. Чертовски плохо.

— Ты же не забыл о субботней вечеринке в честь нашей помолвки?

— Разумеется, нет, — отвечаю ему. Я совершенно забыл, что она запланирована на эти выходные. Хорошо хоть мы с Коллинзом уже позаботились о подарке. — Так, где она будет? В загородном клубе Беверли-Хиллз? — ухмыляюсь я. Именно там состоялась его прошлая помолвка.

Колтон рычит ругательства, видимо, не оценив моё саркастическое чувство юмора.

— Нет, недоумок. Ничего маскарадного и вычурного. Это же Софи, помнишь?

Софи. Ну конечно, помню. Слава Богу, она ничем не похожа на его первую жену. Та злобная стерва съела бы ваши яйца на завтрак, не прояви вы осторожность. Хватаюсь за свои яйца, вспомнив её, и вздрагиваю.

— Дома. В шесть часов. Устроим гриль и поиграем во дворе, — заканчивает Колтон.

— А Кайли там будет? — ухмыляюсь я.

— Иди нахрен, — шипит он, бросая в меня степлер, пока я иду к двери. Он ударяется об стену с глухим стуком, и я понимаю, что снова в игре.

В субботу днём, я сижу на трамплине для прыжков и, свесив босые ноги в бассейн, дожидаясь начала вечеринки. Софи с Колтоном стоят на заднем дворе, приветствуя гостей по мере их прибытия, принимая поздравления и демонстрируя обручальное кольцо. Кайли всё ещё не видно. Шли дни, и я начал задаваться вопросом: почему моё внимание сосредоточено исключительно на этой женщине? Но потом один взгляд на неё, и все вопросы отпали.

Она надела белый, просвечивающийся сарафан и сандалии на ноги. Волосы стянуты в обычный хвост. Она потрясающая. В ней есть что-то настолько естественное и простое, что я не могу отвести от неё взгляд. Прохожусь глазами вниз по её голым ногам. Они подтянутые и красиво загорелые. Мне становится интересно, бегают ли она. Её рука вытянута, и за

палец, ковыляя, держится пухлый малыш.

Прошло так много времени с тех пор, как я последний раз видел паренька, что я даже не знал, что он теперь ходит. Продолжаю наблюдать за ними со своего насеста на трамплине.

Кайли ведёт малыша прямо к невесте и женишку, а потом поднимает его на руки, раздавая объятья и добрые пожелания. Однако я недостаточно близко к ним, чтобы услышать сказанное.

Увидев приехавших Коллинза и папу, я спрыгиваю с трамплина, и с промокшими внизу штанами цвета хаки, пересекаю патио.

— Эй, старик, — приветствую его, похлопав по спине.

— Пэйс Александр, — он ухмыляется мне и притягивает в объятья.

Минуло столько времени с тех пор, как мы последний раз виделись. На позапрошлом Рождество, кажется. Уверен, занятым его держала новенькая, молодая девушка. Он всё ещё работает, хотя мы и настаиваем, чтобы он ушёл в отставку. Так бы у него появилась возможность проводить больше времени здесь, в ЛА, с нами. И я точно знаю, что Колтон и Софи вскоре начнут «пулять» детишками.

— Как её зовут? — спрашиваю у него.

— Кого?

— Ты выглядишь бодрым и счастливым. Тут явно замешана женщина.

Он улыбается мне хитрой улыбкой и переводит взгляд от меня на Коллинза, и обратно.

— Я промолчу.

— Просто скажи, что она хотя бы старше меня.

— А сколько, говоришь, тебе лет?

— Двадцать пять, — отвечаю я.

— Волноваться не о чем, сынок. А теперь ткни мне в сторону той милой Софи, о которой я столько слышал.

Мы с Коллинзом ведём отца через весь двор, чтобы познакомить его с будущей невесткой. Софи очаровывает папу мгновенно, что, честно говоря, неудивительно. Она милая, добрая, приземлённая и с ней легко поладить. Пока мы перешучиваемся и весело болтаем в кругу семьи, мои глаза то и дело устремляются к Кайли. Она прижимает Макса к груди, катаясь с ним по траве, его радостный визг слышен даже отсюда. Колтон награждает меня странным взглядом, когда ловит меня за подглядыванием. Я решаюсь уйти сейчас, в то время как он занят отцом, и не может мне помешать. Мудак-обломщик.

Учитывая, что Макс здесь единственный ребёнок, и дом Колтон не совсем подходит детям, Кайли принесла для игр свои игрушки.

Сообразительная. Они уже усыпали двор грузовичками и шариками самых разных цветов и размеров.

Когда я приближаюсь, Макс, вытянув пухлую ручку, толкает к ней зелёный грузовичок.

— Правильно воспитываешь его, смею заметить, — киваю на трактор «Джон Дир», с которым играет её сынишка.

Она поднимает на меня глаза и ухмыляется.

— Не знала, что тебе известно что-то помимо «БМВ» и «Мерседес».

Она бросает мне вызов и даже не подозревает об этом. Я езжу на БМВ М3.

— Я всё еще могу оценить прекрасную машину, — опускаюсь на колени прямо на землю. — Всё дело в деталях. Видишь? — я поднимаю секретный люк под сиденьем.

Макс начинает хлопать в ладоши, когда я бросаю несколько травинок в люк и вновь его закрываю. Он сидит на лужайке и радуется, то открывая, то закрывая новый найденный тайник, пока я веду беседу с красивой девушкой передо мной.

Кайли со скрещенными ногами (она ведь в платье) устроилась на земле. Несколько минут мы сидим в полнейшей тишине, просто наблюдая за тем, как он играет.

Её сын не похож на неё. Должно быть, оливковый цвет кожи и тёмные волосы он унаследовал от отца. Но его манеры полностью её заслуга. То, как он улыбается до ушей и как визжит от восторга, напоминает мне её яркую улыбку и искренний смех. И то, как он стоит, оглядывая окрестности с любопытным выражением лица, тоже её. Они оба такие спокойные, непоколебимые, и в этом есть что-то, привлекающее меня.

— Хочешь пить? — говорит ему Кайли, используя свой язык жестов, и секундой позже он откликается, придвинувшись к ней. Она достаёт из сумки голубую пластиковую непроливайку и протягивает ему. Он подносит её ко рту и так сильно запрокидывает голову, что падает в траву, но остаётся лежать, продолжая пить, словно обделённый водой странник посреди пустыни. Я расплываюсь в улыбке. Пока он, притихнув, лежит, я пользуюсь моментом и смотрю на Кайли. По-настоящему смотрю.

Солнце играет в её волосах, придавая им красноватый оттенок. Кожа её выглядит невероятно мягкой, а губы полные и обладают такой натуральной пухлостью, ради которой многие женщины тратят тысячи на пластические операции.

Её обнажённые плечи хрупкие и загорелые. Липкие пальцы тянутся к ней, и она, не колеблясь, поднимает его на руки, позволяя ему осыпать свои

щёки влажными поцелуями. Мне не знакомо на что похоже это чувство — крошечное тельце, прижимающееся ко мне, и такое счастливое лишь от одного присутствия рядом со мной. На то, как она общается со своим малышом тяжело не смотреть.

Макс бросает свой сок и слезает с её колен, ковыляя к тому месту, где сижу я.

— Привет, дружище, — говорю, встречая его пристальный взгляд. Он молчаливо следит за мной, но я вижу, как в его маленькой головке вращаются колёсики. Он пытается осмыслить, кто я и что делаю. «Мне нравится твоя мама, малыш, не волнуйся». Вскинув руку, я спрашиваю у него, может ли он дать мне «пять» и он даёт, с визгом шлёпая своей липкой ладошкой об мою. А потом бросается вперёд и принимается взбираться по мне как по дереву.

— Макс, не надо так... — Кайли тянется за ним, но я отмахиваюсь.

— Всё хорошо. Если ты не против, конечно?

Она то открывает, то закрывает рот, обдумывая всю ситуацию.

— Нет, всё нормально. Он не так часто играет с мужчинами, так что, думаю, ему это может пойти на пользу. Я рада, что он не пугается. Всё ждала, когда это случится.

Я опускаю взгляд к гигантским блестящим голубым глазам.

— Ты же не боишься меня, приятель?

В ответ он верещит и хлопает пухлыми ладошками у моего лица. Ну и чудненько.

Следующие пятнадцать минут я провожу с ним; мы играем в самолётик по всему заднему двору, охотимся на лягушек в саду и я позволяю ему окунать пальцы в бассейн, пока сам крепко держу его.

Кайли наблюдает за нами с нейтральным выражением лица, от чего моё желание узнать о чём она думает становится только сильнее. И хотя ей приходится общаться и здороваться с другими гостями, её глаза не покидают нас надолго.

Едва устав от меня, Макс тянется к ней.

— Мума, — произносит он слегка скрипучим голосом.

Я отдаю его ей в руки, скользя руками по её голым плечам, пока мы совершаем обмен. Её кожа тёплая и мягкая как лепесток, а глаза тотчас устремляются к моим.

— Спасибо.

— В любое время, — отзываюсь я, засунув руки в карманы. Без кудрявого тельца в объятьях, они кажутся немного бесполезными, когда просто так болтаются по бокам.

К нам обращается фотограф, которого Колтон и Софи наняли, чтобы запечатлеть воспоминания о своей вечеринке по случаю помолвки.

— Сфотографировать вас втроём?

Кайли застывает, и я замечаю, как она открывает рот, будто собираясь отказаться.

— Это всего лишь фото, — напоминаю ей. Она отчаянно отказывается от всего, что может быть истолковано как проявление какой-то близости между нами. — Пожалуйста, — добавляю я.

Кайли устраивает Макса на бедре, так что теперь они оба смотрят в камеру, а я забрасываю руку ей на плечо, обнимая их, и ярко улыбаюсь фотографу.

Девушка делает несколько снимков, а потом медленно опускает камеру.

— У вас такой прелестный малыш.

— Ой, нет, он не... — я замолкаю, мысленно залепля себе оплеуху. Я едва не сказал что он не мой — ведь он моим и не был, — но внезапно до меня доходит, что я не против того, чтобы люди так думали. Не против, чтобы люди думали, будто эта прекрасная женщина и её ребёнок принадлежат мне.

Глаза Кайли вспыхивают, в то время, как она смотрит на меня, будто бы спрашивая, почему я не поправил женщину.

Я пожимаю плечами и вскидываю бровь, говоря ей, что всё нормально. Она морщит лоб и прикусывает нижнюю губу, но ничего не произносит, вместо этого возвращая всё своё внимание обратно к Максусу.

Издаലെка замечаю, как поставщики провизии раскладывают блюда с едой на длинный банкетный стол в патио.

— Может, перехватим чего-нибудь вкусенького?

— Почему бы и нет, — говорит она, а потом подаёт знак Максусу кушать, которому он охотно подражает.

Глава 4

Кайли

Мы с Пэйсом сидим за одним из банкетных столов, устеленным белыми скатертями, с Максом между нами. Я нервничаю, как бы он ничего не пролил и не испортил — с его-то энтузиазмом по части еды, — но Пэйс только улыбается ему восторженной улыбкой. От этого я становлюсь взвинченной и неуверенной.

Я делю тарелку с Максом, который наворачивает лосося, картошку и салат из огурцов как самый настоящий чемпион. Хорошо хоть я не придирчивый едок. В противном случае, ужинать мне пришлось бы хлопьями «Чириоз», потому что ничего кроме них я с собой не взяла. Конечно, и про его нагрудник я тоже забыла, поэтому половина еды, в конце концов, оказывалась на его футболке. После переодену его в пижаму.

Пэйс поднимает взгляд, явно поразившись умению Макса пригоршнями закидывать еду в рот.

— У него вообще есть зубы?

— Четыре.

— Сколько ему? — задаёт он следующий вопрос.

Без понятия, откуда у него вдруг появился такой интерес к моему ребёнку, хотя, возможно, он просто пытается быть вежливым и вести светскую беседу, покуда уж застрял с рядом сидящей дамой и её ребёнком.

— В прошлом месяце исполнился годик.

— Значит, вас только двое? — сила выражения лица Пэйса удивляет меня. На его губах почти всегда усмешка, на щеке проглядывается ямочка, а в глазах озорной блеск. Но сейчас его рот упрямо сжат, челюсть напряжена, и глубокие голубые глаза наблюдают за мной, ожидая ответа.

Проглатываю комок в горле. Мне никто не нужен. По крайней мере, так я себя убеждаю. Но Макс... я чувствую себя ужасно из-за моего сына. Ненавижу думать о том, что когда он подрастёт, мне предстоит объяснить ему, что его собственный отец не захотел иметь с ним ничего общего.

— Да, только двое, — отвечаю я напряжённым голосом. Делаю глоток воды и глубокий вдох. — Где сегодня твоя девушка?

— У меня нет девушки.

— А что с блондинкой с тех выходных?

— Она была на один раз.

— Круто, — я вскидываю бровь, глядя на него. Он грубоватый, но по какой-то неведомой причине мне нравится его прямой стиль общения и то, как его глаза не отрываются от моих. Он не придумывает оправданий и не пытается скрыть то, кем является. Или что та ночь была связью на один раз. Господи, я даже не вспомню на что это похоже.

Может, теперь я и мать, но у моего тела всё ещё есть потребности, желания... которые я неуклонно оставляю без внимания. Да, сэр, я их прочно загнала в тиски. Они представляют собой опасность, вынуждая меня желать того, что сейчас для меня невозможно.

— Я всё ещё хочу с тобой поужинать, — произносит он, прерывая мои далеко заблудшие мысли.

— Мы и так ужинаем, — замечаю я, протягивая Максу ещё одну полную вилку в надежде, что на этот раз мне что-нибудь перепадёт съесть.

Взгляд Пэйса устремляется вперёд, на океан, и впервые я задаюсь вопросом, что он думает, что видит, когда смотрит на меня. Он красивый, завидный холостяк. Конечно, в перспективах у него кто-нибудь получше матери-одиночки, настолько разочаровавшейся в мужчинах, что понадобится чудо, дабы она доверилась им вновь. Но должна признать, какой-то части меня ужасно нравится наблюдать за ним с моим ребёнком. За большими руками, обнимающими животик и грудь Макса, за тем, как нежно он подбрасывал его в воздух, пока Макс без усталости хихикал... Макс заслуживает больше таких моментов. Рациональная часть моего разума это знает, но я не хочу, чтобы он прочувствовал на себе чувство потери и неприятия, когда Пэйс решит, что с блондинкой и её надувной грудью гораздо веселее, нежели с двадцатидевятилетней матерью-одиночкой и её сыном. А так бы и произошло.

Мужчины вроде него не меняются в одночасье. А мне нужно твёрдо стоять на ногах и трезво мыслить, независимо оттого, какой он до жути хорошенький.

После ужина я переодеваю Макса в пижаму, мы чистим все четыре зубика, и я читаю ему обе книжки, которые привезла с собой. Становится понятно, что он утомился, потому что уже на второй книге он начинает тянуть себя за уши. Так он выражает свои мысли. Чёткий сигнал, что он готов лечь и не вставать до утра. И это тоже очень здорово, учитывая, что после двенадцати часов игр, поднятий и ношения его, у меня болит спина, и я хочу просто сесть и отдохнуть пару минут, прежде чем мы уедем домой.

Я нахожу Софи и Колтона у камина.

— Эй, ребята, — я наклоняюсь и заключаю каждого в объятия. — Прекрасная вечеринка. Спасибо, что пригласили нас, — ужасно, что я

совсем не провела времени с хозяевами, но погоня за годовалым ребёнком постоянно держит тебя в напряжении.

Губы Софи изгибаются в улыбке. Приятно видеть её счастливой.

— Ты сегодня замечательно выглядишь.

Усмехаюсь, понимая, что обычно она видит меня одетой в рабочую одежду. А учитывая, что работаю я дома, мой ансамбль, как правило, состоит из выцветших штанов для йоги и растянутой футболки.

Если быть честной, единственная причина, из-за которой времени на сборы — надеть сарафан, завить волосы в кудри, — ушло больше, заключалась в том, что я знала, что встречу с Пэйсом. Глупо. Пропускаю мимо ушей её комплимент.

— Макс спит в твоей берлоге. Надеюсь, ты не против, — говорю я.

— Совершенно, — отвечает Колтон. — Знаешь, ты могла бы уложить его наверху в постель?

Я отмахиваюсь от него.

— И так хорошо. Но спасибо.

— Похоже, ему с Пэйсом сегодня было весело, — замечает Колтон, пристально наблюдая за моей реакцией. Колтон и его брат и в правду сильно отличаются. Там, где Колтон настойчивый, продуманный и требовательный во всём с чем имеет дело, Пэйс открытый и лёгкий, он заставит вас улыбаться, как бы сильно вы не пытались ненавидеть его.

Мне хочется выудить у него подробности, спросить, почему Пэйс уделяет внимание мне и моему сыну, но я не хочу показаться слишком заинтересованной.

— До вашего отъезда ещё два дня, да? — интересуюсь я.

Колтон обнимает одной рукой Софи за талию и притягивает её спиной к себе.

— Это будет первая поездка Софи в Африку. Первая из многих, надеюсь. Не терпится увидеть достигнутый прогресс с моей последней поездки туда два года назад.

Мы с Колтоном обсуждаем организацию поездки, в то время как Софи забрасывает нас своими вопросами. Они уже подготовили паспорта и визы перед отлётом, а также сделали необходимые прививки. Их поездка растянется на три недели. Мне будет не хватать присутствия Софи на работе.

— Мне хочется, чтобы ты тоже поехала, Кайли, — произносит Софи.

— Няня не сможет остаться с Максом?

Я пожимаю плечами.

— Мне кажется, сможет, если я её попрошу, но не думаю, что сумею

быть так долго вдали от Макса. — Он — моё сердце.

Она кивает, будто бы понимая. Но мне кажется, что не совсем. Она поймёт только тогда, когда сама станет матерью.

К нам подходит Пэйс, на его ногах нет обуви, а закатанные рукава белой рубашки демонстрируют загорелые и мускулистые предплечья, усыпанные светлыми волосками. Он машет бутылкой в руке и усмехается мне.

— Где твой парень? — спрашивает он, глядя прямо на меня.

Живот сводит судорогой.

— Напраздновался так, что выбился из сил.

— Прошу нас простить, — извиняется Колтон. — Нужно пойти попрощаться с отцом. Он всё ещё настроен на восточный часовой пояс, — он уводит Софи, и я, какой по счёту раз, остаюсь наедине с Пэйсом. Не пойму, почему рядом с ним чувствую себя не в своей тарелке. Наверное, потому что не понимаю его мотивов, решаю я.

— Поплаваешь со мной? — спрашивает он.

— Конечно, — он увлекает меня на пляж. И пусть мой мозг и взывает отказать ему, ноги несут меня вниз, следом за ним, напрямиком к воде.

Пэйс

Я отвожу Кайли в уединённое место на пляже. После того, как я целый день наблюдал за ней и маленькой коалой, сидящей на её бедре или боку, появляется чувство, будто она потеряла часть себя. И что-то мне в этом не нравится.

— Сойдёт? — спрашиваю я, указывая на сухое местечко, которое защищено от набегающей воды высокой травой.

— Отлично, — отвечает она, опускаясь. — Радио-няня здесь ещё должна работать, — Кайли скрещивает ноги и складывает руки на коленях.

Я сажусь рядом. Песок тёплый и сахарно-мягкий. Нежные звуки тихо накатывающих волн и лунный свет, освещающий нас, делает атмосферу романтической. Будь она другой женщиной, я бы уже опустил её на колени с глубоко погруженным в горло членом. И если быть честным, сейчас я немного в растерянности, потому что не понимаю как себя вести или что дальше говорить. Для меня это любопытная перемена.

— Тебе понравилось сегодня? — интересуюсь я.

— Макс весело провёл время, так что было хорошо.

Я спрашивал её не об этом, но не настаиваю.

Когда она говорит о сыне, её глаза озаряются светом, а губы складываются в глупую улыбку. На самом деле это очаровательно. Она далека от женщин из моего прошлого. Во-первых, она не пристаёт ко мне, а во-вторых, эта тихая и созерцательная женщина, занятая разглядыванием воды, не чувствует нужды заполнять тишину нелепицей. Это освежает.

Она никогда не притворяется и не пытается произвести на меня впечатление, комфортно чувствуя себя в своей шкуре, чем и привлекает мужчину сидящего во мне.

Краем глаза наблюдаю за тем, как лёгкий ветерок приподнимает пряди её волос, выбившиеся из конского хвоста. Они развеваются вокруг её шеи и щёк, пока Кайли смотрит вперёд, вглядываясь в волны. Уверен, она понятия не имеет о том какая красивая, с её минимальным макияжем и неброским стилем. Я замечаю то, на что раньше никогда не обращал внимания, например, тонкий аромат, витающий вокруг неё, и то, какой мягкой и гладкой выглядит её кожа.

Когда ты трахаешь женщину в туалете ночного клуба нет смысла встречаться с ней снова. Где погоня? Загадка? Мне нравилось иногда сходить с ума, но я всё ещё верю, что женщина должна оставаться

женщиной. Кайли — это уравновешенность вкупе с хреновой тонной загадки и глубиной, которой достаточно, чтобы заставить меня возжелать пуститься в погоню.

В Лос-Анджелесе её сдержанность живительна. Она из тех женщин, которые стареют достойно. Никаких инъекций, филлеров или туго натянутой вокруг глаз кожи. Она будет такой же красивой в шестьдесят. Я и сейчас могу это увидеть. Длинные посеребрённые волосы, тот же дерзкий блеск в зелёных глазах, когда она встаёт на цыпочки, чтобы поцеловать в щёку своего повзрослевшего сына.

— Мне пора. Уже поздно, и...

Чертовщина, я пока ещё не могу дать ей уйти.

— Макс спит внутри, верно?

Она опускает взгляд на радио-няню, зажатую в руках.

— Да, но...

— Ты можешь остаться ещё на немного, разве нет?

По ней видно, что она хочет отказаться, но в следующее мгновение она удивляет меня.

— Наверное, могу.

— Знаю, ты говорила, что много не пьёшь, но я могу что-нибудь тебе предложить... Воду? Содовую?

— Нет, всё хорошо. Ты не должен был кружить вокруг нас весь вечер. Вокруг меня и Макса, в смысле, — произносит она.

— Но я хотел, Кайли.

Она сглатывает и поднимает на меня взгляд, пытаясь прочесть, кормлю ли я её ложью.

— Пэйс, я работаю на Колтона уже больше года. Он рассказывал мне несколько историй о своём младшем брате. Я знаю, что это не ты. Ты не тот парень, которому хочется посидеть с одинокой мамашей. Ты сам сказал, какой ты на гала-вечере.

— И какой же я, Кайли?

Её изумрудный взгляд вспыхивает, пока она мрачно и предостерегающе смотрит в мои глаза.

— Ты парень, который срывает трусики и разбивает сердца, и это одной только знойной усмешкой. Я слышала рассказы. Они немного дикие, — она подмигивает.

Я нахрен убью Колтона. И неважно, что это его помолвка. Он труп. Чёрт, понятно, что я не могу так поступить с Софи. Нужно будет придумать запасной план, чтобы заставить его заплатить.

— Разве что, у тебя есть какие-то проблемы с мамой, в которых тебе

нужно разобраться? — она вскидывает брови.

Её шутка не совсем удачная, хотя она и не в курсе.

— Я потерял мать, когда мне было девять.

— О Господи, я не знала. Мне так жаль, — её руки взлетают к груди и остаются там, пока во все глаза смотрит на меня.

— Всё нормально. Ты же не знала.

— Прости. Колтон никогда об этом не упоминал, — её тон нежный и заботливый.

Я пожимаю плечами. Меня это не удивляет.

— Это не то, что мы любим обсуждать.

И пока мы сидим здесь в компании бесконечного голубого океана, я не могу не задаться вопросом, связан ли как-то мой интерес к Кайли с тем фактом, что я вижу её в роли матери. Её мягкость и любовь изливаются на Макса во всех отношениях — может, это меня к ней и привлекает. Её теплота, преданность — всё это часть того, что делает её прекрасной. Тут и психиатра искать не надо, чтобы понять подоплёку. Но я не хочу на этом останавливаться.

Сидящая рядом о мной Кайли запускает руку в песок, пропуская его между расставленных пальцев, как через ситечко.

— Могу я кое-что у тебя спросить? — спрашиваю я.

Она кивает.

— Что случилось с отцом Макса? — это то, что интересует меня с нашего знакомства, но только сейчас под покровом ночи и когда она уже допустила промах со смертью моей матери, я набираюсь храбрости спросить у неё.

Она прекращает свои манипуляции и высыпает песок, отряхивая руки.

— Ты когда-нибудь влюблялся, Пэйс? — удивляет она меня вопросом.

— Нет.

— Никогда?

— Неа, — надеюсь, в один прекрасный момент это случится. Просто я пока ещё до него не дошёл. Был слишком занят, выстраивая карьеру и заваливая в постель всех одиноких девушек ЛА, которые попадались мне на пути.

— Это страшно — вот так отдать кому-то своё сердце. Подарить самые лучшие кусочки себя, — её взгляд становится отсутствующим, и она продолжает смотреть на воду, пока говорит. — Я встретила отца Макса, Элана, когда впервые приехала в Лос-Анджелес несколько лет назад. Он был совсем немного старше меня — ему было тридцать шесть на тот момент — и уже твёрдо стоял на ногах и был успешен. Я никого не знала в

городе, а он представлялся безопасным выбором. Мы встречались около шести месяцев, и хотя никогда и не говорили о будущем с точки зрения брака и детей, мне казалось, что мы выстраиваем нечто настоящее и долгосрочное. Мы оставались вместе каждые выходные либо у него, либо у меня. И, несмотря на всю нашу осторожность — на тот момент я пила противозачаточные, — я всё равно как-то забеременела. Кажется, они не шутят, когда печатают те предупреждения о том, что ни один контрацептив не даёт стопроцентную гарантию. Просто я и подумать не могла, что такое может случиться со мной.

Желание потянуться и взять её за руку почти одолевает меня. Но вместо этого я сжимаю руки в кулаки на коленях и жду, когда Кайли продолжит.

— Я испугалась, когда только узнала — в основном, потому что это было очень неожиданно. Карьера едва начала идти в гору, да и мы в отношениях с Эланом были сравнительно недавно. Но мне в голову даже мысль не приходила, что мне придётся беспокоиться об участии матери-одиночки. Я боялась рассказать Элану. Он всегда относился ко мне только с любовью и добротой, — тон Кайли становится грубым к концу, будто у неё что-то застряло в горле.

Ненавижу направление, которое приобретает этот рассказ, а себя ненавижу даже больше за то, что спросил и заставил её вновь пережить все эти горькие воспоминания. Мне хочется надавать себе по яйцам за проявленное любопытство.

— Я позвала его в квартиру, в которой тогда жила, не хотела говорить ему по телефону. Он приехал, вёл себя игриво и выпрашивал, что я хотела ему рассказать. Но как только слова «Я беременна» сорвались с моих губ, вся его игривость мигом испарилась. Вся его манера поведения изменилась. Добрая сторона исчезла, а на её месте возник человек, который вдруг стал абсолютно деловитым. Он хотел знать когда, как и что я планировала с этим делать. Мне хватило несколько секунд на то, чтобы понять, что он не использовал слово «мы». Он спрашивал, что планировала делать Я. С того момента я была сама по себе — только я и крохотная жизнь, растущая внутри. Мне было плохо, и я чувствовала себя пустой. Он сделал так, чтобы этот ребёнок был во мне, а теперь вдруг не хотел иметь с нами ничего общего. Ужасное чувство.

Кайли притихла на мгновение. Ни за что на свете я не стану копать глубже, хотя что-то подсказывает, что эта история далеко не закончена. И у меня такое чувство, что продолжение будет ещё мучительнее, прежде чем всё пойдёт на лад.

— Элан перестал звонить, перестал отвечать на мои сообщения и электронные письма. Он обрубил все связи. Где-то на шестом месяце беременности я столкнулась с ним посреди ночи в магазине. Мне жутко захотелось мороженого, и я рискнула выбраться за ним в родильной пижаме. Мне всё ещё не по себе, когда я думаю о том, какой он меня увидел, — она вздрагивает и зарывается лицом в руки.

Представив её с твёрдым круглым животом, я не нахожу ничего за что ей стоило бы стыдиться. Она замечательная женщина, и несмотря на то, что обычно меня не привлекают беременные, от мысли о Кайли с растущим внутри ребёнком губы складываются в одурманенную ухмылку.

— Я увидела его с какой-то молоденькой блондинкой, — продолжает она. — Они покупали презервативы на кассе. Его глаза скользнули от меня к моему округлившемуся животу и обратно. Он посоветовал продавцу пользоваться презервативами, даже если женщина утверждает, будто принимает таблетки. А потом ушёл. Я ненавидела себя за то, что доверила ему своё сердце. Я ненавидела себя, потому что всё ещё скучала по нему. Но самое болезненное произошло спустя несколько недель. Его ассистент прислал мне чек на пятьдесят штук с прилагающейся запиской, в которой говорилось, что он не хочет, чтобы его беспокоили с еженедельными алиментами, и что я должна начать откладывать на колледж. Что я, конечно, и сделала — ради Макса, — как бы ненавистно мне было принимать от него деньги. Больше я с ним никак не общалась, — заканчивает она.

— А когда родился Макс? — не могу понять мужчину, который просто ушёл бы от своей женщины и ребёнка — особенно этой женщины. Она же такая сильная, независимая и потрясающе красивая.

— Ничего, — отвечает она. — Когда начались роды, я вызвала такси, поехала в больницу и родила.

— Как же твоя семья? — задаю я вопрос. Наверняка у неё есть на кого рассчитывать, когда она в этом нуждается.

Она пожимает плечами.

— Мои родители развелись, когда я была маленькой. Я не особо общалась с отцом, а мама... ну, она не участвовала в моей жизни, её больше заботила своя.

— Какая у Элана фамилия? — спрашиваю я.

— Зачем тебе? — она поднимает взгляд и встречается со мной глазами.

— Затем, что я хочу надрать ему задницу, — грудь напрягается, а костяшки пальцев зудят от желания врезаться во что-то — желательно в его лицо.

— Всё нормально, Пэйс. Сейчас-то я уже покончила с Эланом. Полностью. Единственное, что причиняет моему сердцу боль — это знать, что однажды мне придётся отвечать на вопросы Макса о том, почему его отец не захотел иметь с ним ничего общего.

— Прости за любопытство. Я знаю, что это не моё дело, — чувствую себя первоклассным козлом.

— Ничего, — произносит она и, откинув в сторонку сандалии, зарывается голыми пальцами ног в песок. — Это научило меня тому, что я должна быть более разборчивой в выборе мужчин. Красавчики с льстивым языком, говорящие только нужные слова, меня больше не возбуждают.

Она пускает меня внутрь, и я ценю возможность заглянуть в её потаённые мысли. Повернувшись к ней, я спрашиваю:

— А какие возбуждают?

— Мужчины, проявляющие доброту к моему ребёнку.

Её ответ такой уравновешенный, такой простой — становится ясно, что она уверена в своих словах.

Интересно, таким ли она видит меня. Надеюсь, что так. Мне очень понравилось сегодня играть с Максом, и хочется верить, что ей не взбрело в голову, будто это было всего лишь попыткой забраться к ней в трусики. Этого она, наверное, и ждёт, основываясь на рассказах, которые слышала от Колта. Вот тупоголовый. Моя решимость надрать ему задницу вновь возрастает на полную мощность.

— Сейчас я на той стадии, когда поступки говорят громче слов, — произносит она. — Наверное, мне пора, слишком уж много я наговорила.

— Не уходи. Ещё рано, — я открываюсь слишком сильно, никогда не позволял себе такого раньше. Игра, которую я вёл, улетаёт в трубу, и меня это не волнует.

— Моя жизнь не такая, Пэйс. Она не включает в себя барбекю на заднем дворе, где столько рук готовы прийти на помощь, или же роскошные гала-вечера в центре городе.

— Понимаю, Кайли. У тебя есть обязанности. Я это вижу.

— Это тяжёлый труд, Пэйс, работа двадцать четыре часа семь дней в неделю. Без больничных. Без выходных. И я знаю, что ты скажешь, будто это не важно, но это не так. Ты Дрейк. Я видела, какой жизнью вы привыкли жить. Это шампанское, икра и брендовые шмотки.

Ей невдомёк, но я не особо похож на своих братьев в этом отношении. Я живу в простой двухкомнатной квартире, а не в особняке на берегу моря, как Колтон и Коллинз.

— Спустя какое-то время человек устаёт от шампанского и икры, —

отзываюсь я, силясь не принимать близко к сердцу её выпад.

— Так ты хочешь временно победствовать?

— Ты не бедная. И Макс тоже.

Её взгляд, устремлённый в мои глаза, вспыхивает, и я понимаю, что мои слова затронули что-то глубоко внутри неё.

— Нет, но мы не представляем собой то, к чему привык ты.

— Может, я устал от старой жизни, — я смотрю ей прямо в глаза, пока говорю это, позволяя смыслу сказанного проникнуть вглубь.

Она отвечает на мой серьёзный взгляд своим собственным.

— А что, если ты устанешь и от нас? Я не могу вовлечь своего сына только для того, чтобы однажды ты исчез, решив, что сыт по горло играми в «дом».

Чёрт возьми. В этом словесном спарринге она лучше меня, и я это чертовски ненавижу.

— Я по-прежнему хочу сводить тебя на ужин, — произношу я.

— И я ценю это, но просто не готова ни к чему такому, — Кайли поднимается на ноги и отступает в сторону дома. — Доброй ночи, Пэйс.

Чёрт.

Мы замечательно проводили ночь и как только, наконец, начали продвигаться дальше, она выбивает почву у меня из-под ног. Мне надоело слушать о том, что я недостаточно взрослый, чтобы справиться с ответственностью отношений с женщиной, у которой есть ребёнок. Я хочу честный шанс. Но наблюдая за тем, как она удаляется, повержено опустив плечи, я осознаю, что ей не хочется оказаться правой в отношении меня. Она ожидает, что я подведу её.

— Кайли, подожди, — зову я, вскакивая на ноги и пускаясь вовсю мочь за ней. Я перехватываю её в патио, где она засовывает свои вещи в сумку: разбросанные игрушки, кружки-непроливайки и пакетики с кашей, рассыпанные у её ног. Она поднимает подбородок и находит взглядом мои глаза. Смущение скрашивает черты её лица. — Давай я помогу тебе отнести Макса в машину, — объясняю я.

Она не отвечает. Просто смотрит на меня. Но с учётом того, что она и не отказывает, я протягиваю руку и забираю у неё сумку, добавляю несколько пропущенных вещей и застёгиваю молнию.

— Я этим займусь.

Она наблюдает за мной с лёгким любопытством, её красивые зелёные глаза широко распахнуты, будто она переваривает всё случившееся, анализируя мои действия, ведь всего тридцать секунд назад она отшила меня. Чёрт, да я и сам ничего не знаю. А только следую инстинктам. Я не

пытаюсь произвести на неё впечатление или сыграть в какую-то игру, и это дико освежает.

Кайли остаётся молчалива, пока мы идём в дом. Я только догадываюсь, где спит Макс, но она ведёт меня в берлогу. Там темно и тихо, слышны только негромкие звуки дыхания, исходящие от спящего младенца. Он на полу, на чём-то вроде матрасика для сна. Мы стоим над ним целое мгновение, наблюдая. Его губы приподнимаются во сне, и я внезапно понимаю: мне интересно, что ему снится. Наверное, его хорошенькая мамочка. Эта мысль греет меня.

— Можно мне? — шепчу я.

Она кивает и забирает у меня сумку. Я наклоняюсь и аккуратно поднимаю малыша с пола. Я подношу его к груди, прижимая. Он открывает один глаз, проверяя кто его держит, а потом роняет головку на моё плечо, где она остаётся лежать всю дорогу до машины. Его обмякшее крошечное тело повторяет контуры моего, и я могу почувствовать жар его дыхания на своей шее. Улыбнувшись, я нежно поглаживаю его спинку, осторожно, чтобы не разбудить.

Кайли видит всё, а потом открывает заднюю дверь, и я размещаю его в специальное машинное кресло в то время, как она наклоняется и пристёгивает его. Аромат ванили в сочетании с изысканным запахом женской кожи лёгким дуновением приветствуют меня. И что-то пробуждает внутри. Возможно, всё дело в том, что я наблюдал за ней с ребёнком весь день, видел её в роли матери, а теперь испытываю её мягкость как женщины — и это что-то будоражит во мне. Учитывая однотипность женщин, с которыми я обычно встречаюсь, этот глоток чистого воздуха только в радость.

Мы не произносим ни слова, стоя на подъездной дорожке, залитые лунным свечением. Кайли закрывает дверь машины, и мы оба заглядываем в окошко, проверяя не проснулся ли от шума Макс. Не проснулся.

— Я могла и сама отнести его, — говорит она, повернувшись ко мне.

— Знаю.

Она пристально смотрит на меня, будто пытается высмотреть скрытый умысел. Этим же взглядом она одарила меня, когда я взял у неё Макса, чтобы показать ему лягушку, которую обнаружил в саду.

— Веди осторожно, — говорю ей.

— Хорошо, — и больше не говоря ни слова, она проскальзывает на водительское сиденье.

Я продолжаю стоять на дорожке, пока она не отъезжает, и свечение задних фар не исчезает из поля зрения. Не проходит и двух минут, а я уже раздумываю над тем, как вновь её увидеть.

В доме я нахожу Софи, расположившуюся за кухонным островком, с полным ртом пирога.

Я не сдерживаю ухмылки, когда замечаю её, тогда как у неё расширяются глаза, будто её поймали с поличным.

— Не смотри на меня так, — говорит она, слизывая глазурь с большого пальца. — Я едва поела со всем этим столпотворением и разговорами.

Вскинув руки, я показываю ей продолжать.

— Не обращай на меня внимания, — хватаю кусочек торта пальцами. — Вот, я даже присоединюсь к тебе. Ваше здоровье.

— Ваше здоровье, — она касается углом своего торта моего, и мы молча едим, наслаждаясь уютом момента, возникшего между нами. Софи уже кажется членом семьи гораздо больше, чем бывшая Колтона. Та относилась к тем женщинам, с которыми я не мог находиться рядом. А вот с Софи я бы не возражал против клонирования. И эта мысль мгновенно лишает меня весёлости. У неё была близняшка, которую она потеряла. Я всё ещё вижу в её глазах тоску, но с учётом всего, она отлично справляется.

Мы продолжаем есть, переключаясь на закуски, включающие в себя сырные слойки и крабовые рулеты, пока Софи рассказывает мне о дальних родственниках и друзьях семьи, которых она встретила сегодня.

— Мне нужно твоё мнение кое о чём, — говорю я, вытирая руки об салфетку.

— Ну ничего себе, самому Пэйсу от меня что-то нужно... благодарю за честь, — отзывается она, усмехаясь. — В чём дело?

— В женщине, которой я увлечён, — начинаю я.

Услышав позади шаги, я оборачиваюсь. Это Колтон, разыскивающий свою невесту, кто бы сомневался.

— Пока это не Кайли, можешь развлекаться по полной, — встречает он.

Со свистом выдыхаю.

— Мне она нравится, чувак. В чём проблема? — я рассчитывал спокойно и рационально переговорить с Софи. Мнение братца мне уже известно, и оно меня бесит.

— Она мать-одиночка, — говорит Колтон, будто я этого не знаю.

— Я это прекрасно знаю. Неужели ты думаешь, я пропустил крошечного человечка, не слезающего с её бедра весь вечер? — на самом деле я видел в нём что-то вроде бонуса.

Софи наблюдает за перепалкой, её глаза мечутся между нами, будто она изо всех сил старается не отстать.

— Может, это и не так уж плохо, Колтон, — говорит она, накрыв его плечо рукой. — Пэйс — хороший парень. А Кайли милая девушка.

Колтон раздражается громким хохотом. Сучёныш.

— Пэйс не хороший парень.

Софи вновь устремляет на меня взгляд и выпячивает губы, будто взвешивает эту информацию.

— Я не убью тебя только потому, что это огорчит Софи, — огрызаюсь я, глядя на него.

— Он милый, Колтон, — произносит она, словно пытается убедить нас обоих. Её наивность умиляет.

— Он хороший с тобой, милая, потому что знает, что в противном случае я его убью, — говорит Колтон, целуя её в шею.

— Пэйс? — зовёт она.

— Не слушай его, кексик. Я могу быть хорошим. Начну с того, что признаю, что многие девушки из моего прошлого были... временными забавами.

Брови Софи устремляются вверх.

Пожимаю плечами.

— Я просто говорю правду. Но я понимаю разницу между ними и такой достойной девушкой, как Кайли.

— Колт, можешь дать нам минутку, дорогой? Мне хочется поговорить с Пэйсом, — произносит Софи.

Он прижимается к её губам и ворчит в ответ. Неспешно отодвинувшись, он, наконец, оставляет нас наедине.

Софи поворачивается ко мне с серьёзным выражением лица.

— Так она тебе нравится? — говорит она.

— Да, в ней есть что-то. А может, это просто я начинаю перерастать свои пьяные забавы, из которых состоят практически все мои выходные. Может, я готов к чему-то настоящему.

— Так в чём проблема? Я знаю, что ты не позволишь мнению Колтона встать на своём пути.

— Не позволю. Он переживёт. Мне нужен был твой совет, потому что Кайли во мне, кажется, не заинтересована. И это для меня как-то в новинку, — я криво ухмыляюсь и пожимаю плечами. Говорю как наглый мудака, но это правда.

— Мой совет? Честный? Иди и возьми её, тигр, — она одаривает меня проказливой усмешкой.

— При всём уважении, о чём ты, чёрт возьми, кексик?

— Я собираюсь посвятить тебя в одну тайну, — она поглаживает стул

рядом с собой, указывая сесть. Я сажусь. — Женщине нравится, когда мужчина врубает альфа-самца, — продолжает она.

— Чего?

— Например, когда Колтон отказывался принимать мой уход. Он полетел в Италию, чтобы вернуть меня.

Я хорошо помню ту поездку. Честно говоря, я пытался его отговорить. Здорово так любить девушку, но он в то время был женат. Я вдалбливал ему, что сперва нужно разобраться с багажом, но его план сработал.

— Хочешь сказать, я не должен принимать отказа?

— Точно. Завоюй её. Покажи, что из вас двоих получится замечательная пара.

И как мне это сделать, чёрт возьми? Я потираю виски. Представляю Кайли с её малышом. Эта мысль твёрдо впечатывается и отказывается исчезать.

— Я справлюсь, Соф.

Она очаровательно улыбается мне.

— Я всегда это знала.

Глава 5

Кайли

Ещё только начало дня, а я уже выбита из сил. Отпуская нянечку Макса из города на две недели в запоздалое свадебное путешествие, я понимала, что у меня не будет ни единой свободной минутки. Мы играли в грузовички, гоняли мяч по двору, рисовали пальцами на листах строительной бумаги, сочиняли песни, танцевали, читали книги, и теперь я была бы не прочь подремать. Но Макс, конечно же, рвётся в бой.

Удовлетворив его на пять минут пластиковой фермой, которую я поставила перед ним, чтобы он мог её изучить, шлёпаюсь на диван и закидываю ноги на крупногабаритный пуфик.

Не могу мысленно не вернуться к вчерашнему дню и тому, каково было наблюдать за Пэйсом в компании моего сына. Если и существовала такая форма прелюдии для одинокой мамочки — наблюдение за привлекательным, заботливым мужчиной, взаимодействующим с её сыном, — эта определённо была ею. Макс — моя душа, и поэтому глядя на то, как осторожно и мило Пэйс обращался с ним, я ощутила всё то, чего предпочла бы не признавать.

Стук в дверь разрушает мою грёзу и побуждает Макса вскинуть головку. Я слезаю с дивана, мысленно задаваясь вопросом, кто это может быть, в то время как Макс, резко сорвавшись с места, устремляется к двери. Нужно научить его бояться незнакомцев.

Я открываю замок и на секунду застываю в молчании.

Пэйс.

Он стоит на моём крыльце, держа в руках надувной детский бассейн и сумку с водными игрушками.

Какого чёрта?

На нём простая белая футболка, тёмные джинсы, намекающие на мышцы, скрывающиеся под ними, а на длинных загорелых ногах красуются кожаные шлёпанцы. Его глаза перебегают от меня к ребёнку, расположившемуся у моих ног, и на его губах медленно расцветает улыбка.

— Надеюсь, ты не возражаешь... Софи упомянула, что твоя няня уехала из города на следующие несколько недель... Мне пришло в голову, может, вам, ребята, не помешает компания...

— Я... эм... — растеряла все слова, видимо. Мужчины не заявляются

ко мне домой наперевес с игрушками. И уж точно не такие привлекательные, из-за которых моя грудь вздымается, а соски упрутся в кружево лифчика, требуя к себе внимания. Сукины дети!

Взгляд Пэйса кочует от моих глаз вниз, и я скрещиваю руки на груди. Чёртова ямочка скрашивает его щеку в то время, как губы изгибаются в кривой усмешке.

Его глаза опускаются всё ниже и ниже, пока не достигают Макса, который в настоящее время прячется за моими ногами.

— Эй, маленький мужчина, — произносит Пэйс.

Я могу думать только о том факте, что на моём крыльце находится восхитительный мужчина, в то время как я — растрёпанная, небритая, да ещё и одетая в майку, из-под которой торчат лямки жалкого старого лифчика и, Господи Боже... шорты для беременных, которые я таскала, потому что они были о-о-очень удобные. Моему ребёнку уже тринадцать месяцев, а я всё ещё ношу шмотки для беременных. Что со мной не так? Я сбросила вес после родов — полностью, если не считать последних десяти фунтов и жировой складки, разлёгшейся над поясом. Клянусь здесь и сейчас, что в ближайшее время начну посещать фитнес зал. Завтра же. И выброшу эти чёртовы шорты для беременных. За те три секунды, что я обдумывала всё это, Макс выглянул из-за моих ног и рванул к Пэйсу.

Он со всей силы врывается в него, ударяя прямо между ног.

— Омф, — задыхается Пэйс и складывается пополам, бросая игрушки, чтобы накрыть руками своё поколоченное мужество.

— О Господи, ты в порядке? — я прихожу в движение, оттаскивая Макса от ног Пэйса.

— Дай мне минутку, — выдавливает он.

Я чувствую себя ужасно, но потом решаю, что это ненормально. Это он заявился без предупреждения и приглашения, да и Макс не навредил ему намеренно.

Макс, не обращая внимания на боль, причиной которой только что стал, заползает в бассейн, что теперь лежит на крыльце.

Собравшись спустя несколько мгновений, Пэйс встаёт и выпрямляется в полный рост.

— Сильный паренёк, — замечает он.

Он и правда такой. Мы боролись еженощно, и он выигрывал каждый раз.

— Пэйс? — зову я, всё ещё не понимая, что он вообще делает в моём доме.

— Такой день прекрасный, — улыбается он, глядя на безоблачное

голубое небо. — Хочешь поплавать?

Учитывая, что Макс уже в бассейне, я понимаю, что не могу отказаться.

— Конечно. Не хочешь забрать его обратно? Я переодену Макса, и мы встретимся с тобой здесь.

Он усмехается мне, прекрасно понимая, что одержал победу в этом раунде. Хитрюга. Хотела бы я знать, что у него на уме.

Когда я вытаскиваю Макса из бассейна, он пинается и визжит, пока я не объясняю, что сперва нужно переодеться, и тогда он сдаётся, позволяя мне уволочь его назад в дом.

Через окно, выходящее из спальни Макса, я вижу, как Пэйс устанавливает бассейн и перетаскивает садовый шланг, чтобы его наполнить.

Я быстро раздеваю Макса и надеваю на него купальный подгузник и красные плавки. Потом подбираю детский солнцезащитный крем и свои чёрные очки, и мы присоединяемся к Пэйсу на заднем дворе.

Макс без колебаний бросается к нему. Осторожнее, малыш, этот мужчина может нас ранить.

Пэйс высыпает в наполненный бассейн игрушки из сумки — разноцветные шарики, ведёрки и плавающие пластиковые животные тут же перехватывают внимание Макса, и он, громко взвизгнув, начинает хлопать в ладоши. У него нет бассейна, но он любит проводить время в ванне, поэтому я знаю, что ему это очень понравится.

Когда Макс приближается к воде, я тянусь за ним.

— Я возьму его, — произносит Пэйс, обнимая двумя большими руками животик Макса и поднимая его над водой, чтобы он мог опустить в неё ножки.

Макс стучит ножками и хихикает, явно довольный собой.

Я взвинчена и насторожена. Знаю, что прошлой ночью много всего наговорила, поэтому я даже представить не могу, что теперь обо мне думает Пэйс.

Макс садится в бассейн, и я выключаю шланг — трёх дюймов воды достаточно, чтобы он мог поплескаться.

Опускаюсь на траву рядом с Пэйсом, и мы оба наблюдаем за Максом. По крайней мере то, что он занимает наше внимание, снижает напряжение, позволяя завести разговор. Но спустя несколько минут, я уже не могу сказать, что способна расслабиться в присутствии этого огромного, прекрасного мужчины, который не только принёс подарки, но и играл с моим сыном.

— Пэйс, я не хочу показаться неблагодарной, с твоей стороны было очень мило принести Максy бассейн и игрушки, но мне нужно понять для чего всё это, — радуюсь тому, что скрыта чёрными солнцезащитными очками, ибо его взгляд, впившийся в мои глаза, серьёзен и напряжён.

— Я понимаю, что это серьёзно, и такое положение пугает. Но ты не одна. У тебя есть этот парнишка, который может за тобой приглядеть, — он гладит Макса по макушке, взъерошивая волосы. — И ты не знаешь моих намерений.

Я киваю. Вот именно. Он знает, как отец Макса бросил нас. С нетерпением, практически затаив дыхания, жду от него ответа.

Пэйс встречается со мной глазами, его глубокий голубой взгляд нацелен прямо на меня.

— Поэтому я сделаю всё кристально ясным: ты мне нравишься, Кайли. Мне нравится Макс. Я пришёл сюда сегодня, потому что мне нравится проводить с вами время, и я хотел увидеть вас вновь.

— Пэйс, прости, просто после отца Макса я вообще ничего такого не ищу, — сама мысль о лёгкомысленных свиданиях ужасает меня.

— Откуда ты знаешь, если ни разу не пробовала?

Он прав. Я знаю, что это так, пусть часть моего мозга, отвечающая за логику, и закликает меня быть осторожной. Следующий мужчина, с которым я буду встречаться, должен быть пригодным мужем. Но я всё равно к этому не готова. Судя по ладному внешнему виду Пэйса и беззаботному образу жизни, наверняка, ему по душе секс без обязательств, ночные клубы и женщины без растяжек. Но с другой стороны, мне казалось, что и из Элана выйдет хороший муж. Он был зрелым и устоявшимся, и поглядите только, чем всё обернулось для меня.

Пэйс — льстец, но не откровенный. В его глазах светится истина, когда он говорит. Однако мой разум тщательно присматривается к людям, которые дают мне заманчивые обещания, подталкивая к большему.

Макс поскальзывается в бассейне, исчезая под водой, но сразу показывается над поверхностью и закашливается водой, которой успел наглотаться. Прежде чем я успеваю вообще хоть как-то отреагировать, Пэйс подхватывает и прижимает его к груди, похлопывая по спинке, чтобы прочистить дыхательные пути, не переставая шептать утешительные слова.

У меня трясутся руки, но с Максом всё в порядке. Слава Богу.

Я беру пляжное полотенце и заворачиваю в него малыша, цепляясь и целуя Макса в голову.

— С ним всё хорошо, Кайли. Я успел, — расстроенно говорит Пэйс.

— Знаю, — поднимаю взгляд на Пэйса, замечая его намокшую

футболку, прилипшую к загорелой коже. Живот сжимается, и тёплое покалывание разбегается по всему телу. Боже, как же давно я этого не ощущала. — Хочешь войти посохнуть? — голос получается натянутым, и я делаю глубокий вдох, силясь восстановить самообладание. — Я приготовлю нам обед, — предлагаю я.

Пэйс кивает и выуживает все игрушки из бассейна, убирая их сушиться в сторону, после чего следует за нами с Максом в дом.

Я знаю, что мы не закончили наш разговор, остановившись на моменте, когда он бросил мне вызов пожить немного, что весьма кстати, потому что мне нечем ответить.

— Буду через минуту, почувствуй себя как дома, — говорю ему.

Меняю Максу подгузник и надеваю на него свежую одежду — его любимую голубую футболку с аллигатором спереди и шорты. Учитывая, что и сама я тоже мокрая, пользуюсь случаем и переодеваюсь в нечто более подходящее для компании. Синее как полночь платье без рукавов. Хлопковое, эластичное и мягкое, и надеюсь не навевающее мысль, что я перестаралась. Расчёсываю пальцами волосы и вновь стягиваю их в хвост.

Покинув вместе с Максом спальню, я нахожу Пэйса в гостиной, где он с задумчивым выражением на лице разглядывает фотографии Макса, которыми я украсила каждую поверхность.

Пэйс снял свою промокшую футболку, и когда он поворачивается лицом ко мне, чувствую себя так, будто меня ударили кулаком в живот. Весь воздух испаряется из лёгких.

Грудь и пресс состоят сплошь из твёрдых мышц, будто высеченных из камня. Он загорелый с небольшой россыпью волосков, исчезающих за поясом джинсов... и говоря о поясе, я имею в виду, что не вижу на нём ни боксеров, ни брифов. Не носит бельё? И почему мои пальцы так зудят от желания узнать?

— У тебя есть сушилка? — спрашивает он, держа в руках влажную футболку.

— Д-да, — запинаясь я, кивая в сторону коридора, ведущего в прачечную. Теперь мы с Пэйсом опустили до уровня односложных ответов и кивков. Отлично.

Он расплывается в благодарной улыбке, тогда как его глаза блуждают по моим формам, останавливаясь на обрывающейся на коленях юбке платья.

— Сейчас вернусь.

Я слышу звук включающейся сушилки и поворачиваюсь в сторону кухни, где усаживаю Макса на стульчик и начинаю извлекать из

холодильника ингредиенты.

— Мне жаль, что я не могу предложить что-нибудь посущественнее, нежели жаренные сэндвичи с сыром, — говорю ему я.

— Столько лет не ел жареный сыр. Звучит великолепно, — сияет в ответ Пэйс.

Почему он всегда такой уверенный и непоколебимый в то время, как я ничего похожего не испытываю?

Пэйс играет с Максом, пока я смазываю ломтики хлеба маслом и выкладываю между ними сыр. Прикладываю все усилия, лишь бы не обернуться, чтобы понаблюдать, как они контактируют — нежные звуки детского лепета в сочетании с глубоким мужским смехом трогают меня до глубины души. *«Не обманывайся этим красавчиком, Кайли».*

Закончив с сэндвичами, я нарезаю порцию Макса на крошечные кусочки и складываю их на его поднос. Туда же добавляю клубнику и ставлю его кружку для молока. Пэйс внимательно наблюдает за моими передвижениями по кухне и языком жестов, который я использую в общении с Максом. Если он хочет зависать рядом, ему придётся привыкнуть к здешнему распределению власти. Потребности Макса на первом месте.

В конце концов, разложив тарелки на кухонном островке, за которым сидит Пэйс, я жду от него какого-нибудь комментария о том, что бутерброды уже успели остыть, но он напротив, поворачивается ко мне с улыбкой.

— Ты и впрямь хорошая мама.

Никто не говорил мне этого раньше, поэтому эмоции от его слов заставляют меня замереть в полушаге. Это как если бы все границы, что я с таким трудом пыталась сохранить, сила, решимость и яйца, которые мне пришлось отращивать с тех пор, как я стала матерью-одиночкой — всё это в одно мгновение сравнялось с землёй.

— С-спасибо, — бормочу я.

Пэйс откусывает от сэндвича, не отрывая глаз от Макса.

— Что это значит? — интересуется он.

Я перевожу взгляд на Макса, отмечая его сжимающиеся и разжимающиеся пальчики.

— Молоко, — отвечаю я.

— Я возьму, — Пэйс поднимается и берёт его пустую кружку с подноса.

Мои чувства к нему смягчаются, пока я наблюдаю за тем, как он наливает молоко в непроливайку, крепко закрывая крышку, и возвращает её

обратно в пухлую ручку Макса.

Мне не нужна ничья помощь, но его чёртово присутствие так приятно. Очень. Я всё время стараюсь быть сильной. Но сейчас здесь мужчина, охрененно крутой мужчина, готовый мне помочь. Зачем отказывать ему? В горле застревает комок, который трудно проглотить.

Пэйс

Я выбит из колеи тем, что нахожусь здесь, разделяя этот момент с Кайли и её сыном. За чем-то таким нормальным как обед, пусть мне и кажется, что это нечто гораздо большее. Её глаза остаются приклеенными ко мне, когда я перемещаюсь по кухне, помогая Максусу вытереть ручки и сбрасывая остатки еды с его подноса в мусорку.

После обеда, Кайли укладывает Макса на дневной сон, после чего присоединяется ко мне в гостиной. И тут же начинает подбирать игрушки и забрасывать их в корзину, стоящую рядом с диваном. У меня возникает ощущение, будто ей нечасто выпадает возможность побездельничать — время только на себя, — время побыть женщиной, а не только мамой. Странно, что близость к ней подводит меня к мыслям, которые раньше никогда не приходили мне в голову.

— Посиди немного, — призываю я, поглаживая место рядом с собой.

И она садится, приземляясь на плюшевую софу с тихим вздохом.

— Я люблю его, но Господи, как же он выматывает, — смеётся она.

— Он замечательный, — говорю я.

Её глаза скользят к моим, и она безмолвно изучает меня, с внезапно ставшим серьёзным лицом.

Сегодня было не до романтики. Мы не пытались как-то произвести друг на друга впечатление (ну разве что я немного, заявившись сюда с бассейном), но не могу не задаться вопросом, может всё это: неторопливое начало, разговоры, постепенное узнавание друг друга и есть тот самый ключ. Беседы и в первую очередь выстраивание дружеских отношений — может, это и приводит к чему-то более глубокому, чему-то, чего у меня не было раньше. Прежде я никогда не подводил себя к таким отношениям с женщиной. И чувства, одолевающие меня, в отношении того, что будет дальше, совсем другие.

Было интересно понаблюдать за ней в привычной для неё обстановке. В отличие от моей опрятной и полупустой квартиры, её дом в самом деле ощущается домом. Обжитым. Здесь есть милые фотографии на стенах, которые украшают ещё и полки с аркой над камином. Их селфи с Максом или только Макс, потому что она фотографирует. Никаких счастливых семейных портретов, лишь девушка, не осознающая, как многого достойна, и её малыш.

— И что же такой жизнелюбивый одинокий мужчина делает на

свидании с игрушками в пятницу? — интересуется она.

— Жизнелюбивый? — я поднимаю бровь, наблюдая за ней.

— Ага.

— Ты слышала рассказы, да?

— Конечно.

— Я убью Колтона, — заявляю я.

— Так я и думала, но если серьёзно, неужели нет занятия получше, чем играть с годовалым ребёнком?

— Ты знаешь, зачем я здесь, Кайли, — по крайней мере, должна.

— Просвети меня.

— «Игрушечное» свидание с Максом было поводом. На самом деле я рою под его мать.

Она смеётся, не отнимая взгляда от моих глаз.

— Разве это не очевидно? Мне показалось, что в этой игре мне не хватило мастерства, и ты меня раскусила.

— Так вот, что всё это для тебя? Игра? — осведомляется она с вдруг принявшим серьёзный тон голосом.

— Разумеется, нет, — для меня это подлинные переживания, которые я давно не испытывал.

— Я нервничаю из-за тебя, Пэйс. Из-за тебя я хочу того, о чём не могла и подумать.

— Со мной то же самое, — отзываюсь я.

— Объясни.

— То, что я здесь сегодня для меня в новинку. Я чувствую себя не в своей таралке в той же степени, что и ты.

— В этом я сомневаюсь, — вызывающе реагирует она уверенным голосом.

— В том, что я провожу время с женщиной и её ребёнком? Я раньше этого не делал, никогда прежде и не хотел... но ты заставляешь меня захотеть попробовать кое-что новое. Первое в чём я признаюсь, секс — единственное, что я знаю. Из него состоял мой образ жизни последние... — я делаю мысленный подсчёт, — двенадцать лет. — Начиная с соблазнения учительницы по химии, секса с экономкой и перепиха ради забавы с каждой попадающейся на пути девушкой без парня в ЛА. Это единственное в чём я был хорош. Всегда был весельчаком — парнем, которого звали, чтобы приятно провести время. Но теперь, перед лицом этой восхитительной женщины, всё казалось до охренения бессмысленным. Я от этого вообще получал какое-то удовольствие? — Может, я устал от старой жизни, — говорю я ей. Замолкаю, наблюдая за её реакцией. Кайли

внимательно изучает меня, тихо выдыхая через чуть приоткрытые губы, но остаётся тихой и неподвижной.

— Я не хочу полагаться на «может быть» и «когда-нибудь». Слишком многое стоит на кону, слишком многое я могу потерять, играя в такие игры.

— Будь ты другой женщиной, я бы уже был в тебе по самые шары. Поверь мне, я могу быть другим, ты заставляешь меня чувствовать себя другим.

Её щечки розовеют, а пульс заходится на шее.

— Ты волнуешься из-за этого?

Она кивает.

— Д-да.

— Почему? — не знаю, говорим ли мы про секс или про то, что я хочу оставаться рядом.

— У меня никого не было после Элана, — отвечает она.

У неё не было никого... девять месяцев беременности и теперь уже тринадцать месяцев жизни Макса... Около двух лет. Чёрт. В самый раз для целибата. Очень долго.

— Скучаешь по этому? — спрашиваю я.

— По чему? Хочешь сказать, по члену? — уголки её губ приподнимаются в дерзкой ухмылке.

— И по нему тоже. Я говорил об интимной близости.

— И что же ты можешь знать об интимной близости?

Она не ответила на вопрос, но попала в точку, обнажая меня, вынуждая заглянуть внутрь на человека, которым я являюсь, и увидеть его в жестоком свете. Нет ничего интимного в быстром перепихе в кабинке туалета ночного клуба с девушкой, чьё имя и лицо я не вспомню на следующее утро. Пусть мне и не нравится смотреть на своё прошлое с её точки зрения, я обожаю её способность бросать мне вызов.

— Я знаю, что уже очень давно не проводил столько времени, разговаривая с женщиной и узнавая её, — произношу я.

Я поднимаю её руку с того места, где она лежит на диване между нами. Понимаю, что мы оба ощущаем это притяжение — эту тягу сексуального познания, энергии и желания. Оно пронизывает воздух вокруг, привлекая меня к ней.

— Скажи, что тебе нужно, — прошу я, переплетая наши пальцы. От той простоты, с которой держу её за руку, кровь начинает мчаться быстрее.

Её глаза нерешительно останавливаются на моих. Они полны вопросов.

— Мне нужно, чтобы ты был бережен. Со мной и Максом, — шепчет

она.

— Принято.

Изучает мои глаза взглядом, будто бы выискивая повод довериться.

— Я не говорю того, чего не имею в виду, Кайли. Никогда. И не обещаю ничего из того, что не могу дать.

Она чуть заметно кивает.

— Всё ещё не пойму... я видела женщин, которые тебя привлекают. Тебе нравятся светловолосые, грудастые и уступчивые. А вовсе не невысокие, нахальные и с лишними пятью килограммами, оставшимися после рождения ребёнка.

— Хочешь знать, что я вижу, когда смотрю на тебя?

Освобождаю ладонь, чтобы накрыть её щеку рукой. Она резко вбирает воздух от внезапного прикосновения. Продолжает смотреть на меня, ожидая увидеть, что я скажу дальше.

— Я вижу силу и нежность, слившихся в невероятно прелестной упаковке. Я вижу мать, которая любит своего малыша каждой клеточкой собственного существа. Но я вижу не только маму. Вместе с ней я вижу женщину, потрясающе восхитительную женщину с роскошным телом, полной, тяжёлой грудью и губами, которые мне так сильно хочется поцеловать.

Я удерживаю её взгляд, давая словам проникнуть вглубь, пока вырисовываю неспешные круги на щеке.

Её взгляд, устремлённый к моим глазам, подрагивает, а дыхание становится поверхностным. Она ждёт поцелуя, но я не тороплюсь. Я даю этому мгновению — даю ей — по-настоящему прочувствовать каждой частичкой вожделение, выросшее между нами, потому что, по её собственному признанию, именно это чувство она так долго отвергала.

Она неосознанно наклоняется ближе, и моя рука сползает с её щеки на заднюю сторону её шеи. Придвигаю к себе её рот, замечая, как смыкаются её веки прямо перед тем, как наши губы встречаются. Они у неё мягкие и полные, запросто сливаются с моими, позволяя мне вести в поцелуе.

Она настолько ошеломительная, что мой член уже твёрд.

Поначалу я целую её нежно, помогая приспособиться к ощущениям, но потом всасываю в рот нижнюю губу, притягивая Кайли ближе. Мне нужно больше.

Она издаёт тихий стон, и пульсация в моих штанах усиливается, неприятно вжимая член в молнию.

Боже, у меня ещё никогда не было такого стояка от одного только поцелуя. По крайней мере, со времён девятого класса, когда я замышлял

залезть в джинсы Рейчел Лундквист во время наших прогулок.

Используя обе руки, я беру лицо Кайли и углубляю поцелуй, обожая то, как толкается её язычок рядом с моим. Она никак не препятствует мне, её рот свободно двигается напротив меня, а в горле вибрируют слабые стоны.

Руки Кайли начинают блуждать вдоль моей груди и пресса, а я принимаюсь возносить молитвы всем богам, которые меня только слышат, чтобы она продолжила свой путь на юг. Знаю, её сын в соседней комнате, и в курсе, что сегодняшний день не для этого, но я умираю от желания ощутить её нежные руки, обернутыми вокруг моего члена.

Кайли крадёт моё дыхание, проведя руками вдоль моей груди. Она осторожно касается моего пресса, изучающе скользя крохотными ручками по выемкам. Её прикосновение гораздо невиннее, чем те, к которым я привык, но такое охрененно крутое и эротичное, ведь я знаю как много это для неё значит. Но дальнейшие её действия безумно удивляют меня.

Кайли вскарабкивается на мои колени, седлая меня, и устраивается так, что её сердцевина прижимается к моей эрекции.

Господи.

Она тёплая и сидит прямо на моём члене.

Мне хочется показать ей, что с её телом не происходит ничего плохого, поэтому подвожу руки под её задницу и приподнимаю её так, чтобы она почувствовала, как сильно я её желаю.

Кайли всхлипывает и сжимает мои бицепсы, потираясь об меня. Её язык поглаживает мой, и я воображаю, как её горячий рот будет ощущаться вокруг головки моего члена, как будет ощущаться её язык, ласкающий мой увеличившийся ствол, и почти кончаю в штаны.

Чёрт, изгибы её тела творят со мной какое-то волшебство.

Когда я приехал сюда сегодня, моей целью было добиться её доверия, теперь же моя цель — довести её до оргазма. Мне хочется услышать, как она простонет моё имя и узнать, что я тот мужчина, позаботившийся о ней.

Я никогда ещё так не медлил с женщиной, но вдруг начинаю видеть достоинства в том, что не торопился, давая ей комфорт и позволяя контролировать темп.

Не получается воспротивиться желанию поднести руки к её груди. Они мягкие, пышные и определённо, черт возьми, настоящие. Когда мои большие пальцы задевают её соски, она с придыханием стонет.

— Пэйс... Что мы делаем? — спрашивает она задышающимся хриплым голосом. Её бедра всё ещё двигаются напротив меня.

Нет, нет, нет. Не спрашивай.

— Тс-с... Не думай. Просто кончай, — говорю ей. Я щипаю её соски через тонкий хлопок платья, надетого на ней, и чувствую, как они твердеют. Кайли всхлипывает и зарывается лицом в мою шею. Её бёдра дёргаются вперёд-назад напротив меня.

Да, вот так.

Несмотря на одежду, её движения имитируют езду на моём члене, и я чувствую себя так, будто вот-вот взорвусь.

Люблю то, как идеально вмещаются её груди в мои руки, и то, какой прерывающийся крик она издаёт, когда я задеваю её соски. Если она не кончит в ближайшее время, я спущу в штаны, а это не круто.

Я целую её в шею, в ямочку на горле.

— Разве не хорошо? — спрашиваю я.

— Да, — выдыхает она. — О Боже, Пэйс. Кажется, я сейчас...

— Да, чёрт возьми. Вот так, ангел.

Она находит свой ритм и раскачивается надо мной, потираясь бёдрами, поднимаясь и опускаясь. Я кусаю изнутри щёку, обругивая свой член. Ублюдок ведёт себя лучше и не позорит меня.

Я ласкаю её соски через ткань платья и лифчика, желая, чтобы их дразнил мой язык, а не пальцы. Мне хочется попробовать её киску, смотреть, как она кончает, хочется погружаться в неё медленно и глубоко, пока она не начнёт задыхаться. Столько всего хочу с ней, но останавлиюсь на этом мгновении, потому что знаю, как это масштабно.

— Пэйс... Пэйс... — задыхается она, зарываясь пальцами в мои волосы.

— Всё правильно. Кончи для меня, — сжимаю её соски, и Кайли распадается на части, дрожа под ударами оргазма.

Она выдыхает моё имя в последний раз, и мы целуемся, пока она не перестаёт содрогаться.

Мы так и сидим вместе: она на моих коленях, наши сердца бьются в унисон, и нет ничего, что могло бы быть правильнее.

Спустя секунду, она слезает с моих коленей и утыкается лицом в руки.

— Боже, не могу поверить, что только что сделала это. Прости. Не знаю, что на меня нашло. На меня столько времени не обращали внимания мужчины, что я просто...

Успокаивающе прижимаю палец к её губам.

— Прекрати. Начнём с того, что это была самая горячая хрень, которую мне только приходилось видеть, — она ублажила себя, воспользовавшись моим членом? Ага, лучше, чем в любом порно. — И вторых, мне нравится, что ты давно не была с мужчиной. Мне нравится,

что ты осторожная. Умная. И красивая. Полный набор.

— Ага... тот ещё набор, — она закатывает глаза, и я замечаю, что её щёчки всё ещё розовые после оргазма. — Я только что поимела тебя, и, Господи, это сильно смущает.

— Не нужно, — предупреждаю я твёрдо. — Ты невероятно сексуальная, и если сказанное тобой правда — то, что ты не была с мужчиной сколько, два года? В таком случае я чувствую себя до охренения польщённым.

Она вновь вспыхивает.

— Дико, да? — она расправляет плечи и выглядит немного более собранной. — А ты когда в последний раз был с женщиной?

Я на секунду задумываюсь.

— Во вторник? — за день до того, как поехал в офис Колтона, чтобы спросить о Кайли. Это было моей попыткой выбросить её из головы. Взял в раздевалке работницу, раздающую полотенца в моём новом тренажёрном зале, и трахнул её. Это был первый и последний раз, когда я посетил тот центр.

Всем видом Кайли выражает неподдельное отвращение. Она швыряет мне в лицо подушку.

— Ну ты и свинья.

— Говорю же, я всегда честен с тобой.

Её взгляд смягчается.

— Да, это правда. Честно говоря, я это ценю.

— Хорошо. И серьёзно, у тебя нет причин стыдиться. Ты очень горячая — я почти кончил в штаны, наблюдая за тобой.

Её глаза опускаются, и я понимаю, что она видит, что я всё ещё твёрдый. Ага, с этим зверем я разберусь позже. Он неплохо вёл себя сегодня и заслуживает награды. Но я позабочусь об этом потом. Сын Кайли здесь, но в наш первый раз, я удостоверюсь, чтобы у нас была полная уединённость.

— Как долго спит малыш? — интересуюсь я.

— Обычно час или два.

— Хорошо, — закидываю ноги на пуфик, стоящий перед диваном, и откидываюсь назад, притягивая к себе Кайли. Она, тихонько вздыхает, сворачиваясь у меня под боком.

Несколько минут мы сидим в уютной тишине, и к счастью, адская эрекция спадает.

— Макс так наигрался сегодня с тобой. Что делаешь на следующих выходных? — неловко смеётся она.

Вряд ли она знает, что я с удовольствием повторил бы весь этот день. Затем я вспоминаю о планах, которые предварительно построил с приятелями по колледжу.

— Может, загляну на музыкальный фестиваль в Сан-Диего с друзьями. Позаимствую самолёт Колтона на время его отъезда. Ты тоже должна прийти, — говорю я.

Кайли застывает и отстраняется от меня. Когда я встречаюсь с ней взглядом, её глаза полны печали и недоверия.

Что за чертовщина?

Кайли

День с Пэйсом прошёл удивительно. Я отбросила всю бдительность. Но одно крошечное безобидное замечание, и пузырь лопнул. Я не могу улететь на все выходные. Мы с ним жили совершенно разными жизнями. И на сей раз я не стану игнорировать предупредительные знаки, пытаюсь сделать из нас тех, кем мы никогда не будем. Нужно быть идиоткой, чтобы поверить, будто этих выходных, проведённых дома, с плачущим ребёнком и бутербродами с холодным поджаренным сыром, окажется достаточно для такого мужчины как Пэйс. Я уже как-то совершила ошибку с отцом Макса, положив перед ним своё сердце только лишь для того, чтобы его раздавили, когда он уходил. Я не смогу пройти через это снова. Не хочу.

Пэйс смотрит на меня так, будто он запутался. Не поймёт, что изменилось между нами за эти десять минут — в перерыве между тем, как я тёрлась о его огромную эрекцию, а потом вынужденно вернулась в реальность наших совершенно разных жизней.

— Кайли? — он садится прямо и тянется ко мне.

Я качаю головой. Не могу объяснить ему резкую перемену в своём поведении, потому что он только постарается рассудительно отместить её. Скажет, что всё это глупости, что он не против поменять планы, а спустя три года начнёт возмущаться, что я пытаюсь его контролировать. Мне нравится моя жизнь — у меня не возникает трудностей с тем, чтобы провести выходные дома с Максом, но я знаю, что этого не достаточно для такого мужчины как Пэйс. Он выглядит так, будто сошёл со страниц каталога J. Crew (прим. перевод.: Американская мультибрендовая сеть по продаже одежды и аксессуаров) — сексуальный без всяких усилий и крутой, а ещё, конечно же, он вместе с кучей друзей летает на частном самолёте, чтобы послушать группу, о которой я вообще никогда не слышала. И так будет всегда. Между нами слишком большая дистанция. Его семья безумно богатая и привыкшая получать всё, что пожелает.

В этом году мне исполнится тридцать, а ему, с его идеально подкаченным телом, прессом из шести кубиков и ослепляюще белой улыбкой, всего только двадцать пять. Мы с ним из разных миров. И с его стороны было мило попробовать — я чувствую себя ужасно польщённой его вниманием, но понимаю, что в долгосрочной перспективе ничего не выйдет. Лучше остановиться сейчас.

— Думаю, тебе пора, Пэйс, — я поднимаюсь, замечая, как выражение

его лица застывает. Как бы больно сейчас не было моему сердцу, будет в тысячу раз хуже, если мы с Максом привяжемся к нему.

Он тянется ко мне, накрывая щеку ладонью.

— Подожди секунду. Что случилось?

Чёрт. Я делаю глубокий, успокаивающий вдох. Он не остановится, пока я не объяснюсь.

— Ты хороший, и с твоей стороны было мило прийти сюда сегодня и позависать с нами, но мне кажется, мы оба понимаем, что из этого ничего не выйдет.

— Нет, я не понимаю, — его большой палец неспешно скользит вперёд и назад по моей коже, и едва ощутимые покалывания удовольствия от этого простого контакта напоминают мне, как давно ко мне никто так нежно не прикасался. «*Сосредоточься, Кайли*».

Я говорю то самое единственное, с чем он, как знаю, не сможет поспорить.

— Я просто не готова.

Он встаёт на ноги, глядя на меня. Жилка на его шее пульсирует, а руки сжимаются в кулаки. Он выглядит так, будто хочет возразить, но что-то останавливает его.

— Было мило с твоей стороны прийти сегодня и принести Максимум подарков, но это никуда не денется.

Пэйс выглядит подавленным. Он лезет в карман и даёт мне визитку.

— Если тебе вдруг что-нибудь понадобится, пока Колтона и Софи не будет в городе, позвони мне.

Я киваю.

Пэйс уходит, а Макс до сих пор спит, поэтому я отправляюсь к комнате, грузно заваливаюсь на кровать, сворачиваюсь клубком, и плачу.

Оплакиваю своё одинокое сердце, оплакиваю лишённого отца сына, я плачу, потому что только что выгнала прекрасного, заботливого мужчину из своего дома, и ненавижу себя за это. Мне бы хотелось, чтобы он поборолся за меня. Но зачем ему? Каждую нашу встречу я заканчивала словами, что у нас никогда ничего не получится. Рано или поздно ему пришлось бы поверить мне, и, возможно, это именно тот самый момент.

Моё следующее свидание будет с кем-то, кто ищет серьёзных отношений. Я уже как-то была с, казалось бы, исправившимся игроком, и мы все знаем чем это закончилось. И шлюшеское прошлое Элана тогда было давно позади в отличие от Пэйса. Но когда я узнала, что беременна, он всё равно ушёл. Он оставил меня и крошечную плоть, растущую во мне, ни разу не оглянувшись назад.

Но я живу без всяких сожалений. Не могу представить жизни без Макса. Он поддерживает меня. Он учит меня. Просто понимание того, что есть кто-то, зависимый от меня буквально во всём — еде, безопасности и комфорте — смиряет. И в то мгновение, опустив на него глаза после родов, длившихся сутки, я дала обещание, что никогда не подведу.

Я вытираю глупые слёзы и закрываю главы. Как же я устала. Правда, выдохлась. Постоянно оставаться сильной — утомляет. Тело тяжелеет на матрасе, а дыхание замедляется. В ту же секунду как мне кажется, будто я уснула, Макс начинает плакать.

Я сползаю с кровати и натягиваю улыбку, готовясь делать это из раза в раз.

Поехали.

Пэйс

Блондинка подпрыгивает вверх-вниз, чересчур слюнявя мой член. Её звуки слишком фальшивые, волосы слишком платиновые, но что хуже всего, она — не Кайли.

Прошла неделя с тех пор, как я видел её. Неделя с тех пока, как я последний раз слышал сладкий детский лепет и видел их общающихся как мать и сын. Моя эрекция угрожает исчезнуть, и я запускаю пальцы в её волосы, толкая её голову вверх и вниз. Удовлетворение, что я получаю от её рта, минимально, но лучше уж так, чем использовать собственную руку, что я и так делал каждую ночь, начиная с того дня, когда увидел, как Кайли доводит себя до оргазма, потираясь об меня.

— Возьми глубже, — рычу я.

Стоны блондинки становятся громче, и к счастью, она начинает всасывать глубже.

— Не останавливайся, — говорю ей и придерживаю рукой затылок, показывая, как мне нужно.

Когда рисую в голове спокойную осторожную Кайли, рассыпающуюся от наслаждения полученного от меня, новый прилив крови устремляется на юг, вновь делая меня абсолютно твёрдым. Я вспоминаю её всхлипы, вспоминаю какой полной и мягкой казалась её грудь в моих руках, и с рёвом кончаю, зарываясь руками в волосы блондинки, освобождаясь в её рот.

Оргазм ни капельки не ослабляет чувство неудовлетворения, томящееся во мне. Меня никогда не отвергала женщина. По крайней мере, Кайли. Оказывается, мне это не нравится. Совершенно.

Я заправляю размякший член обратно в штаны и застёгиваю молнию. Блондинка с нетерпением смотрит на меня. Понимая, что больше её не увижу, я не волнуюсь о том, что она не получила разрядки. Знаю, это делает меня козлом, но мне всё равно.

Как раз когда я подыскиваю слова, чтобы выставить её из кабинета, начинает звонить мой телефон. Я вытаскиваю его из кармана, радуясь возможности отвлечься от увлажнившихся глаз блондинки. На экране вспыхивает незнакомый номер, и раньше бы я отправил его на голосовую почту, но что-то подсказывает, что мне нужно снять трубку.

— Алло?

— Пэйс? Это Кайли. Ты мне нужен, — её голос слабый, и звучит это

пугающе.

Желудок сжимается, а сердце начинает гулко биться.

— Где ты?

— В травмпункте.

— Что произошло? Макс в порядке? — мой тон почти лихорадочный, в животе появляется неприятное предчувствие.

— С ним всё хорошо. Это я... неудачно упала. Можешь забрать меня?

— Конечно. Буду через пятнадцать минут.

— Спасибо тебе.

Блондинка хмурится, явно не осчастливленная той частью разговора, который слышала. Хреново. Кайли нуждается во мне, и я буду рядом.

Я забираю Макса у одной из медсестёр скорой помощи и следую за ней в палату Кайли. Она сидит на кровати, неуклюже держа руку на колене. Сердце сжимается при виде неё. Эта обычно сильная, неунывающая женщина выглядит бледной, измученной и крошечной, расположившись на больничной постели.

— Эй,.. — я наклоняюсь и целую её в щёку. Это такой естественный жест, что я не осознаю, пока мои губы не оказываются на её коже, что это не к месту. Ну, охренительно.

— Спасибо, что пришёл. Им нужно наложить гипс, и они дали мне обезболивающее, поэтому не отпускают меня домой, — она вытягивает здоровую руку между нами и шутливо дёргает Макса за ногу, силясь облегчить напряжение, повисшее вокруг нас.

— Что стряслось? — спрашиваю я.

— Я работала в кабинете над гаражом, когда услышала, что Макс плачет. Пошла за ним вниз и поскользнулась. Где-то на последней десятке ступенек или около того. Рентген подтвердил, что рука сломана в двух местах.

Дерьмо. Нехорошо. Неистовое желание притянуть её в объятия и поцеловать почти подавляет. Вместо этого, я нежно сжимаю Макса. Такое ощущение, будто он буфер для нас обоих.

Он рвётся к Кайли.

— Тебе нужно быть осторожным с мамочкой, — говорю я, позволяя ему сесть рядом с ней на кровати, откуда он поспешно перебирается к ней

на колени. Кайли отодвигает сломанную руку от Макса и вздрагивает от боли.

— Мисс Слоан? — медсестра просовывает голову в комнату. — Я готова забрать вас на гипс.

— Хорошо, — отвечает Кайли, затем поворачивается ко мне. — Можешь покормить его в кафетерии? Я не долго.

— Конечно. Хочешь перекусить, приятель? — интересуюсь я, поднимая его на руки.

Макс смотрит на Кайли, делающую знак кушать, а потом издаёт визг.

Ну хорошо. Всё улажено. У меня обеденное свидание с самым прелестным годовалым малышом во всём мире.

— Удачи, — желаю я Кайли в то время, как медсестра выводит её из палаты. Ничего не могу поделать с тревогой, разгоревшейся внутри.

Позже, по дороге домой, я пытаюсь придумать способ объяснить Кайли, что ей сейчас не стоит оставаться одной. Хотя и понимаю, что это будет тяжелой темой. Она с большим трудом дала мне пристегнуть малыша в его кресле. Мы перенесли его из её машины в мою, а её оставили на парковке больницы.

— Всё ещё не могу поверить, что ты сама привезла себя, — заявляю я. Она пожимает плечами.

— Я же не знала, что она правда сломана. Не хотела вызывать скорую по пустякам. Это могло быть незначительное растяжение.

— Сломанная в двух местах рука — это не пустяки, — к тому же правая рука — её рабочая, что сулит непростую жизнь на следующие шесть недель. Замечаю, как она начинает обдумывать всё произошедшее, когда мы заезжаем на подъездную дорожку, ведущую к её дому.

Сначала я помогаю ей выбраться из машины, потом беру Макса, и несю его вместе с её сумкой к парадной двери. Выискивая ключи в её сумке, отмечаю детские игрушки, тампоны и тюбик с губной помадой, но не ключи. В конце концов, она предлагает заглянуть в передний карман, и я впускаю нас всех в дом.

— Спасибо, — говорит она, забирая у меня Макса одной рукой. — Прости, что прервала твой день. Надеюсь, ты был не занят, когда я позвонила.

Вспоминаю, что мой член был во рту другой женщины за мгновение до того, как она позвонила, и чувствую себя ужаснейшим козлом во всём мире.

— Нет, не был.

— И всё равно мне не по себе. В последний раз, когда мы виделись...

— Я дал тебе свою визитку и сказал позвонить, если что-нибудь понадобится. Я рад, что сейчас здесь и могу помочь.

Она кивает.

— Я благодарна тебе. Мне больше некому было позвонить. Моя нянечка всё ещё в свадебном путешествии, а Колтон с Софи в Африке... это будет тяжёлая неделя.

— Необязательно, — отзываюсь я, собираясь с мужеством, ибо я уверен, что этот разговор перейдёт к спору.

— О чём ты?

— Оставайтесь со мной.

— Что? Я и Макс? Нет. Да это же безумие.

— Кайли.?— Я всматриваюсь в её глаза. — Ты даже не можешь пристегнуть и отстегнуть его без помощи. Как по-твоему ты будешь одна готовить ему ужин, купать его, менять подгузник или делать что-нибудь другое из миллиона вещей, которые ты делаешь каждый день?

— Я справлюсь, Пэйс. Это не твоя забота.

— Может быть, я хочу, чтобы была моей.

Она с любопытством смотрит на меня, скользя взглядом от меня к Максусу и на пол.

— Ты хочешь менять подгузники?

Пожимаю плечами.

— Я хочу помочь тебе. Не смогу спать по ночам, думая, как ты здесь одна со сломанной рукой, пытаешься быть сильной. Я знаю, что ты сильная. Знаю, что ты можешь справиться с чем угодно, но тебе не нужно делать это в одиночестве. Позволь мне помочь.

— Единственная причина из-за которой я не смогла пристегнуть его сегодня, заключается в том, что у меня всё ещё болит рука.

Они дали ей мощные обезболивающие, но, по всей видимости, боль не ушла.

— И она будет болеть ещё несколько дней. Ты сломала руку, ангел. Пойдём, соберём вас с Максусом, и я покажу тебе свой дом. Если тебе он не понравится или ты решишь, что ничего не получится, я привезу вас обратно. Звучит справедливо?

Она раздражённо втягивает воздух.

— Кажется, да. Я даже не знаю, где ты живёшь.

— У меня квартира на побережье. Думаю, она тебе понравится, — я одариваю её усмешкой с ямочками, и она закатывает глаза.

— Пойдём, Макс, — она ведёт нас в спальню, где кидает одежду и игрушки на кровать, а я укладываю их в сумку.

Глава 6

Пэйс

Когда мы приезжаем в мою квартиру, я открываю дверь и наблюдаю за реакцией Кайли, оглядывающей помещение. Я, конечно, живу не в особняке, как всем бы очень хотелось, но мне нравится мой дом. Я обзавёлся им два года назад, когда мой бизнес только начал набирать обороты, и заключил на него отличную сделку. Может, у меня и есть трастовый фонд, как у моих братьев, но я поставил себе за правило не тратить оттуда деньги. Мне нравится мысль, что всё здесь — от персидского шерстяного ковра на полу, устеленном вишнёвым деревом, до тёмно-серой софы и масляных картин на стенах — я приобрёл самостоятельно, и заплатил за это деньгами, которые заработал сам.

Планировка открытая, поэтому всё, кроме спальни, на виду. Взгляд Кайли перескакивает от гостиной к кухне, оборудованной нержавеющей сталью и гранитом.

— Красиво, — комментирует она тонким голосом. Моему крову далеко до её уютного домика с разбросанными подушками, крупногабаритными креслами и искренними снимками, украшающими каждую доступную поверхность. Моему жилищу не хватает своеобразия, как у неё. У меня всего две фотографии, собирающие пыль на шкафу. Одна со мной и братьями, сделанная два года назад во время путешествия на яхте, а другая — с моими друзьями по колледжу. У Джеймса на фото подбит глаз, и Кайли наклоняется ближе, рассматривая снимок.

— Что с ним случилось? — спрашивает она.

— А, это был его день рождения, — говорю я, не давая дальнейших разъяснений нашим пьяным выкрутасам. Как же много времени прошло с тех пор.

— И часто ты выбираешься, устраивая такие дебоши? — нахмурившись, осведомляется она.

— Не совсем, — уже нет. Когда тебе нужно рано вставать на работу, привлекательность поздних вечеринок заметно убавляется.

Когда Кайли опускает Макса, он тут же ковыляет к окну с видом на океан, раскинувшись от потолка до пола, принимаясь тарабанить по стеклу.

— Хватит, Макс, — она уводит его подальше от окна. — Ничего себе

вид, — произносит Кали, придерживая Макса у бедра и любуясь голубой водой внизу.

— Я тоже так думаю, — усмехаюсь я, наблюдая за ней. Мне нравится, что она здесь, у меня. Уже вдыхает новую жизнь в это тихое местечко.

Она отпускает Макса на изучение окрестностей, пока я провожу ей экскурсию, и за эти пятнадцать минут, он обшаривает все кухонные шкафчики, вынимает самые разные и на вид опасные приспособления для готовки, заползает в ванную, где засовывает руки в туалетную воду, а теперь копается в земле горшка с пальмой, стоящей в столовой. Кайли не расслабляется ни на секунду, гоняясь за ним из комнаты в комнату. Не очень здорово.

Посмотрев на мой дом её глазами, я понимаю, что он и близко не подходит ребёнку, хотя мне так не казалось. Чёрт. Я хочу чтобы ей здесь было комфортно, но если она будет бесконечно беспокоиться о своём сыне, так не получится. А ей необходимо поправиться.

— А что со сном? — спрашивает она.

Дерьмо. Вот тут всё переходит от плохого к ужасному. Я ещё пока не показал ей спальни, и на это есть причина. Тут две спальни, но одна была переоборудована в кабинет.

— Пойдёмте, — говорю я, подхватывая их с Максом сумки, лежащие у парадной двери. — Сюда.

Минуя гостевую ванную, я веду их по коридору по направлению к моей спальне. Знаю, утром я не застелил постель, но сейчас уже поздно. Надеюсь, я не оставил на полу никаких грязных вещей.

— Это кабинет, — я указываю на запасную спальню, которую занимает один только стол, ноутбук и кресло. Ничего особенного. — А это моя комната.

Я прохожу через двойной дверной проём, и она следует за мной. Её замешательство заметно по напряжённым плечам и забегавшим по комнате глазам. Макс принимается осматриваться, а Кайли, тем временем, поворачивается ко мне.

— Г-где мы будет спать?

— На этой королевского размера кровати. Вы с Максом разделите её, а я займу диван, — мы оба знаем, что мой диван относится к тем новомодным, но на вид не особо удобным вещам, и Боже, надеюсь, она не заставит меня в самом деле на нём спать. Кроме того, во мне же два метра, а он всего, я уверен, размером в полтора. Отстойно получится. Но ещё хуже будет знать, что этот ангел в моей постели, пока я совсем один в гостиной.

— Пэйс, ты же не серьёзно. Я думала твой дом как у Колтона — с пятнадцатью лишними спальнями, и ты даже не заметишь наше здесь присутствие, не говоря уже о том, какие неудобства тебе оно доставит.

Понимаю, что она в двух секундах от того, чтобы обрубить ситуацию, и мой мозг усиленно раздумывает над тем, как словами вынудить её остаться. Раньше мне не хотелось, чтобы женщина осталась — обычно у меня проблема противоположная, — раньше я пытался добиться их ухода. Поэтому и перестал приводить женщин домой. Для того, что я с ними делаю мне не нужна кровать. Секс в постели, честно говоря, был бы новинкой в этом деле. Но секс в постели с Кайли... где можно медлить, уделять время изучению и...

— Макс, нет! — вскрикивает Кайли, мгновенно привлекая назад моё внимание.

О Господи. Он нашёл мой запас презервативов в одном из прикроватных ящичков. Макс яростно размахивает пачками в воздухе, будто обзавёлся новой любимой игрушкой.

Кайли бежит за ним, но сперва бросает взгляд на меня. Она замечает название и размер — «экстра-большой», отчего её надутые губки раздвигаются в очаровательной усмешке.

Ага, я большой мальчик. Но всё нормально, ангелочек, я не стану заводить его домой сразу же, а для начала удостоверюсь, что ты мокрая и вкусная.

Когда она добирается до Макса, он протягивает ей в руки полоску.

— Мума, — говорит он.

— Нет, это не мумино. Они принадлежат Пэйсу.

— Па-па, — пытается он повторить моё имя. Глаза Кайли устремляются ко мне, и у меня стискивает грудь.

— Когда-нибудь я научу тебя этому, приятель, — ерошу его шевелюру и забираю презервативы из вытянутой руки Кайли. Она держит их так, будто они заразные. — Извини, — не пойму, злитесь ли вы за то, что он нашёл мой тайник или за место для сна, которое я ей выделил. В любом случае, начало не гладкое.

— Всё нормально, просто это напомнило мне, что ты не по-настоящему предлагаешь нам свою комнату.

— Почему это? — интересуюсь я.

— Куда ты будешь приводить своих... девушек? Не хочу, чтобы Макс имел к этому какое-то отношение.

— Тебе не нужно об этом беспокоиться. Я не привожу сюда женщин.

Она смотрит на меня с любопытством, но не препирается.

Начало положено. Я кладу их ночлежные сумки на пуфик у изножья кровати.

— Главная ванная здесь, — указываю на дверь в другом конце комнаты. — Пользуйся всем и чувствуй себя, как дома. Полотенца в ящике под раковиной, а дополнительные подушки в шкафу в коридоре.

Она кивает.

— Хорошо, спасибо, — её голос тих, и до меня не совсем доходит, как это понимать.

Но мне не приходится долго стоять там в размышлениях, потому что Макс открывает очередную дверь и Кайли несётся за ним. Я иду следом.

После, убедившись, что они устроились, я направляюсь на кухню, раздумывая над ужином.

— Честно говоря, у меня нет продуктов... — у меня их никогда нет. Обычно я питаюсь где-нибудь в другом месте, но ей это знать необязательно. Остаться одному дома мне приходится на самом деле редко. Слишком скучно. Здесь так тихо. Мне больше по нраву поехать к Колтону или Коллинзу, что я и делаю почти каждый вечер. — Вы, ребята, нормально относитесь к доставке? — интересуюсь я.

— Конечно, доставка — это круто, — произносит Кайли.

— Пицца или... — собирался предложить суши, пока до меня не доходит, что младенцам, наверное, нельзя их есть.

— Пицца сойдёт. Спасибо. Дай только возьму бумажник, чтобы заплатить за половину.

— Твои деньги здесь ни к чему, женщина, — награждаю её дружелюбной улыбкой, но мой тон твёрд, поэтому она понимает, что я серьёзен. Мне по силам обеспечить Кайли и её сына безопасным местом ровно так же, как и едой. Не пойму, почему ей так трудно принять чью-то помощь. Такое ощущение, будто она не привыкла полагаться на людей, и это по-прежнему расстраивает.

К счастью, весь оставшийся вечер, Кайли позволяет мне помочь ей с работой, требующей две пары рук, например, порезать Максу на мелкие кусочки пиццу или открыть крышку его непроливайки. Но она не перестаёт наблюдать за мной, будто пытается выискать во мне какой-то умысел. Я думал, что уже всё ей прояснил, когда сказал, что она нравится мне. Обычно я никогда не высказываю так прямолинейно свои чувства, но она вынуждает меня вести себя иначе. И я только начал это понимать.

Кайли

Мне нужна минутка.

Между тем, как Пэйс предложил нам поиграть в семью, Макс обнаружил его сокровищницу с презервативами, и вывел на свет то, что мой мозг и так инстинктивно знал — что этот мужчина наделён, как жеребец, — и это не говоря уже о ситуации с кроватью, я была совсем без сил. Уставшая. Раздражённая. И с больной рукой.

Поверить не могу, что Пэйс охотно отказался от своей кровати ради нас. Когда я спросила у него об этом, он отмахнулся от меня, будто это пустяк. Не знаю, как реагировать на его замечание о том, что он не приводит женщин домой.

Как бы больно мне не было, я решительно настроилась заботиться о Максе без посторонней помощи, хотя бы ради того, чтобы доказать, что я на это способна. Если всё станет неловко, мне нужно знать, что я смогу поехать домой и всё будет нормально. Вдобавок, меня пугает перспектива рассчитывать на кого-то. Не хочу нуждаться в человеке, в чьи планы не входит задерживаться надолго. Не хочу зависеть от кого-то, кто оставит за собой дыру, когда уйдёт.

Сменив подгузник Макс, и с борьбой нацепив на него пижаму, я уложила его посередине огромные кровати Пэйса и окружила горой подушек. Затем, схватив телефон, прокралась в главную ванную комнату, чтобы позвонить моей подруге Рейчел. Желая перевести дух: то ли излить чувства, то ли получить совет, точно не знаю.

— Привет, Кайли, — отвечает она. — Как поживаешь, мама-медведица?

— Не очень, если честно, — признаюсь я, опустившись на бортик огромной ванны.

— Рассказывай, детка. Как Макс? Опять зубки?

— Вообще-то нет. С Максом всё отлично. А вот со мной не очень, — пересказываю ей ключевые моменты своего нынешнего затруднительного положения.

— Почему я только сейчас слышу об этом мужчине?

— Тебя это интересует? Я говорю тебе, что у меня сломана рука, и что не знаю, стоит ли мне оставаться, а ты спрашиваешь об этом?

— Конечно, мне хочется узнать о нём, ведь ты явно что-то скрывала от меня, раз близка с ним достаточно, чтобы он забрал тебя с Максом к себе

домой. Кто он? Как вы познакомились?

— Он младший брат моего босса.

— Младший? — переспрашивает она. В её голосе я слышу усмешку.

— Поверь, в нём нет ничего малых размеров, — мне не хотелось, чтобы сказанное прозвучало как-то не так, но ответное фырканье Рейчел подсказывает мне, что так и получилось.

— Он пригласил тебя остаться, так в чём проблема? Почему ты всё усложняешь?

— Не хочу вводить Макса в замешательство, будто этот мужчина часть нашей жизни, когда даже не знаю, как ответить на этот вопрос.

— Ему год, Кайли. Тебе необязательно иметь ответы на все вопросы. Кроме того, тебе разрешено иметь друзей-мужчин.

— Наверное, да, — логично, её аргумент имеет смысл, но это не значит, что мне от этого лучше.

— Не стоит так переживать, от этого появляются преждевременные морщинки.

Я заливаюсь смехом. Вот и необходимый перерыв в этом накале, и он так приятен. Друзья. Я могу дружить с Пэйсом? Правда? Запускаю руку в волосы. Почему всё это кажется настолько захватывающим?

— Мне не хочется, оставшись здесь, создать неправильное впечатление Пэйсу. Он, скорее всего, решит, будто это что-то вроде случайной связи.

— Мужчина, приглашающий женщину и её ребенка к себе в дом, не ищет случайной связи, Кайли, — говорит Рейчел.

Не ищет? Но это же Пэйс.

— Он горячий? — тут же спрашивает она.

— Что? Не знаю.

— Конечно, знаешь. Воспользуйся своими зелёными глазками. Он привлекательный?

— Д-да, — заикаюсь я. Чувствую жар и разочарованность, но толком не знаю почему.

— Тогда, видимо, у него нет никаких проблем с сексом. И женщина с ребёнком не подходит для случайных связей. Без обид, зайка, — заканчивает она.

— Я не обижаюсь, — мои дни легкомысленного флирта и безвредных интрижек закончились. Теперь у меня обязанностей гораздо больше. — И что мне делать?

— Ты чувствуешь себя в безопасности рядом с ним?

— Да, — отвечаю я. — Однозначно.

— Ну и славно. Думаю, стоит остаться и принять помощь. Ты же знаешь, что я бы позвала тебя, но у меня балаган.

— Знаю. Всё нормально, — Рейчел, в типичном стиле ЛА, делит квартиру с тремя другими девушками и парнем. Местечко не слишком большое и всегда захламлённое. Нет, спасибочки.

— Я хотела бы помочь.

— Не переживай, с нами всё в порядке. Лучше мне выбраться отсюда, пока он не понял, что я прячусь в его ванной комнате.

— Что ты и делаешь. Но, Кайли, неужели весёлое времяпрепровождение с привлекательным мужчиной — самое худшее, что только можно придумать?

Читайте между строк — она говорит мне вытащить палку из задницы и немного пожить.

— Я подумаю, — говорю ей.

— И ещё кое-что... ты же в курсе, что у тебя самый красивый ребёнок на свете, да?

— В курсе, — Макс похож на Элана, который был привлекательным мужчиной, но Макс красивее. С большими, лучащимися голубыми глазами, но оливкой кожей и тёмными волосами, не имеющими ничего общего с моей бледной кожей и каштановыми волосами. Единственный недостаток только в том, что он напоминает о мужчине, оставившем нас. Как бы дурно не звучало, но это наводит меня на мысль о том, сможет ли другой мужчина по-настоящему полюбить моего сына. Он не похож на меня. Если он полюбит меня, но не будет видеть Макса моей частичкой, что из этого выйдет? Эта мысль захватывает мой разум на ночь. Пэйс, кажется, прекрасно ладит с Максом. Знаю, Рейчел сказала бы мне, что я веду себя глупо и мне нужно успокоить свои внутренние сомнения. — Потом созвонимся, — говорю я, поднимаясь на ноги.

Когда я возвращаюсь в гостиную, Пэйс уже помыл тарелки, оставшиеся после ужина, и теперь сидит на софе с бутылкой пива в одной руке и пультом в другой.

— Он уснул? — интересуется Пэйс, подняв взгляд и встретившись со мной глазами.

— Да, уснул. Уверен, что не против отдать нам свою кровать? — задаю я вопрос.

— Конечно. Я бы не предложил, если бы не хотел.

Киваю. Я начинаю понимать, что он ничего не делает и не говорит только ради того, чтобы произвести впечатление. Все его поступки несут за собой смысл и глубину.

— Знаю, ты говорила, что много не пьёшь, но там ещё осталось пиво, если хочешь.

— Всё нормально, спасибо, — сажусь рядом с ним, осознавая, что в последний раз, когда мы сидели с ним вдвоём на диване, я оседлала и объезжала его, как лошадь. Нет, мне явно не нужно добавлять в уравнение ещё и алкоголь. Господи, да я бы бросилась на него как на одичалого скакуна.

— Кажется, пора заканчивать, — говорю, подавляя зевок. На часах всего девять, но из-за лекарств, которые я приняла чуть раньше, меня клонит в сон.

Глаза Пэйса отрываются от телевизора, устремляясь ко мне, и он неторопливо осматривает моё тело.

— Тебе понадобится помощь, чтобы одеться или раздеться с этой хитроумной штуковиной?

Я оглядываю себе. На правой руке гипс и сверху повязка, удерживающая и не дающая ей двигаться. Если честно, то переодеться и принять душ, скорее всего, будет не так-то просто с одной рукой, но я как-нибудь справлюсь. Щёки опалает жар от одной лишь мысли о руках Пэйса на моей коже, помогающих мне раздеться.

— Я справлюсь сама.

— Как хочешь, — отзывается он, громыхая низким голосом в тишине комнаты.

— Доброй ночи, — хочу снова поблагодарить его за гостеприимство — в груди становится тесно от того, что Макс мирно спит в другой комнате, мы в безопасности и окружены заботой на всю ночь. Но вместо этого опускаю голову и сбегая в спальню. После, проверив Макса, хватаю пижаму из сумки и отправляюсь переодеться в ванную комнату.

Проталкиваю руки через отверстия футболки и снимаю её. Лифчик идёт следом, на секунду зацепившись за гипс, прежде чем я отцепляю его и отбрасываю в сторону вместе с футболкой. Знай я, что сломаю сегодня руку, то не надела бы узкие джинсы. Их и в нормальный-то день снять тяжело. Чёрт.

Наполовину стягиваю штаны и принимаюсь раскачивать бёдрами, надеясь как-то уболтать этих малышей спуститься по ногам. Безуспешно. Я толкаю, тяну, верчу, но они так и не снимаются. Закинув одну ногу на бортик ванны, взбрыкиваю, держась за ткань.

Деееерьмо.

С накрепко скованными джинсой ногами, я с воплем заваливаюсь на пол.

Пэйс

Срываюсь в коридор, задаваясь вопросом, что, чёрт возьми, могло вызвать у Кайли крик. Первая мысль — взломщик. Я врываюсь в спальню, готовый броситься ей на защиту, но в кровати спит один Макс, поэтому я меняю направление и вламываюсь в ванную комнату.

Кайли растянута на полу, устеленном плиткой, с наполовину сползшими по бёдрам джинсами, прижимая руку к груди. К очень голой груди. Мозг ненадолго закоротило, когда меня поразило обилие бледной, кремовой кожи.

— Чёрт, что случилось? — я ставлю её на ноги.

Она вздыхает, крови нигде не видно, но мои глаза оценивают каждый миллиметр, выглядывая повреждения. Всё, что я обнаруживаю — у неё потрясающие буфера. Полная, упругая тройка с напряжёнными розовыми сосками, и мой член оживает. Трусики на ней типа мальчишеских шортиков лаймово-зелёного цвета.

— Поможешь немного? — пыхтит она, стремительно прикрыв грудь руками.

— Прости. Конечно, — сажусь на край ванны и стягиваю джинсы, освобождая её. — Вот. Ну как?

— Лучше. Спасибо.

Она благодарит меня за то, что я снял с неё штаны?

— Обращайся в любое время.

Так мы и стоим, — я — со стояком, а она — одетая в одни только трусики, из-под которых выглядывает нижняя часть ягодиц, — просто глядя друг на друга.

— Уже можешь идти, — тоненьким голосом говорит она.

Ни за что, мать вашу, я уйду только тогда, когда всё станет нормально.

— Ну же. Дай мне помочь, я не могу позволить тебе заработать ещё одну травму. — Ямочки на щеках выдают моё приподнятое настроение, но при виде её обнажённой груди я становлюсь совсем радостным.

На удивление, она не спорит. Я хватаю её пижаму с тумбы. Придерживаю шорты, пока она просовывает в них ноги, схватившись за мой бицепс здоровой рукой. Кайли на секунду лишает красавиц прикрытия, вступая в шорты сначала одной ногой, а потом и второй, и снова прячет их. Нет, нет, нет, так не пойдёт.

Я поднимаю футболку.

— Руки вверх.

— Ни за что. Ты увидишь мою грудь.

— Уже видел, ангелочек, и она идеальна, поэтому тебе беспокоиться не о чем. — Дерьмо, да я передёрну позже, вспоминая, как они раскачивались, когда Кайли двигалась.

Она сглатывает и медленно опускает руки.

Чёрт. Да.

Если бы ей не было больно, то мне захотелось бы зарыться лицом прямо между её сисек и одарить их поцелуями, тратя часы — нет, дни — на то, чтобы познакомиться с ними на более глубоком, интимном уровне. Я просовываю её руки в рукава, ненароком задевая их, когда опускаю футболку.

Кайли втягивает воздух и задерживает дыхание.

— Спасибо, — пищит она мгновением позже.

— Пожалуйста, — мурлыкаю я голосом источающим желание.

Я молюсь, что она пригласит меня в их с Максом постель. Знаю, что ничего не случится, мне просто хочется быть к ней ближе, но она желает спокойной ночи, а потом затворяет дверь в спальню. Мою спальню. Которую я добровольно отдал ей и её ребёнку. Понятия не имею, кто этот мужчина, в которого я превратился, но думаю, он мне нравится.

Глава 7

Кайли

Утром я просыпаюсь от детских визгов, раздающихся издалека, и резко подскакиваю в постели. Макс, должно быть, слез с кровати и творит Бог знает что в квартире Пэйса.

Когда я добираюсь до гостиной, яркий солнечный свет, пробивающийся через огромные панорамные окна, подсказывает мне, что уже позднее утро. Где Пэйс? И где мой сын?

Я иду на смех, и нахожу их на кухне. Макс весь в муке, а вокруг рта у него мазки чего-то, похожего на тесто для панкейков.

Они смеются, болтают и вместе готовят, полностью погружённые в свой собственный мир. Пэйс нагревает сковородку на варочной панели, а Макс играет с пластиковыми контейнерами и резиновой посудой на полу. Они не замечают меня.

Часы на микроволновке сообщают, что уже 10:30. Я не спала так допоздна уже больше года. Чувствую себя спокойно и хорошо отдохнувшей. Ва-ау. С ума сойти, что с вами может сделать целая ночь сна. Особенно учитывая заживающую руку.

— Доброе утро, — бормочу я.

— Привет, соня, — улыбается мне Пэйс своей очаровательной кривой усмешкой, отчего мой желудок выделяет сальто.

Я бросилась сюда в полной панике, выискивая Макса, — с которым всё в полном порядке, — не задумавшись о своём внешнем виде. Кудряшки пришли в неистовство, пока я спала, вдобавок на мне старая футболка с постером какой-то группы и короткие шорты. Та пижама, которую Пэйс надел на меня, после того как обнаружил голый и растянувшейся на полу ванной комнаты. О Господи, воспоминания о вчерашнем конфузе стремительно возвращаются вместе со здоровой дозой стыда.

Глаза Пэйса лениво блуждают по моему телу, будто он вспоминает его во всей развалившейся красе.

— Чем вы занимаетесь? — интересуюсь я. Очевидно, блинчиками, но мне просто необходимо отвлечь внимание от моих голых ног и сосков, пытающихся проткнуть футболку.

— Я зашёл и забрал его, когда услышал, как он завозился утром, рассчитывая, что у нас получится дать тебе немного поспать. Думаю, тебе

это не часто удаётся.

Он прав, конечно.

— И как давно вы на ногах?

Его губы задумчиво надуваются, пока он подсчитывает.

— С семи тридцати, по-моему?

— Ох, ему нужно поменять подгузник, — начинаю идти к Макс.

— Уже, — произносит Пэйс, вливая тесто на шипящую сковородку. —

Ещё дал ему немного каши, когда он проснулся. Точно не знал, насколько он голоден.

Никогда ещё я не оказывалась такой бесполезной... Не знаю, чем себя занять, пока стою на кухне в одной пижаме. И это сбивает с толку.

— Как твоя рука? — интересуется Пэйс.

Я поднимаю её и верчу. Если не считать раздражение и зуд от гипса, то отлично.

— Кажется, нормально.

— Хорошо, — говорит Пэйс.

Макс взглянул на меня, едва признав моё присутствие, и продолжает довольствоваться игрой с самим собой в посуду, которую дал ему Пэйс.

— Доброе утро, приятель, — наклоняюсь, целуя его в макушку.

Он поднимает головку и награждает меня слюнявой улыбкой.

— Мума...

— Надеюсь, он не доставил тебе чересчур много проблем, — мой взгляд вновь устремляется к Пэйсу.

По утрам он выглядит абсолютно восхитительно, решаю я. Он одет он в серые спортивные шорты и белую футболку, короткие волосы в беспорядке. Его длинные ноги обнажены, и каждая частичка Пэйса небрежна и сексуальна.

— Этот мальчуган? Да он же проще пареной репы, — отзывается Пэйс, отвлекая меня от изучения его тела, которому я предавалась.

Кожу обдаёт тепло.

— С ним не всегда так легко, — понятия не имею, зачем предостерегаю его. Но он должен понимать во что ввязывается.

— Мне всё равно, Кайли. Я позабочусь о вас обоих, — его тон твёрд, а выражение глаз такое искреннее, настолько твёрдое, что я понимаю — мы говорим уже не о ночёвках в комплексе с завтраком. Гораздо глубокий смысл, который он несёт, о желании позаботиться о нас ударяет по мне, и в животе что-то сжимается. — Панкейки будут готовы через несколько минут, — добавляет он.

— Может, я могу чем-то помочь?

— Неа. Мы сами.

— Ладно, я, наверное, пойду переоденусь.

После завтрака, день проходит в том же духе. Пэйс ведёт себя внимательно и мило, а Макс, кажется, доволен — счастлив от дополнительного внимания, которое он получает не от одной няньки, а от двух.

Знаю, что завтра Пэйсу нужно вернуться на работу, но пока никто из нас не упоминает мой уход. Он даже съездил в продуктовый магазин и затарился, сказав, будто хочет быть уверен, что у нас достаточно еды для завтраков и обедов. Мне остаётся только догадываться, что он говорит о рабочей неделе, когда его не будет.

Остаться здесь одним на весь день то же самое, что и быть в одиночестве у меня дома, однако в том случае, если я останусь здесь, у меня, по крайней мере, появится помощь по вечерам, когда с Максом по-особенному трудно.

Я всё ещё могу работать через ноутбук, когда Макс спит — неважно здесь я или дома. И ещё есть что-то утешительное в понимании того, что ночью я буду не одинока.

Как мать-одиночка, живущая одна, порой я чувствую себя уязвимой, и знаю, это чувство обострилось бы, учитывая, что правая рука у меня в гипсе.

К ужину у меня появляется желание отработать своё проживание, и я решаю угостить Пэйса домашним соусом маринара собственного приготовления. У меня получается крутая паста с соусом. Это моя супер-сила. Уговариваю себя, будто тут нет ничего общего с этим мужчиной. Время на приготовление хорошей еды, более изысканной, нежели бутерброды — самая настоящая роскошь, поэтому я и пользуюсь им в полной мере. А если брать в расчёт мирно играющего в гостиной Макса, за которым приглядывает Пэйс, у меня выходит посвятить время на измельчение чеснока, лука и тушение томатного соуса.

Я тихонько напеваю, пока тружусь, наслаждаясь мгновениями полного уединения, редкими звуками детского хихиканья и мужского смеха, доносящихся из гостиной. Работа одной рукой занимает больше времени, но у меня получается.

Закончив всё, заглядываю в гостиную.

— Паста готова, — оповещаю я парней.

Пэйс лежит на полу гостиной, а Макс карабкается по его телу, как по своим собственным гимнастическим «джунглям». Во мне вспыхивает ревность. Обычно именно я достаиваюсь этой роли. Но минутой позже, когда Пэйс входит на кухню с Максом на бедре, сердце у меня согревается теплом при виде них.

— Пахнет потрясающе.

У меня складывается впечатление, будто его кухня давненько не использовалась по назначению. Единственное, что хранилось у него в холодильнике, когда мы приехали, это бутылки импортного пива и сомнительные контейнеры из доставки, а с ними и парочка неприятных запашков.

Сначала я подготавливаю тарелку Макса, давая ей остыть, пока мы с Пэйсом ставим чашки с пастой для себя. Обрадованно замечаю, что он берёт порцию побольше.

Как только мы все рассаживаемся за стол, я слежу за реакцией Пэйса, когда он делает первую пробу.

— Ну? — спрашиваю я.

Он закрывает глаза и издаёт низкий гортанный стон.

— Чёрт возьми, женщина.

Моя улыбка широкая и незамедлительная.

— Нравится?

— Очень, — подтверждает он. — Невероятно.

Пробую сама, и не могу не согласиться. Пэйс снабдил свои шкафчики настоящим оливковым маслом и привезёнными тушёными томатами из Италии — разница в качестве продуктов ощутима.

Даже Макс, запихивая двумя кулачками в рот побольше пасты, кажется, доволен. Без стульчика для кормления, ужин выдаётся интересным. И грязным. Но Пэйс не возражает, а учитывая, что дом принадлежит ему, я тоже не заостряю внимания.

— Ты знаешь, что я работаю на твоего брата, но сам никогда не рассказывал мне чем зарабатываешь на жизнь, — говорю я Пэйсу. Сидя в его прекрасном доме, наблюдая за тем, как он наслаждается домашней едой, я неожиданно заражаюсь интересом узнать о нём побольше.

— Я инвестирую в недвижимость. Нахожу недорогие или обветшалые здания и выкупаю их, превращая в хорошую прибыль, после ремонта и продажи. У меня много денег на то, чтобы обеспечить семью, и график довольно гибкий, поэтому меня устраивает.

— Боже, как стыдно. Я не из-за этого спрашивала, — мне хочется спрятать лицо руками.

— Знаю. Не смущайся. Я рассказал тебе, потому что хочу, чтобы ты была в курсе.

— Ладно, — не знаю, как следует относиться к этой информации. В каждом мимолётно брошенном взгляде я чувствую подтекст, ставший ещё глубже, и эмоции, сочащиеся из него. Всё, что я знаю о Пэйсе, предостерегает меня держаться подальше. Он молодой, богатый плейбой, который любит секс и которому, судя по всему, нравится иметь при себе сразу несколько женщин. Но с каждым взаимодействием со мной, с моим сыном — и особенно сейчас, когда я нахожусь в его доме, где чувствую себя уютно и непринуждённо, — мысли путаются всё сильнее. Моё физическое влечение к нему зашкаливает, но почему-то с каждым часом, которые мы проводим вместе, оно превращается в нечто гораздо большее, чем простое физическое влечение. Не знаю, как с этим справляться. Я запечатала своё сердце давным-давно, побоявшись, что не выдержу ещё одного удара, как тот, что нанёс Элан. Но, тем не менее, во мне раздаётся тонюсенький голос, шепчущий, что я должна на это пойти. Меня нельзя назвать большой любительницей выпить, но во мне неожиданно просыпается желание взяться за бокал вина.

Будто прочитав мои мысли, Пэйс поднимается из-за стола и извлекает бутылку красного вина из шкафа на другой стороне кухни.

— Я хранил его для особого случая, но что-то подсказывает мне, что оно составит хорошую компанию пасте.

Он поднимает бутылку мне на оценку.

— Что думаешь? Нам ещё нужно подготовить твою мини-версию ко сну...

— Почему ты так его называешь? Все считают, что он не похож на меня.

— Потому что так и есть. Он часть тебя. Я слышу это в его смехе, вижу в манерах, в энтузиазме со спагетти, — он тепло улыбается мне.

Ему никак об этом не узнать, но всё сказанное просто режет мне сердце. Я пожимаю плечами.

— Хуже не будет.

— Круто, — Пэйс наливает каждому бокал вина и берёт себе вторую порцию пасты, прежде чем присоединиться к нам за столом.

Я улыбаюсь в салфетку. То, что он взял ещё одну тарелку, доказывает, что ему в самом деле понравилась моя еда. Думаю, у меня на плечах лежал камень с тех самых пор, как я подала ему остывший поджаренный сыр. И

сейчас я себя немного обелила.

К концу трапезы Макс от подбородка до бровей весь вымазан в красный соус.

Сначала я пробую, как могу, вытереть его бумажными полотенцами.

— Боже, приятель, как ты засунул его в ушки? — спрашиваю я Макса.

Пэйс поднимает взгляд, его тёмно-голубые глаза мерцают весельем.

— Может, просто вынесем его на задний двор и польём из шланга? — посмеивается он, наблюдая за моими тщетными попытками.

— У тебя же есть ванна, да? — его большая гидромассажная ванна в главной ванной комнате, скорее всего, предназначалась для секса, да чёрт, возможно, даже для оргии, но, думаю, того, что у меня на уме, она не видела никогда.

— Конечно, есть.

Мы втроём отправляемся туда, позабыв о тарелках и бокалах вина, оставшихся на столе.

Пока Пэйс регулирует воду и наполняет ванну, я раздеваю восторженного Макса прямо на полу. Есть что-то в голеньком малыше с крошечными пухленькими ягодицами — в комплекте с ямочками — что поднимает мне настроение. Он же такой милый.

Мы вместе сидит на полу, пока Макс брызгается и визжит. Когда я тихо объясняю Макс, что мы не взяли с собой никаких игрушек для ванны, Пэйс ненадолго уходит и возвращается с охапкой пластиковых контейнеров «Tupperware» из кухни, сваливая их в ванну. Макс бросается заполнять чашки и миски водой, а потом снова их опустошать. Моего ребёнка легко развлечь.

— Ну так что, хочешь ещё детей? — интересуется Пэйс.

Ой-ой. Что?

— Эм, не знаю, — мне бы с одним справиться. Да и для этого сперва должен появиться правильный мужчина.

— Я всегда хотел двух мальчиков, — продолжает он. — Будь у меня дочка, она бы жутко крутила мной, — он поднимает в воздух мизинец и улыбается.

Не знаю, что ответить, поэтому продолжаю наблюдать за тем, как плещется Макс. После того, как вымыт каждый миллиметр, Пэйс вынимает Макса со стекающей водой из ванны и, закутав в полотенце, несёт на постель. Там я надеваю на него подгузник и пижамку, которую выбрал Пэйс. Тот то и дело протягивает ладонь, чтобы помочь, но, кажется, понимает, что даже с одной работающей рукой, я не готова полностью отказаться от контроля.

— Чёрт, мне нужна такая же, — восклицает Пэйс, любуясь пижамой-комбинезоном.

Смешок невольно вырывается изо рта. Одна лишь мысль о Пэйсе, одетом в цельную пижаму, вызывает у меня смех до колик.

— Прости, — вскидываю руку, пытаюсь восстановиться самообладание.

— Что? Думаешь, я не смог бы снять пижаму-комбинезон? — его фирменная однобокая усмешка цепляет что-то во мне. Господи, не мужчина, а беда.

Учитывая, что Макс уже зевает и тянет себя за ушки, я решаю двигаться дальше и уложить его пораньше.

Я ложусь рядом с ним на большую постель Пэйса и читаю Максу книжки, которые мы взяли с собой. Пэйс сидит на краю кровати и наблюдает за мной. Макс начинает отключаться в ту же секунду, как я принимаюсь за «Спокойной ночи, Луна». Мы желаем доброй ночи миске полной каши, шёпотом умиряем пожилую леди, и я повторяю снова и снова «спокойной ночи, луна», пока он не засыпает.

Взгляд Пэйса не оставляет меня. Я чувствую, как он смотрит на меня всю сказку, и не знаю, что это значит.

С Максом, умиротворённо отдыхающим между нами, Пэйс и я, словно следуя безмолвному согласию, тоже ложимся.

Мне спокойно и уютно лежать здесь с этим мужчиной и моим ребёнком. Взгляд Пэйса задерживается на моих глазах.

Мы разделены спящим ребёнком, тремя хорошими футами расстояния, но почему-то я ближе к нему, как никогда ни к кому другому. Решаю, что сегодня ночью буду смелой, и если что и случится между нами, то я готова.

— Спокойной ночи, луна, — шепчу я Пэйсу, укладывая книгу рядом с нами.

— Я пока не готов к тому, чтобы ночь закончилась, — отзывается он, отчего бабочки в моём животе приходят в движение.

Глава 8

Пэйс

Мы с Кайли лежим тихо, прислушиваясь к едва слышным причмокивающим звукам Макса, которые он делает во сне соской. То, что я здесь с её сыном между нами — гораздо более интимнее любого свидания, бывшего у меня. Мы сближаемся. Все трое. В этот момент я понимаю, что никакая хрень из того, что я делал раньше — искал острые ощущения, преследовал удовольствия — не приносила мне столько наслаждения, сколько приносит моё нахождение здесь, рядом с ней.

Вот истинная близость. Может, я и один из самых опытных мужчин на планете — если взять в расчёт количество сексуальных партнёров, которое я не в силах даже сосчитать, и то, что я пробовал много такого, о чём вы можете только мечтать — всё же, это, тут не усомниться, самый чувственный момент, испытываемый мной с женщиной.

Ей не нужен я, не нужна забота, но от этого мне хочется оберегать её лишь сильнее. Она полная противоположность отчаянным, навязчивым женщинам, к которым я привык.

Я наблюдаю за жилкой, пульсирующей у неё на шее, и чувствую тепло не одного, а двух тел рядом с собой, двух тел, которые хочу защищать и опекать. Я никогда и ни к кому не испытывал таких чувств. И раньше задумывался о детях, но и помыслить не мог, что это будет так, что меня будут разрывать столько чувств и томление. Она такая умелая и самодостаточная, разве мне есть что ей предложить? Наслаждение. Я могу подарить ей наслаждение, которое она никогда не знала... только нужно, чтобы она дала мне шанс...

Помню тот поцелуй, что мы разделили на диване. Слабые звуки удовольствия, издаваемые Кайли, когда мой рот брал её, почти довели меня до точки кипения. Она будто изголодалась по нежности. А мне хотелось дать ей всё, чего бы она ни захотела. По-прежнему. Сексуальное напряжение сгущало воздух между нами — как и весь день — вот только ни она, ни я этого не признавали.

Я смотрю на неё в тусклом свете, отмечая, как её волосы слабо завиваются на подушке и как трепещут ресницы, когда она моргает. Завораживающе.

— Тебе же не хватало этого, да? — спрашиваю я.

— Чего? — шепчет она.

— Секса. Близости с мужчиной.

Она вдруг сглатывает, отводя от меня взгляд. Но не отвечает, поэтому я настаиваю.

— Чувства полноты в том месте, где он внутри тебя. Лёгких прикосновений губ. Того совершенного момента, когда он входит и у тебя спирает дыхание.

— Пэйс...

— Это ты, по своему собственному желанию, хорошенько и усердно объезжала меня. Я просто подумал, что, возможно, мог бы выручить тебя в этом смысле.

— Как великодушно с твоей стороны. — Её тон саркастичен, но губы изгибаются в усмешке. — И что ты предлагаешь? — интересуется она, а пульс на её шее набирает скорость.

— Ты знаешь о моих чувствах, Кайли. — Мои глаза прикованы к ней, и я жду, позволяя моменту выстроиться.

Её дыхание становится быстрым, но она не двигается и не заговаривает.

— А что с Максом? — мы оба опускаем взгляд на малыша, крепко спящего между нами.

— Идём со мной, — мой голос получается грубее, чем я планировал, и наполнен нуждой.

Мы неслышно поднимаемся с кровати, пока я раздумываю куда её отвести. Гостиная не подходит. Нам нужна дверь — с замком. На краткий миг задумываюсь о ванной — или скорее, душе, — но потом решаю, что мне нужно больше места для манёвра.

Я отвожу её в кабинет и закрываю за нами дверь. Когда поворачиваюсь лицом к Кайли, она вся дрожит. Я подхожу ближе, толкая её спиной к двери, и наклоняюсь, чтобы вдохнуть запах. От неё пахнет тёплой ванилью вместе с тонким ароматом ребёнка. Не будь я так до охренения возбуждён, то рассмеялся бы.

Чувствую, как бьётся о грудную клетку её сердце. Она напряжена как кобра, готовящаяся напасть.

— Дыши, ангел, — напоминаю ей.

Она втягивает в лёгкие воздух.

Я обхватываю руками её щеки и поднимаю лицо, чтобы она наверняка встретилась со мной взглядом. Мне нужно видеть её глаза, ведь так я узнаю, понимает ли она что происходит. Большими пальцами легонько поглаживаю её кожу, и заговариваю успокаивающе, неторопливо, давая

сути проникнуть вглубь.

— Знаю, ты говорила, будто не готова к большему, как и знаю, что ты переживаешь о Максе. Но тебе явно нужен кто-то, на кого ты можешь положиться. Если не уверена, что можешь зайти дальше, по крайней мере, дай мне хотя бы быть рядом, ради тебя. Я могу быть другом — другом, поставляющим оргазмы, если тебе так нравится.

— Похоже на друзей с преимуществами.

— Клянусь тебе, что трахаюсь лучшего любого мужчины, с которым ты была. Разве тебе самой не интересно посмотреть?

Понимаю, я давлю на неё, но что-то подсказывает мне, что я всё делаю правильно, если хочу, чтобы мы оба получили того, чего желаем. Она так привыкла держать всё под контролем, полагаясь только на себя во всех решениях. К чёрту всё, я отберу этот выбор у её чересчур логичной головы. Дам решать её телу. А судя по тому, как затвердели её соски и пульс зачастил у основания горла — её тело этого хочет. Вдобавок, я правда верю, что она хочет хорошего, жёсткого секса в той же устрашающей мере, что и я. И проклятье, если для того, чтобы она увидела как хорошо нам может быть вместе, ей нужно именно это, если она даст мне шанс, я буду рад пожертвовать собственным телом во имя общего блага.

Она судорожно вздыхает и вонзает зубки в нижнюю губу.

— В одном ты был прав.

— В чём? — спрашиваю я, понижая голос, когда вижу согласие в её глазах.

— Прошло слишком много времени.

— Ты хочешь почувствовать мой член внутри тебя, ангелочек? — Прижимаюсь к ней бёдрами, давая прочувствовать, что я уже твёрд.

Она издаёт тонюсенький, гортанный звук удовольствия.

— Ты хочешь только этого? Просто секса? — осведомляется она, моргая на меня торжественными зелёными глазами.

— Может, он и бросил тебя, но я не собираюсь поступать также. — Правда в том, что я хочу Кайли. Всю, включая её сына. И по небольшому стечению обстоятельств, вселенная даровала мне прекрасную возможность привести её к себе. Хреново, что она сломала руку, но это предоставило мне шанс отвезти её домой и показать, что я могу и буду о ней заботиться.

— Доверься мне, хорошо?

Она кивает.

Начало положено.

Я беру её рот, целую долго и глубоко, поглаживая языком, вкушая вино, которое мы разделили чуть раньше.

— Господи, да ты понятия не имеешь, какая сексуальная, — вновь толкаюсь в неё бёдрами.

— Я? Сексуальная? — она почти смеётся, опустив на себя взгляд. — Да, ведь футболка и штаны для йоги — само воплощение сексуальности. Добавим ещё, как обычно, немытые волосы в растрёпанном хвостике, и у нас есть трифекта!

Наблюдать весь день, как движется и покачивается её округлая задница в растянутых штанах для йоги было чересчур.

— Твоё тело прекрасно, даже не вздумай в этом усомниться. — Наши взгляды скрещиваются, и спустя несколько мгновений она награждает меня кратким кивком.

Понятия не имею, чего она боится. Я совсем не похож на её бывшего-мудака. Даже представить себе не могу, как оставляю её или Макса. Плевать, что биологически он не мой. Макс часть Кайли, и только это имеет значение.

Когда у неё на лбу прорезается морщинка, я понимаю, что она вновь затерялась в мыслях, анализируя снова и снова каждую деталь нас с ней вместе. Я разглаживаю складку большим пальцем.

— Перестань так много думать, — шепчу я.

Она кивает и подаётся ко мне губами. Я углубляю поцелуй, исследуя её рот и вбирая язык. Затем прокладываю дорожку по горлу, направляясь вниз. Кайли стонет и запускает свободную руку мне в волосы, поощряя контакт.

— Вот так, ангелок. Давай, — чувствую, как она расслабляется, уступая желаемый контроль над своим телом, головой, сердцем.

Глядя весь день, как она готовит на моей кухне, слушая её сладкий голосок, когда она пела Максу знакомые, но давно забытые песни... В этом есть что-то, что мне по душе. Что-то настоящее. У меня не появляется желания запрыгнуть на сцену бара или соблазнить какую-нибудь девушку теми же словами, что я использовал тысячу раз. Сказать фразы, которые заставят её облизнуть губы и пойти за мной куда угодно, например, в уборную или машину, ведь я не любил водить случайных цыпочек домой. Ритмично входить в её киску, пока не кончу, не озаботившись и не подумав об оргазме девчонки.

Кайли совсем другая. К ней неприменимы никакие мои стандартные рабочие приёмы, поэтому это преследование — ново и волнующе.

— Пэйс, я не знаю, что творю... Это не я, — произносит она, на миг возвращая мои мысли.

— Поверь, мне всё очень нравится, — признаюсь я. Её взгляд находит

мои глаза, и она тихонько вздыхает. — Можешь сделать для меня ещё кое-что? — спрашиваю я, чувствуя, что она прямо на краю. На грани того, чтобы отстраниться от меня. А я этого не хочу.

— Да, — шепчет она.

— Позволь довести тебя до оргазма. Мне нужно прижаться к тебе ртом. А потом ты решишь, хочешь ли чтобы произошло что-то ещё.

Кайли задумывается всего на секунду, вперив взгляд в пол между нами, а потом поднимает, останавливая его вновь на моих глазах.

— Да, хорошо, — отзывается она.

Умница. Меня распирает от гордости. Знаю, для неё это огромный поступок — она рискует не только телом, но и сердцем.

— А ты? — спрашивает она, когда я скольжу рукой к переду её штанов, едва касаясь через ткань.

Мои потребности в этом уравнении?

— Неважно, — отвечаю я, покрывая поцелуями её шею, пока спускаю руку ниже. Конечно, я преисполнен надежды, что она увидит как хорошо нам вместе, если только даст себе немного ослабить контроль. Так я покажу ей, что не какой-то самовлюблённый придурок, в спальне или вне её. Нужды Кайли будут на первом месте. И я буду здесь ради неё.

По-прежнему целую и ласково покусывая её шею, подвожу пальцы к её трусикам и обнаруживаю их мокрыми. Член пульсирует в джинсах. Ему эта информация нравится. Я легонько поглаживаю, чувствуя, как подрагивает её дыхание. Складочки Кайли набухли и увлажнились. Чёрт, да. Обожаю тот факт, что делаю её влажной и жаждущей, пусть она и не уверена в этом разумом.

В отличие от последнего раза, мне не хочется порывистых действий. Я отчаянно желаю изучить её кремовую, гладкую кожу и полные груди, которые мельком видел прошлой ночью. Неохотно вытаскивая пальцы из её трусиков, ощущаю, как из её груди поднимается разочарованный стон.

Методично раздеваю её донага, не оставляя без поцелуя каждый выставленный сантиметр кожи. Её груди, живот, вершину бёдер, и в конце концов, когда трусики присоединяются к остальной одежде на полу, я на секунду прерываюсь, чтобы оценить как она до охренения хороша.

Она беспокойно шевелится, сжимая бёдра и поднимая руки, будто желает прикрыться. Я хватаю её за запястье и качаю головой. Ни за что, чёрт возьми. Кайли прикусывает губу, но ничего не говорит.

Я веду её назад к столу и приподнимаю, усаживая прямо на край. Роняю на её губы ещё один поцелуй, и потом опускаюсь на колени. Широко раздвинув её бёдра, я прижимаюсь ближе и целую низ живот, сразу над

холмиков. Когда поднимаю взгляд, замечаю, что её веки опущены. Ну нет, чёрт возьми. Я хочу, чтобы она знала — это я доставляю ей удовольствие.

— Открой их, — командую я.

Её взгляд устремляется к моим глазам.

— Я хочу, чтобы ты смотрела, — говорю я, лениво поглаживая языком шелковистые складочки, пока глаза остаются приклеенными к её глазам.

Её веки дрожат, но держатся открытыми, пока она отслеживает движения моего языка. Вверх-вниз, я поддразниваю её, не торопясь по началу, давая ей разогреться. Как и вся она, каждая частичка её киски прекрасна. Аккуратно побритая, красивая и розовенькая. Она сбрендилась, если считала себя нежеланной. Каждый её сантиметр — совершенен, насколько мне позволено судить. Но самое безумное в том, что как бы восхитительна она ни была, на самом деле именно её сердце — мягкая, заботливая часть, на которую она позволила мне украдкой взглянуть — лишает меня воздуха.

Крошечные всхлипы срываются с её губ, а дыхание учащается.

— Не отводи глаз, — рычу я.

Кайли переключает внимания на местечко между бёдер, которому я намерен поклоняться. В беспощадном ритме прохожусь языком по её клитору. Приходится физически сдерживать её, удерживая за бёдра на месте, чтобы она не ускользнула. Кайли близка, видно, и когда я погружаю два пальца глубоко в её жар, сгибая их у особенного местечка, она кончает по команде, извиваясь напротив меня и цепляясь пальцами за мои волосы. Мой член приветствует её. Кажется, это невозможно, но она ещё горячее, когда кончает, и страстное желание доводить её до такого состояния ежедневно, шипами вонзается в меня.

Когда я встаю на ноги, она смотрит на меня плещущимися похотью глазами. Не говоря ни слова Кайли пытается расстегнуть мой ремень, но только теребит его одной рукой, я тянусь вниз помочь ей, и как только мои джинсы оказываются открыты, она запускает в них руку.

Дерьмо.

Её рука мягкая и нежная по сравнению с моей, и мой член незамедлительно принимает это во внимание, твердея до стали и рыдая по ней.

Она водит по мне рукой вверх-вниз, пока я набрасываюсь на её рот, целуя глубже, чтобы она распробовала, как сладка на моём языке.

— Кайли, тебе необязательно, — задыхаюсь я, пусть мне и не хочется, чтобы она останавливалась.

— Но я хочу, — выдыхает она в мои губы.

Да, чёрт возьми.

Я помогаю ей, стягивая джинсы по бёдрам, пока член не вырывается на свободу.

— Ты носишь боксеры? — спрашивает она.

— Обычно нет, — признаюсь я.

— Боже, Пэйс.

Я опускаю взгляд, пытаюсь понять чем вызвана паника в её голосе.

Она отклоняет член от моего тела, как будто осматривая его.

Какого чёрта?

— Ты серьёзно? — интересуется она, а её губы изгибаются в дьявольской ухмылке.

— О чём ты?

— Эта штуковина огромна.

Замечаю, что её пальцы не смыкаются вокруг меня, и мрачно усмехаюсь, разрываемый от гордости.

— В смысле, я в курсе, что у меня есть ребёнок, но сейчас я очень напугана.

Снова беру её лицо в руки.

— Я говорил тебе, что мы не будем делать ничего, чего ты не захочешь. Но обещаю, он подойдёт тебе, если ты всё-таки захочешь.

Она подавляет страхи и кивает мне. Затем вводит меня в совершенное ошеломление, когда, прыгнув и опустившись на колени, берёт меня в рот.

Я слепо тянусь, хватаясь за край стола. Господи, у неё рот как вакуум. Она глубоко втягивает меня, тепло посасывая всю длину. Ласкает основание рукой в то время, как рот принимается за работу. Даже с одной рабочей рукой, её прикосновения невероятны. Она чуть оттягивает мои яйца. Чёрт возьми. Я содрогаюсь. Большинство женщин не в курсе, как обращаться с чувствительными областями мужского тела, но Кайли знает. Она бережно дёргает гиперчувствительные шары, прежде чем, прекратив посасывать головку, приняться облизывать их. Не могу сдержать стон, который вырывается из глубины моего горла. Одно можно сказать наверняка, Кайли умеет делать чертовски хороший минет.

— Блядь, ангелочек, — опускаю руку и смахиваю волосы у неё с лица в то время, как она с энтузиазмом ухмыляется мне полным ртом. — Ощущения потрясающие.

После ещё нескольких влажных поцелуев в стратегически расположенные места, от которых из меня вырываются стоны, я помогаю ей подняться на ноги. Она переводит взгляд на мой член и снова на меня, будто бы говоря: пора воспользоваться этой штуковиной. Да, мэм.

Раздумываю над тем, чтобы нагнуть её над столом, ведь её великолепная круглая попка мучила меня весь день, но понимаю, что в первый раз с ней мне нужно видеть её глаза. До сих пор же я никогда не считал такое чем-то важным. Наверное, стоит испугаться, но я чувствую только спокойствие и власть.

Обняв, поднимаю Кайли обратно на стол и раздвигаю её ноги, вторгаюсь между ними. Стащив рубашку через голову, я скидываю на пол и джинсы, выступая из них. Мне хочется почувствовать её кожу своей.

Она опускает взгляд, путешествуя им вниз по моей груди и прессу, прежде чем снова подняться. Мне нравится едва заметная улыбка, заигравшая на её губах. Кайли подаётся вперёд и оборачивает руку вокруг моего члена, подняв на меня удивлённый взгляд, будто не верит, что это происходит на самом деле.

Приподнимаю её подбородок, ещё раз целуя, после чего отстраняюсь, чтобы встретиться с ней глазами.

— Я буду осторожен с тобой, всегда. Обещаю. — Мы оба знаем, что я говорю не только о сексе — речь идёт об её эмоциях.

Она кивает.

Я пристраиваюсь к её жару, нежно водя членом туда и обратно. Кайли вздрагивает и выгибает спину, готовясь меня принять.

— Блядь, презерватив, — рычу я. Чуть не забыл. Раньше такого никогда не случалось.

— Ты чист? — спрашивает она.

— Конечно. Я никогда не трахаюсь без презерватива.

Она мгновение колеблется, будто бы изучая меня. До этого я говорил, что никогда ей не совру, и видимо она это вспоминает.

— Я на таблетках, — произносит она.

Без защиты? С этой красивой женщиной? Уверен, я кончу через секунду и опозорюсь без слоя латекса, разделяющим нас, но мне плевать. Я хочу чувствовать её. Только её. Без куска резины между нами.

— Ты уверена?

Она быстро кивает и снова тянется ко мне.

— Да, уверена.

Я ставлю Кайли так, чтобы её загипсованная рука удобно лежала между нами, стараясь не слишком её теснить.

— Я не хочу навредить тебе, — говорю ей.

— Всё в порядке, Пэйс. Клянусь.

Я подаюсь вперёд, одной рукой держа основание своего ствола, а другой её бедро, пока наши тела соединяются. Влажное тепло,

окружающее меня, неопишимо. Дюйм за дюймом, я хороню себя в ней. Чёрт.

От хныканья Кайли, когда я оказываюсь полностью внутри, у меня поджимаются яйца.

— Как ощущения? — задыхаюсь я.

Её взгляд поднимается к моим глазам.

— Моя вагина не растянута.

— Что?

— Мой бывший... он говорил, что не хочет быть с разжирневшей женщиной, у которой, после родов, растянута вагина.

— Как бы ужасно мне не нравилось обсуждать твоего бывшего, пока я внутри тебя, о чём ты, ангелочек?

— Моя вагина — она нормальная. А не растянутая.

— Она охрененная. — Я по-прежнему не двигаюсь, заглядывая ей в глаза. — И ты далеко не толстая. Твоё тело чертовски удивительное. В нём вырос маленький человечек. При всём уважении к отцу Макса, он, похоже, грёбанный идиот.

Кайли улыбается мне, прислонив свою ладошку к моей щеке.

Я расцениваю это как сигнал того, что время подошло к концу, и настало время перейти к делу. И это отличная новость, потому что если я в ближайшее время не начну двигаться, меня настигнет смерть.

Поднимаю её икры, заводя обе лодыжки себе за спину.

— Держись, малышка.

Кайли цепляется за моё плечо здоровой рукой, и я, по-прежнему удерживая её ноги, принимаюсь снова скользить внутрь и обратно. Она мягко стонет, впиваясь ногтями мне в спину. Ощущения невероятные. Люблю наблюдать за тем, как она получает удовольствие, пока я трахаю её. Кайли сжимает ноги вокруг моего торса, выгибаясь навстречу толчкам, вбирая меня глубже, и её щёчки вспыхивают жаром. Она живая, уверенная в себе. И это до безумия сексуально.

Я двигаюсь неторопливо, глубоко вторгаясь и затем отступая. Мне хочется продлить этот момент.

— Скажи мне, как сделать так, чтобы ты кончила. Скажи, что тебе нужно, — шепчу я, прижимаясь лёгкими поцелуями к её губам.

— Сильнее. Мне нужно сильнее, — отвечает она.

О чёрт, да. Прекратив сдерживаться, я вбиваюсь в неё на полную длину, набирая скорость с каждым толчком, пока не начинаю трахать её жёстко и быстро.

Кайли тихонько стонет, и её обычно ярко-зелёные глаза застилает

похоть.

Я врезаюсь в неё снова и снова, едва сдерживая свой собственный оргазм в погоне за её освобождением.

— Отпускай, — напоминаю ей снова, и она так и поступает. Её мышцы сжимаются вокруг меня, и она издаёт низкий стон, сжимая плечо и выкрикивая моё имя.

Пэйс.

Трепещущий звук моего имени, срывающийся с её губ, доводит меня до грани.

Я с тихим криком кончаю и, зарывшись лицом в её шею, изливаюсь внутри неё.

Глава 9

Кайли

Я всё ещё дрожу, когда взбираюсь обратно на кровать к Макс. Не могу поверить в то, что сделала. Не просто позволила Пэйсу трахнуть меня на столе его кабинета, но ещё и умоляла его сделать это посильнее. Господи Боже.

Зарываюсь лицом в трясущиеся руки. И, что хуже всего, я всё ещё улыбаюсь, и хочу повторить ещё раз, а потом ещё. Знаю, я противилась, пыталась убедить себя, что этот мужчина не впишется в нашу жизнь, но он каждым поступком доказывает, что я ошибалась.

После нашего интимного столкновения в его кабинете, он набрал кучу салфеток, чтобы вытереть свою эссенцию, стекающую по моим бёдрам. Потом мы молча приходили в себя, переваривая весомость только что случившегося. В коридоре он поцеловал меня на ночь, а потом отправился на диван в то время, как я ретировалась в безопасность и уют его спальни. Где я сейчас и нахожусь.

Макс по-прежнему крепко спит, Слава Богу, безразличный к только что произошедшему.

Мой телефон оживает, оповещая о новом сообщении, и, несмотря на отяжелевшие от сонливости конечности и уверенность в том, что ничего важного в нём нет, я слепо тянусь к прикроватной тумбе, пока не касаюсь его пальцами.

Пэйс.

«Спокойной ночи, Луна».

Как три простых слова в совокупности на экране могут пробудить во мне столько эмоций я не в курсе. То, как он не отрывал от меня глаз, пока я читала Макс. Об этом ощущении я никогда не забуду. Из-за него я чувствую себя красивой, не просто матерью, но и женщиной.

Заталкиваю телефон под подушку и проваливаюсь в мирный сон, благодарная Пэйсу за то, что он присутствует в нашей жизни.

Я и не подозревала, что всё изменится на следующий день.

Утро начинается с того, что Пэйс, тихо готовится к рабочему дню, пока мы с Максом спим в его постели. Ну ладно, Макс спит, а я то просыпаюсь, то засыпаю от звуков работающего душа и запаха лосьона после бритья, доносившегося из переполненной паром ванной. Безмятежно отдыхаю с улыбкой на губах от воспоминаний о прошлой ночи.

Когда Пэйс выходит из гардеробной, на нём синие брюки и свежая белоснежная рубашка с серым галстуком. Он выглядит парадно, собранно и готовым захватить весь мир. Я вспоминаю его заявление о том, что ему по силам позаботиться о нас двоих — обо мне и Максе. Представляю, каково это — встречать мужчину вроде него дома каждый вечер. Есть с ним, забавляться, мечтать о будущем.

Я проглатываю комок в горле от внезапно нахлынувших эмоций, угрожающих захлестнуть меня.

— Ты же останешься? — шепчет Пэйс.

Я киваю.

— Да. Когда ты будешь дома?

— Обычно по понедельникам я встречаюсь с братьями за выпивкой. Будем только мы с Коллинзом. Я могу отменить, — произносит он.

— Нет, иди. Всё нормально. Я привыкла, помнишь?

— Да, но не с одной рукой. Я буду дома в восемь.

Мы говорим шепотом, стараясь не разбудить спящего Макса.

— Ладно, — говорю я. — Хорошего дня.

— И тебе, — он наклоняется и целует меня в лоб, затем переводит задумчивый взгляд на Макса и проделывает то же самое и с ним.

Он не упоминает прошлую ночь, и не знаю, каких слов ждала от него, но оттого, что он никак не признаёт её, мне неудобно. Значила ли прошлая ночь для него столько же, сколько значила для меня?

Хочу повалить его к себе на кровать и сказать, что прошлая ночь была потрясающей, но не делаю так. Вместо этого смотрю, как он отдаляется от нагретого мной места в постели, задумавшись о том, чем заняты его мысли.

Позже принимаю душ, бережно не давая гипсу намокнуть, недолго занимаюсь работой и играю с Максом. Однако ближе к обеду происходит кое-что странное.

Звонит Элан.

Совершенно потрясённая я игнорирую его, но он продолжает звонить ещё семь раз.

На восьмой вызов я поднимаю трубку, раздумывая над тем, что такого ужасного могло случиться. Понятия не имею, зачем ещё ему пытаться со мной связаться.

— Алло?

— Кайли... — его знакомый голос сразу же успокаивает.

Ненавижу.

— Элан? В чём дело? Что-то случилось? — спрашиваю я, игнорируя чувства, заполонившие меня, когда он произнёс моё имя.

— Да. — Он издаёт тяжёлый вздох и замолкает. — Я совершил ужасную ошибку.

Слушаю, дожидаясь, пока он продолжит, одновременно наблюдая за Максом, играющим на ковре у моих ног.

— Ты, и мой... мой сын... я... — его голос надламывается.

— Откуда ты узнал, что это мальчик? — спрашиваю я.

— Мне снился сон. Прекрасный сон о вас двоих. Я оттолкнул тебя, потому что испугался, а сейчас боюсь, что уже слишком поздно.

Я опускаюсь на диван. Разумеется, слишком поздно.

Так ведь?

Мне хочется кричать на него, повесить трубку и больше никогда не думать, но я не могу. Долгие месяцы я не хотела ничего, кроме того, чтобы Элан пришёл в себя, что однажды Макс сможет с ним общаться. Я приняла разрыв с Эланом, но ни за что не хотела, чтобы от этой потери пострадал мой сын.

Я оцепенело слушаю, пока Элан пересказывает мне историю о своих родителях и как они потеряли ребёнка — под ребёнком имеется в виду его младшая сестра, — когда она только родилась, и о том, насколько эта потеря была разрушительной, трагичной, ведь они так и не смогли прийти в себя. Их брак не просто развалился, его мать ещё и поместили в лечебницу, когда ему было шесть, и она пробыла там три года. Он обо всём этом рассказывает мне, объясняя, почему пришёл в ужас от перспективы привести младенца в этот мир со мной. А мой вращается и вращается. Я протягиваю Максу плюшевую игрушку и танцую ей, но телефон остаётся прижатым к моему уху, а мозг пребывает в другом месте.

— Я хочу повидаться с тобой, познакомиться с сыном. Хочу шанс вернуть то, что у нас было.

— О чём ты? Ты бросил нас. Отправил чек через кого-то другого! Не набрался мужества даже, чтобы прийти самому. Посмотреть мне в глаза... — я понижаю тон, осознав, что на грани крика, и делаю глубокий, успокаивающий вдох. Поднимаюсь на ноги и направляюсь из комнаты напрямик на кухню, прокладывая дистанцию от крошечных ушек Макса.

— Как ты назвала его? — задаёт он вопросом, его голос — мягкий шёпот в отличие от всего того, что мне приходилось слышать раньше.

— Максвелл, — говорю я. — Но я зову его Максом. — Не объясняю, что выбрала это имя как вечное напоминание максимально наслаждаться каждым моментом и никогда не жалеть себя, какой бы ни была ситуация.

— Оно идеально, — отвечает он. — Кайли? Что скажешь? Я бы хотел увидеться с сыном.

Открываю рот, чтобы отказать его просьбе, но перевожу взгляд на моего сына — моего сына, как две капли воды похожего на своего отца, — и меня омывает покой. Знаю, что ради Макса, мне стоит выслушать его. У меня нет законных оснований отказать Элану. Мне приходит в голову, что если я попытаюсь ответить ему отрицательно на общение с Максом, он может нанять адвокатов и попытаться получить совместную опеку. А я этого не хочу.

— Я... Не знаю, Элан. Я встречаюсь кое с кем, — говорю ему. — И я счастлива.

Образ напряжённого взгляда Пэйса, когда он погружался в меня прошлой ночью, настолько озабоченный моей рукой, моим удовольствием, разрывает меня, заставляя трепетать.

— Прошу, — умоляет он. — Разве для нашего сына не было бы лучше, если бы мы были вместе?

Я говорю ему, что мне нужно время подумать, и мы завершаем разговор.

Весь день мой разум проигрывает самые разные сценарии, но я не могу отрицать, что в одном Элан прав. Я обязана Макс, по меньшей мере, разговором с Эланом. Для Макса будет лучше, если я дам ему честный шанс побороться на общение. Элану будет нелегко вернуть моё доверие, и я даже не знаю, заслуживает ли он такой возможности после того, как ушёл от меня, но это в интересах Макса. А ради своего сына я сделаю всё что угодно.

Я перезваниваю ему через несколько часов.

— Ладно, — отвечаю я. Без приветствия, без формальных любезностей, потому что я не в настроении для всей этой помпы. Такое ощущение, будто уступая, я отказываюсь от части себя. Всё это время Макс был при мне, поэтому, возможно, так и есть. Пусть это и правильный поступок во благо всех вовлечённых.

— Ладно? — переспрашивает он.

— Ты можешь встретиться с ним, — говорю я.

— Сегодня. Ты свободна?

Зная, что Пэйса не будет дома допоздна, я соглашаюсь.

— Хорошо. В парке возле моего дома. Я напишу тебе, когда Макс

проснётся после дневного сна, и мы поедем туда.

— Я буду на месте, — говорит Элан тяжёлым от волнения голосом.

Делаю глубокий вдох, силясь утихомирить восставшие во мне эмоции.

— Тогда увидимся.

Элан прибывает вовремя, кнопкой на брелке блокируя свой Мерседес, прежде чем двинуться через парк в нашу сторону. Его глаза тут же перескакивают от меня к Макс. Он сглатывает, нервно облизывая губы.

— Ого, — оглядывает Макса сверху донизу, несомненно, впечатлившись поразительным сходством.

Элан выглядит иначе. Старше как-то. Вокруг глаз появились мелкие морщинки, на талии прибавилось лишнего веса в отличие от того, что я помню. Он смиренно сидит на скамейке рядом со мной, наблюдая, как Макс играет с грузовичками, которые я ему купила. Тот же не обращает на него равно никакого внимания. Элан, кажется, совершенно унижен.

Он приехал с пустыми руками, и не знаю, чего я ждала, но, наверное, это лучше, чем вообще ничего. Не сказать, что подарки компенсировали бы его отсутствие длиною в год, но, быть может, это был бы крошечный шаг в верном направлении — и какой-то повод для Макса тут же обратить внимание на этого нового, незнакомого мужчину. Даже Пэйс, завзятый холостяк, додумался принести подарок в первый раз, когда проводил с ним время.

Элан сидит со сложенными на коленях руками, глядя, как Макс играет и что-то бессвязно лопочет.

— Он красивый. Умеет что-нибудь говорить?

— Да, пока только «Мума» и «мяч», но он знает много всяких знаков. Кушать, молоко и я устал. — Я могла бы болтать и болтать. Хочется, чтобы он понял, какой Макс замечательный, и это полностью его вина в том, что он выбрал не становиться частью его жизни. Я всё ещё злюсь, что справедливо, но всё же пытаюсь открыться тому, что пойдёт моему сыну на пользу.

Странное ощущение — знать, что у нас с этим мужчиной общий ребёнок. Мы сотворили крошечное существо, играющее между нами. Мне неловко, пусть я отчасти и знаю, что нахождение здесь сегодня, знакомство Элана с сыном — правильный поступок.

Мне грустно осознавать, сколько всего упустил Элан. Рождение Макса, его крещение, первый день рождения, первые шаги. Я подавляю слёзы. По крайней мере, сейчас он здесь. На то, чтобы он наладил контакт с Максом уйдёт уйма времени. Но потом до меня доходит, что всё не совсем так. Макс с Пэйсом сошлись почти мгновенно. Но с другой стороны, Пэйс садился на землю рядом с ним и общался. Разговаривал, показывал ему всякие штуки. Элан же тихо сидит рядом со мной, будто не знает куда себя деть. Может быть, ещё не отошёл от шока.

Не знаю, почему я продолжаю думать о Пэйсе. Какой бы удивительной не была прошлая ночь, я знала с самого начала — наши с ним миры не сойдутся. И сейчас, когда Элан вроде бы хочет вернуться на сцену, я сбита с толку ещё больше, чем раньше.

Глава 10

Пэйс

— Что нового, старик? — спрашиваю я у Коллинза, приставив бутылку пива к губам. Мы уже обсудили работу и последние тенденции фондового рынка. Он увлечённо рассказывает про какой-то зарождающийся фонд в Бразилии, а я только рад послушать его лепет, всё пытаюсь придумать, как рассказать ему про Кайли, ведь, у меня на уме только она. Предыдущая ночь была выше всяких похвал. Я едва мог смотреть на неё, не становясь твёрдым. И поспешно сбежал, чтобы не оказаться в неловкой ситуации.

— Как там Татьяна? — интересуюсь я. Давненько не видел её, хотя и знаю, что, как топ-модель, она много разъезжает по работе.

Коллинз смотрит, как разогреваются музыканты джаз-клуба, в котором он захотел встретиться. Скоро станет шумно для разговора, но, возможно, он того и хотел.

— Всё хорошо, — отвечает он, отпивая из стакана.

Такое ощущение, будто хочет сказать что-то ещё, поэтому жду.

Он пожимает плечами.

— Иногда... я не знаю. Мне кажется, будто я для неё всего лишь набитый банковский счёт, а она для меня — тёплая киска.

— Не знал, что ты искал серьёзности, — говорю я.

— Ага, кажется, я тоже.

Не очень убедительно. Ему стукнуло тридцать в этом году, и мне интересно, имеет ли это отношение к его меланхоличному настроению или риторическим вопросам о природе их отношений.

Когда я поднимаю взор на Коллинза, он выглядит чуточку потерянным. Блядь. Вдруг осознаю, что хочу, чтобы Колтон был здесь. Он знает, что сказать в такие моменты.

— Послушай, если ты не счастлив, с ней всегда можно порвать, правильно?

— Дело не в том, что я несчастлив. Просто пытаюсь понять, кроется ли здесь что-то ещё.

— Нет, — говорю я убеждённо.

— А что у тебя? — неожиданно переводит он тему на меня, изогнув губы в ухмылку. — Никогда не думал, что дождусь этого дня, братишка. И

кто она?

— Кайли. — От одного имени мне становится тепло. Господи, как же глубоко я погряз.

— Девушка с ребёнком, которая работает на Колтона?

Она далеко не обычная девушка с ребёнком. Коллинз не понимает, но я знаю, что до него это дойдёт, когда он узнает её получше.

— Да. Она самая.

— Самая? Ого. — У него расширяются глаза.

Я говорил вовсе не об этом, но сейчас, когда мысль озвучена, меня не прошибает презрение. Чёрт, да я вижу расклад, сложившийся передо мной. Держать её тёплое тело в объятьях каждую ночь, наблюдать за тем, как подрастает Макс... Знаю, я спешу, но эта женщина не однодневка. Обычно я из тех парней, кто быстро переходит на новое, но с ней мне такое даже в голову не приходит. Я хочу большего. Хочу остаться и посмотреть, куда это меня заведёт. Для меня совершенного ново и волнующе знать, что здесь ещё есть, что можно поискать.

— Хочешь остаться и заказать ужин? — спрашивает Коллинз, показывая официантке обновить напитки.

— Конечно, только дай быстро проверю Кайли. Она сломала руку и живёт пока у меня.

Он вскидывает брови, но ничего не говорит. Уверен, у меня получилось шокировать его до чёртиков. Я не вожу цыпочек к себе домой на часок. А вот Кайли может переехать навсегда, и я даже глазом не моргну.

«Как справляешься?»

Жду, пока она ответит, не выпуская телефон из руки.

Проходит пять минут и ничего. Коллинз читает меню ужина, а у меня от беспокойства бурлит желудок. Я набираю её номер, в трубке раздаётся несколько гудков, пока не включается голосовая почта. Звоню ещё дважды, но ответа по-прежнему нет. Что-то не так.

— Прости за ужин, кажется, мне придётся отчалить, старик. Кайли не поднимает трубку, и я начинаю беспокоиться. Нужно проверить, не случилось ли с ними чего.

Он кивает.

— Конечно. Иди. Всё нормально. Поужинаем на следующей неделе, когда Колтон вернётся.

— Разумеется, — рассеяно поднимаюсь на ноги, бросаю пару купюр на стол, и обуреваемый паникой, ухожу.

Всю дорогу домой, я проклиная себя на чём свет стоит.

Она сломала руку, чёрт возьми, а я оставил её одну с годовалым

ребёнком? Каким хреном я думал?

Мне хочется кого-нибудь ударить, мать вашу. Пропали не только она и Макс, но и все их сумки. Понятия не имею, что могло случиться за восемь часов, из-за чего бы она собрала вещи и уехала. Когда я уходил утром, она лежала, свернувшись на моей кровати, на вид довольная и счастливая. Я рассчитывал, что Кайли останется. Она сама сказала мне, что останется. Что изменилось?

Мобильный у неё всё ещё не отвечает, и когда я подъезжаю к их дому, её машины нет на месте. Мне не нравится мысль, что они с Максом где-то одни. В груди формируется тугой узел, и я усиливаю хватку на руле. Единственное, что остаётся — отправиться домой и ждать. Но проезжая мимо парка, расположенного неподалёку от её дома, я замечаю их.

Припарковавшись у обочины, выбираюсь из машины.

Кайли сидит на скамейке рядом с мужчиной, а Макс играет на траве у их ног. Поза у неё настороженная, напряжённая, в то время как мужчина увлечённо наблюдает за Максом. В моей голове проносится миллион сценариев, но только один несёт смысл — этот мужик её бывший, отец Макса. Приблизившись, замечаю, что у него те же тёмные волосы и оливковая кожа, что и у Макса. У меня судорожно сжимается живот, и я на секунду замираю, разглядывая их на расстоянии. От вида её с другим мужчиной я чувствую себя собственником большим, чем за всю свою жизнь. Мне хочется затащить её обратно домой, как какому-то грёбаному пещерному человеку. Но я понимаю, что мне хочется не только этого. Стоя здесь, в присутствии этого мужчины, я хочу, чтобы она выбрала меня. Останавливаюсь рядом с ними, буравя Кайли глазами.

— Пэйс, что ты здесь делаешь? — её тон резок, будто я поймал её за чем-то нехорошим.

Хотя, кажется, так и есть.

— Ты не отвечала на звонки. Я начал переживать. — Не упоминаю об её исчезнувших из моего дома сумках. Об этом мы поговорим позже, наедине.

— Я в порядке. У нас всё хорошо. Это отец Макса, Элан. — Она бросает взгляд на мужчину за своей спиной отчего мои руки сжимаются в жёсткие кулаки.

— Кайли?

— Всё в порядке, Пэйс, — ободряет она.

Не знаю какого хрена происходит или в какую альтернативную вселенную я попал, но тут ничего не в порядке. Этот мужик бросил её, унизил. Отправлял деньги, но не потрудился уделить время, любовь. Зачем, нахрен, она здесь, непринуждённо сидит и беседует с ним, будто так и должно быть? Я двигаюсь к Кайли и Максу с целью защитить, мышцы на челюсти дёргаются.

— Кто это? — спрашивает Элан. — Я не знал, что ты с кем-то встречаешься.

— Не встречаюсь, — отзывается Кайли, глядя прямо на меня.

Её слова вонзаются мне в сердце, отчего у меня напрягается живот. Мне хочется с кем-нибудь подраться. Кайли до этого спрашивала часто ли я дебоширил, что ж, кажется, она скоро это узнает. Но потом я понимаю, что на траве сидит Макс, обожающе глядя на меня. Подойдя к нему, ерошу его волосы.

— Привет, маленький мужчина.

— Па-па, — выдаёт он, подавшись ко мне с загоревшимися глазами.

— Он называет его Папой? — произносит Элан, с отчётливо проскакивающим раздражением в голосе.

Я вдруг поворачиваюсь с внезапно вспыхнувшим внутри гневом.

— Ты бросил их, — чётко и медленно выговариваю каждое слово. — А я забочусь. Ты, как придурок, отбрасываешь их в сторону, не замечая ценности, а я более чем счастлив вмешаться и принять твоего сына, как своего собственного, — Кайли распахивает глаза, и удивленно вздыхает. Но я уже набрал обороты. — Это я буду тем, кто научит его рыбачить, сёрфить и вести себя с женщиной.

— Пэйс, — прерывает Кайли мою речь, выглядя расстроенной. — Ты должен уйти.

Я выдыхаю, и смотрю ей в глаза. Кажется, Кайли напугана, в растерянности и ей больно, но она стоит на своём, выражая позой решительность и уверенность. Гляжу на Макса, его крошечное личико — маска сосредоточенности, и он выглядит обеспокоенным. Теперь вижу, что мне здесь не рады. Я прерываю воссоединение семьи и, блядь, я потерял хладнокровие на глазах у Макса. Это бесит меня, как ничто другое.

Я сжимаю кулаки и киваю Кайли.

— Ты хотя бы позвонишь мне, чтобы я знал, что вы в безопасности?

— Да, — отвечает она.

Побежденный, я отворачиваюсь и иду к машине.

Глава 11

Пэйс

Когда я оказываюсь дома, квартира пуста и безжизненна. Бросаю ключи с телефоном на тумбу, чувствуя злость и неуправляемость.

Этот ублюдок выглядел таким самодовольным, таким крутым и равнодушным. Он понятия не имеет от чего сам же добровольно отказался. И сейчас я совсем, мать вашу, не догоняю чего хочет Кайли. После прошлой ночи, мне казалось, что я знаю. Наши отношения были решённым делом в моей голове. Я хотел, чтобы она переехала насовсем. Хотел сделать её моей. Дать Максу мою фамилию, если бы она захотела. Я не любитель отношений, но ради этой женщины и её ребёнка от другого мужчины я был готов перевернуть свой мир. Но сейчас? Сейчас я нихрена не знаю, что делать.

Задумываюсь об алкоголе, но понимаю, что хочу быть с ясной головой, когда позвонит Кайли. Мне нужно оставаться рассудительным. Мне нужно вразумить её. Может, она и думает, будто Элан — лучший выбор только потому, что он отец Макса, но я твёрдо знаю, что это не так. Любой мужчина, бросивший свою беременную девушку, не стоит этой женщины.

Я вышагиваю по квартире, пока свет не исчезает с неба, задумавшись о том, почему она ещё не позвонила. Наконец телефон издаёт сигнал, и я бросаюсь на кухню.

Сообщение от Кайли.

«Мы дома, только уложила Макса. Прости, если заставила тебя сегодня поволноваться».

Если она думает, что одного сообщения окажется достаточно после той душевной муки и напряжения, что я испытал, обнаружив её уход, у неё не все дома.

Я жму на кнопку вызова и жду, пока пройдут гудки.

— Привет, — отвечает она сонным голосом.

В моей голове крутится столько вопросов, что я даже не знаю с чего начать.

— Почему ты ушла? — спрашиваю я.

— Прости. Я не собиралась уходить без объяснений. Хочу поблагодарить тебя за гостеприимство, но я решила, что нужно вернуть весь дом в твоё полное распоряжение.

Мне будто выбивают воздух из лёгких. Моё гостеприимство?

— Мы трахнулись без защиты прошлой ночью. Неважно веришь ты или нет, но для меня это кое-что значит. Ты для меня кое-что значишь. Какого чёрта происходит, Кайли?

Они тихонько вздыхает.

— Элан позвонил сегодня. Он сказал, будто осознаёт, что совершил ошибку, когда оставил нас, и хотел бы получить шанс познакомиться с Максом.

— И ты ему дала его просто так?

— Он может довести дело до суда, Пэйс. Подать бумаги о совместной опеке. Я не могу этого допустить. Поэтому да, я сделала то, что сочла лучшим решением. Для меня и моего сына.

Осознав, что забрёл в спальню, я опускаюсь на кровать с прижатым уху телефоном и тяжёлым сердцем.

— Я понимаю. — Знаю, стоит извиниться за мою сегодняшнюю вспышку в парке. Я повёл себя немного ревниво, увидев Кайли и Макса в компании другого мужчины. Пусть, кажется, и не знаю, вернулся ли он на самом деле или это было единожды, потому что захотел увидаться с Максом. — Значит, Элан вернулся? — спрашиваю я несмотря на то, что и так понятно — её ответ способен меня уничтожить.

— Точно не знаю. Он говорит, что хочет шанс быть со мной. Шанс создать настоящую семью, но я сказала ему, что он далёк от того, чтобы вернуть моё доверие.

Я проталкиваю комок в горле.

— А ты? Чего хочешь ты?

Она на мгновение колеблется, и меня захлёстывает волна паники.

— Я пытаюсь ставить на первое место своего сына, и, наверное, в глубине души, верю, что для Макса будет лучше, если мы с Эланом сможем всё решить.

Она сказала всё, что мне нужно знать. Пусть последние несколько недель она и упорно думала, будто всё кончится лишь тем, что я причиню ей боль, получилось наоборот. Она только что выпотрошила меня, кажется, даже об этом не зная.

— Тебе не следовало уходить, — отвечаю я, силясь вернуть самообладание. — Если твоя рука волшебным образом не исцелилась за последние несколько часов, полагаю тебе всё ещё нужна помощь.

— Пока я пытаюсь пересмотреть отношения с Эланом, мне не кажется правильным оставаться с тобой. Вдобавок, если быть честной, думаю, я не смогу доверять себе наедине с тобой после случившегося прошлой ночью.

— И что же случилось прошлой ночью? — мне хочется услышать это от неё самой, хочется узнать испытывала ли она те же сильные эмоции, что и я.

— Как я и сказала прошлой ночью, прошло много времени. И секс был отличным, если тебя это интересует.

Конечно, он получился отличным, но это был не просто физический акт. В моём понимании она отдавала мне себя полностью, а я клеймил её, как мою собственность. Но, видимо, мы с ней не на одной странице. Она не принадлежит мне. Как и Макс.

— Было хорошо, да? — произношу я, стараясь вновь стать тем нахальным засранцем, который никогда не допускал участия сердца.

Кайли сохраняет безмолвие, и мне становится интересно о чём она думает. Я хочу спросить у неё, как Макс, как прошла их первая с Эланом встреча, но тоже молчу.

Наконец, после нескольких секунд тишины, я понимаю, что говорить больше не о чем.

— Спокойной ночи, Луна, — шепчу я.

— Доброй ночи, — таким же шёпотом отзывается она.

Я ложусь спиной на подушки. Меня приветствуют запах тёплой ванили и малыша. В груди давит, и я крепко жмурюсь, задаваясь вопросом, что мне теперь делать.

Несмотря на темноту, окутавшую меня, несмотря на покой и тишину дома, я не могу уснуть. Так и лежу, не двигаясь несколько часов, прокручивая в голове события последних двадцати четырёх часов. Поверить не могу, ещё только вчера ночью я был внутри Кайли, видел как она распадается на части, а уже сегодня, она пытается отшить меня, заявляя, будто собирается дать зелёный свет отношениям с отцом её ребёнка.

Живот урчит, напоминая, что я так и не поужинал. Направляюсь на кухню и вспоминаю об оставшейся пасте, приготовленной вчера Кайли.

Ожидая, пока микроволновка нагреет еду, я беру телефон и звоню Коллинзу.

Я не утруждаюсь любезностями. Не утруждаюсь спросить о Татьяне — хотя он и сам, кажется, не особо желал говорить об их отношениях,

когда всё ещё было нормально, — а просто выплёскиваю весь ад последних часов.

— Успокойся, возьми себя в руки, мужик, — прерывает мою тираду Коллинз.

Я делаю глубокий вдох.

— Что мне делать?

— Не быть кретином.

— И это твой совет, мудило? — уже было собираюсь повесить трубку, когда звук его смеха заполняет расстояние между нами.

— Ты Дрейк. Заруби себе на носу. А теперь пойдёшь и верни свою девушку.

Он прав. Колтон не позволил Софи отстраниться от него. Она улетела в Италию, чтобы сбежать от него, и чёрт, он тогда ещё и в браке состоял. У них-то сражение было посерьёзнее, чем у нас с Кайли, правда? Я не стану просто так сидеть, позволяя этому козлу втиснуться обратно на сцену.

Я съедаю несколько вилок пасты, зная, что мне понадобится топливо, и, схватив ключи с бумажником, вылетаю за дверь.

Кайли

Когда я вешаю трубку, к горлу подступает тошнота, и мне становится страшно, что я поступаю неправильно. Здесь нет руководства о том, как быть одинокой мамой, или что делать, когда неожиданно объявляется отец твоего ребёнка. Я верила, что правильным, наверное, будет дать ему этот шанс. Шанс для Макса иметь настоящую семью, а не меня одну, старающуюся сделать всё самостоятельно и едва остающуюся наплаву. Кстати о «сделать всё самой», я переусердствовала сегодня. Дома чисто, всё выстирано, но рука ноет от боли.

Я сворачиваюсь на кровати калачиком, лежа на боку, пока мозг наводняют образы прошлой ночи с Пэйсом. Он был таким сильным, таким властным со своими непристойными словами и огромным членом, но одновременно нежным и милым, когда заботился о моей загипсованной руке. Одна мысль о нём вызывает во мне прилив противоречивых эмоций. Кажется, правду говорят: ты хочешь то, чего не можешь иметь. Пусть Пэйс и доказал свою надёжность, какая-то часть меня по-прежнему считает, что он слишком молод и незрел, чтобы завести настоящие серьёзные отношения, которые мне сейчас нужны.

Слёзы сочатся из уголков глаз, и я прижимаю подушку к груди. На душе тяжело, вдобавок я ужасно запуталась в себе, но мне нужно верить, что поставив Макса на первое место, я приму правильное решение.

Глава 12

Пэйс

Флуоресцентные лампочки круглосуточного супермаркета ярко светят над головой, на мгновение отвлекая меня от задачи. Я пялюсь на стену, отображающую шесть разных видов крышек для розеток.

Учитывая, что уже около двух часов ночи, я стеклянными глазами пытаюсь прочесть, написанное на упаковках, чтобы понять, чем они отличаются. В конце концов, остановившись на «Универсальном детском спасителе/Universal Baby Saver», я закидываю коробку в корзину.

Тележка уже забита под завязку. Я нагибаю мягкие флисовые одеяла, медвежат тедди, мячики, грузовички, поезда, издающие звуки, надувного дракона... ну а что, кому не нужен надувной дракон? Маленькое пианино, кресло-мешок, собаку, говорящую на испанском, английском и французском, да всё что угодно лишь бы ящики и шкафы оставались закрытыми. Никогда и подумать не мог, что с малышами так много хлопот, или что в моём доме столько всего может им навредить

Толкая нагружённую тележку к кассовой ленте, я запинаюсь от пришедшей мысли. Коллинз посоветовал мне побороться за неё, но что если Элан сейчас занят тем же? От того, что не знаю с чем имею дело, я становлюсь взвинченным. Но в глубине души понимаю, что я — лучший мужчина для неё. Я бы никогда не оставил её, напуганную и одинокую, справляться с последствиями наших совместных поступков. Он уже как-то бросил её. Кто сказал, что он не поступит так вновь, когда всё усложнится?

Я останавливаюсь у кассы, и молоденький продавец тут же бросается ко мне.

— Ну ничего себе. Запасаетесь?

— Ага, типа того. — Даже я должен признать — немного странно, наверное, выбраться посреди ночи и скупить почти весь пригородный магазин. Но Кайли что-то во мне вдохновила. Я чувствую себя иначе, совсем не так, как раньше, и собираюсь за неё побороться.

Когда я, выгрузив машину и перенеся детские вещи внутрь, раскладываю всё в доме, уже около четырёх утра. Пора немного поспать. Завтра предстоит важный день.

Кайли

Всю ночь я ворочалась и не находила места, поэтому когда Макс просыпается плача в шесть утра, я измотана и едва стою на ногах. Вытаскиваю его одной рукой из кровати и меняю мокрый подгузник. Видимо, у него новое открытие — пенис. О, радость. Всякий раз, как я снимаю с него подгузник, он тянется к нему, тянет, дёргает, и, казалось бы, ему должно быть больно, но он остаётся невозмутим.

Это лишнее тому напоминание, что я воспитываю мальчика — в комплекте со всеми рабочими частями и мальчишескими причиндалами. Ему в жизни понадобится мужчина. Я, конечно, могу рассказать про пестики и тычинки, но ему же лучше, если для этого у него будет мужчина. Тот с кем можно обсудить спорт и женщин. Я представляю себя ворчащую: «Иди спроси у отца», и расплываюсь в улыбке. Пока до меня не доходит, что в мыслях я вижу не Элана. А Пэйса.

Улыбка спадает с губ, и я трясую головой, отгоняя мысли.

Одев Макса и мирно покормив его на детском стульчаке, я завариваю чашку экстра крепкого кофе и хватаю телефон.

Обнаруживаю сообщение от Пэйса, отправленное в три утра. Ничего себе, как поздно. Ловлю себя не том, что гадаю, с кем он был и чем занимался. Но это не моё дело. Его сообщение без предисловий.

«Нам нужно поговорить сегодня».

По крайней мере, у меня есть он. Такой добрый и щедрый со мной и Максом. А я просто ворвалась в его жизнь, потом исчезнув. Не сказать, будто я думала, что такой мужчина, как он, этому воспротивился бы, но... Отмахиваюсь от угрюмых мыслей и печатаю ему ответ.

«Хорошо. Какие мысли?»

«Вы сможете заехать чуть позже? И остаться на ужин?»

Я делаю глубокий вдох. Хочется ответить: «да, да, да!» Но я сдерживаю отчаянную тоску по мужчине, который на самом деле никогда и не был моим. Мне нужно думать о том, что лучше для моего сына. Я перевожу взгляд на Макса. Зная, как обожает он быть с ним рядом, да и то, что я задолжала ему объяснение с глазу на глаз, решаю: быть может, нам и стоит пойти.

«Я приеду».

Через несколько минут приходит новое сообщение, и мои губы украшает глупая улыбка. Думаю, что это ответил Пэйс. Но сообщение от

Элана.

«Как у вас с моим сыном дела этим прекрасным утром?»

Меня тошнит. Я бросаю взгляд на Макса, счастливо поедающего кусочки банана с сухими хлопьями.

«У нас всё хорошо, спасибо».

Странно подумать, я встречалась с этим мужчиной полгода, у нас есть общий ребёнок, но мне даже нечего ему сказать. Наверное, потому что мы давно не общались. Да и какая-то неловкость должна быть, ведь мы заново узнаём друг друга.

«Что будете делать на выходных? Я бы хотел снова с вами повидаться».

Я прикусываю губу.

«Хорошо. У нас нет планов».

«Ладно, позвоню в субботу утром. Мы можем встретиться за бранчем».

Я не говорю ему, что обычно в такое время Макс ложится на дневной сон, или что ресторан может оказаться не лучшим местом для встречи. Я не хочу никак разрушить происходящее между нами. Он научится быть отцом, и я ему помогу.

Я несу Макса на бедре с перекинутой через руку сумкой подгузников. Всё это дело с одной рабочей рукой мне уже порядком поднадоело. А ходить до того, как гипс снимут, ещё долго. Я глубоко вдыхаю и пытаюсь успокоить нервы.

— Мы идём увидаться с Пэйсом, — говорю я Макс, сворачивая на лесенку, ведущую к квартире Пэйса.

— Па-па, — произносит он, хлопая пухлыми ладошками.

— Пэйс, — поправляю его, голос получается куда строже, чем я рассчитывала.

Пэйс распахивает двери, прежде чем я успеваю постучаться. Наверное, видел нас.

— Привет, — здороваюсь я.

— Привет, — глаза у него настороженные, отчего я мысленно задаюсь вопросом, как всё пройдёт. Забрав у меня Макса, он поднимает его и подбрасывает в воздух, уговаривая рассмеяться.

— Эй, приятель, ты меня помнишь? — спрашивает он.

— Па-па, — лопочет Макс.

— Правильно. Папа Пэйс. — Пэйс ласково улыбается ему, и у меня скручивает живот.

Мы ступаем внутрь, и меня поражают сразу несколько деталей. Аппетитный запах вафель, долетающий из кухни, и, замеченные мной, новые игрушки, что разбросаны на коврик в гостиной.

— Пэйс? — зову я.

Не ответив сразу, он просто увлекает Макса в гостиную и усаживает его посреди кучи игрушек.

Я иду за ними с зачистившим сердцебиением.

— Что это?

Пэйс опускается на колени, глядя, как Макс ковыляет за надутым, прыгающим драконом. Из него вырывается смешок.

— Я знал, что он тебе понравится, — говорит он. Затем поворачивается ко мне, улыбка его чуть дрожит.

— Так я показываю тебе, что всё ещё в деле. Я не отказываюсь от тебя или Макса. Если Элан вернулся в жизнь Макса — отлично. Но я никуда не денусь.

Сердце запинается в груди, в то время как его слова что-то затрагивают во мне. Я оглядываю груды новых игрушек, среди которых книги, соответствующие по возрасту, и обучающие игры. Слёзы набегают на глаза. Его продуманность не должна меня уже удивлять, но никто прежде не делал для меня чего-то столь же милого и значимого.

— Что ты сделал? — шепчу я, переваривая всё.

— Я хотел, чтобы Макс здесь было комфортно. И чтобы тебе тоже было уютно, поэтому в дополнение к игрушкам, я сделал ещё кое-какую защиту от детей. У ящиков теперь есть надёжные замки и розетки все закрыты.

Я обвожу взглядом его квартиру, отмечая пластиковые крышечки, вставленные во все розетки, и что пальмы в обеденной комнате, в которой Макс понравился рыться, больше нет на местечке в углу. Сглатываю комок, поднявшийся в горле. Его поступки — это уже чересчур.

— Извини, я на минутку, — скриплю я и ухожу в ванную, где втягиваю кислород в лёгкие, прикрывая за собой дверь. Кто этот человек? Что стряслось с нахальным, остроумным игроком? Этот мужчина заботливый, добрый и... такое ощущение, будто у меня сердце разрывается надвое.

Хочется позвонить Рейчел, спросить у неё, как это всё, по её мнению, понимать. Неужели он изменился? Я исключение из правил? Понимая, что

как бы мне ни хотелось, я не могу спрятаться в ванной, брызгаю холодной водой на щёки и проверяю собственное отражение в зеркале. Зелёные глаза на мокром месте, а щёки горят. Не хочу, чтобы казалось, будто я плакала. У Пэйса от этого только возникнут вопросы, на которые у меня нет ответов.

После, приведя себя в порядок, я встречаюсь с Пэйсом и Максом в гостиной. Они сидят на полу в окружении горы игрушек, радостно общаясь на языке, который, кажется, знаком только им.

— Всё нормально? — Пэйс с мрачным видом поднимает на меня взгляд.

Я киваю.

— Отлично, — подтверждаю я. Руки трясутся, но я опускаюсь на пол рядом с Максом, изо всех сил пытаюсь притвориться, будто Пэйс только что не перевернул весь мой мир.

— Как всё пошло дальше с Эланом, после моего ухода вчера? — интересуется он.

Может, глаза его и сосредоточены на цветных блоках, которые они складывают вместе с Максом, но спрашивает он как-то натужно и голос сочится эмоциями.

— Нужно время, — отвечаю я. — Но думаю, начало было хорошим. Ему не верилось, что Макс так сильно на него похож.

Пэйс качает головой, потупив взгляд на их с Максом башенку.

— Максимум это пойдёт на пользу, уверен. Присутствие биологического отца в его жизни.

Я согласно киваю.

Пэйс вскидывает голову, встречаясь со мной своими восхитительными глубокими голубыми глазами.

— А что ты? На чём остановились вы с Эланом?

Я подавляю поднявшуюся в танце волну волнения в животе.

— Н-не знаю, — признаюсь я. — Он хочет вернуться, — добавляю тихо.

— Понятно, — отрезает Пэйс невыразительным тоном.

На несколько минут мы погружаемся в молчание, наблюдая, как Макс катает грузовички по ковровину, врезаясь ими в ножки дивана.

К счастью, Макс понятия не имеет о напряжении, повисшем между нами. Поверить не могу, что ещё только две ночи назад у нас с Пэйсом был горячий, безумный секс на столе его кабинета, а теперь создаётся впечатление, будто мы разделены целым океаном расстояния.

— Проголодались? — спрашивает наконец Пэйс.

Я делаю Максимум знак кушать, и он нетерпеливо отвечает тем же,

поднося руку ко рту и подражая моим движениям. Мы с Пэйсом заливаемся смехом.

— Кажется, да.

Пэйс

Я вынимаю блюдо из духовки, пока Кайли устраивает Макса в новый специальный стульчик за обеденным столом. Подумывал купить высокий, но продавец настоял, что этот с надёжными ремнями подойдёт лучше для годовалого ребёнка. Кажется, он оказался прав, и кроме того, теперь Макс может кушать за столом вместе с нами. Пусть голосок во мне и указывает на то, что это может оказаться наш последний совместный ужин.

Отбросив мрачные мысли в сторону, я выкладываю на тарелки домашние макароны с сыром, которые уже готовил Софи после смерти её сестры. Утешительная еда. Пахнет замечательно и выглядит так, будто и вправду хорошо получилась.

— Ого. Домашние? — спрашивает Кайли, заглядывая мне через плечо, пока я отбираю крошечную порцию для Макса на пластиковую тарелку. Ещё одна моя новая покупка. Наряду с крошечными пластиковыми ложечками и непроливайками. Господи Боже, это должно сработать. Иначе я останусь в доме, переполненном детскими вещами, которые мне не нужны. Я даже хотел взять кроватку и убрать офисную мебель из комнаты для гостей, чтобы поставить её там для Макса. И просматривал каталоги с детской мебелью прошлой ночью, но осознал, что если Кайли выберет Элана, я не смогу ежедневно проходить мимо детской. Она станет вечным напоминанием о моей потере.

— Да, — отвечаю неуклюже. — Домашние.

— Выглядят отлично, — Кайли ослепительно улыбается мне, а я решительно не понимаю, как это расценивать. Вроде бы она злилась и выглядела отстранённой, когда только приехала, но сейчас, кажется, счастлива находиться здесь со мной.

Мы ужинаем, время от времени переговариваемся, и часто посматриваем на Макса. Сказать, что он с энтузиазмом принял макароны, было бы преуменьшением. К концу трапезы он не просто весь вымазался, они даже в его волосах и бровях.

— Предложение помыть его из шланга всё ещё в силе, — шучу я.

Она качает головой.

— Могу я ещё раз воспользоваться твоей ванной? Таким в машину я его ни за что не посажу.

— Конечно. Я включу воду, если хочешь.

— Хорошо.

И снова, оставив посуду на столе, мы направляемся в главную ванную комнату с грязным, извивающимся малышом между нами. Такое ощущение, будто это уже входит в привычку, но ещё раз, мне не стоит питать надежду. Она может выбрать Элана, отобрав у меня всё. Не хочу об этом думать.

Кайли прямо на полу раздевает его до подгузника, пока я наполняю ванну, убедившись, что вода не слишком горячая.

Пока мы вместе купаем его, мои глаза то и дело перемещаются к ней. Я хочу знать, чем заняты её мысли. Хочу знать, на чём мы остановились.

Меня накрывает странное ощущение. Возникает желание обнажить душу перед ней и умолять не уходить. Господи, так вот, что испытывал Колтон, когда был на грани потерять Софи? Кошмарно. Это как свободное падение без страховки, как поездка на американских горках без ремней безопасности. Неудивительно, что Колт проделал весь путь до Италии в эконом классе, когда она улетела. Я бы преодолел любую гору, разрушил любой барьер ради шанса сделать её моей.

Когда я ловлю на себе её взгляд, решаю попытать удачу.

— Мне казалось, та ночь что-то значила, — говорю я. — Для меня значила. Я знаю, что для тебя это редкий случай, и хочу, чтобы ты знала, что и для меня тоже, — я не привожу женщин домой, и конечно, чёрт возьми, не трахаю их без защиты.

Кайли находит глазами мои глаза, опустив руку на плечико Макса. Пусть пока и сидит спокойно, он всё-таки непредсказуемый и не прекращает извиваться.

— Я тоже так считала. Это была одна из лучших ночей в моей жизни, но когда на утро ты ушёл ничего не сказав, даже не поцеловав на прощание, я подумала, что напридумывала себе. Решила, что выдумала ту интимность, которую мы разделили, будто испытанная близость была всего лишь у меня в голове, потому что я хотела, чтобы она была. Я хотела верить, что ты исправившийся плейбой.

— Я перестал быть тем, кем был раньше в то мгновение, когда встретил тебя. Ни одна женщина не была достойна того, чтобы я остепенился.

— А я и Макс... мы достойны?

— Разумеется. Я бы оставил вас обоих навсегда, если бы мог.

Кайли открывает рот, будто собираясь поспорить, но останавливается. Вдруг, сомкнув губы, она смотрит прямо на меня.

— Так вот для чего была вся эта защита для ребёнка?

— Да. Я имел в виду то, что сказал. Мне хочется, чтобы вы оба были

здесь счастливы.

— Я счастлива, но...

— Но, — повторяю я, награждая её игривым взглядом. Сам знаю, она сейчас вставит что-нибудь про Элана. — Сегодня никаких «но». Давай притворимся, что кроме меня, тебя и Макса, никого нет.

— Ладно, — шепчет она.

После, искупав Макса с головы до пальчиков ног, Кайли хватает полотенце.

— Позволь мне, — говорю ей. Выловив Макса из ванной, я осторожно поднимаю его мокрое, скользкое тело и понимаю, что держу нечто очень ценное.

Вытерев Макса насухо и переодев в новый подгузник, я надеваю на него одну из своих футболок. Она достаёт ему до лодыжек, и Максусу это кажется смешным. Кайли тоже — они оба открыто хихикают, кружа по моей спальне. Мой дом никогда не был переполнен таким смехом. Такой любовью. Я впитываю всё это, оставшись просто стоять на месте с влажным полотенцем в руках.

Макс идёт к кровати и сгребает в кулаки накрытое сверху одеяло, принявшись взбираться на постель.

— Мума, — он похлопывает по кровати рядом с собой. — Па-па, — произносит он, постучав и по другой стороне.

Его невинный жест имеет такой огромный смысл, но он, конечно, об этом совсем не знает.

— Похоже, он хочет снова остаться на ночь, — замечаю я, наблюдая за реакцией Кайли. Очевидно, ничто другое меня счастливее не сделает. — Что скажешь? — обещание ещё одного интимного столкновения деликатно изящно танцует между нами. Голодное выражение глаз выдаёт её желание. — Скажи «да», — прошу её.

— Да, — выдыхает она.

Мы устраиваемся по обе стороны от Макса, как он и велел, и я вынимаю копию «Спокойной ночи, Луна» с полки рядом с кроватью. Протягиваю книгу Кайли, но она качает головой.

— Нет, сегодня читай ты.

Я открываю первую страницу и начинаю, задумавшись, сколько времени прошло с тех пор, как я в последний раз читал детскую книжку.

Кайли

Мужественный голос Пэйса, читающий «Спокойной ночи, Луна» вводит меня в счастливое маленькое блаженство. Туда, где не нужно думать о бумагах по опеке, замаячивших надо мной, или преимуществах двух совершенно разных мужчин по двух совершенно разным причинам.

Макс, видимо, в том же счастливом местечке. С большими глазами он внимательно слушает, оставаясь тихим и неподвижным как мышонок.

Не помню, чтобы ему раньше читал мужчина, и в этом опыте есть нечто совершенно иное. В дополнение к низкому, глубокому голосу, ласкающему слова, Пэйс задерживается на разных частях сказки, он то показывает различные предметы в книге, называя их, то замирает на перелистывании новой страницы, чтобы они могли полюбоваться иллюстрацией. Наблюдать, как они вместе читают, волшебнo. Если бы слова Пэйса оказались правдой, мы могли бы заниматься этим каждую ночь. Эта мысль опьяняет.

После того, как Макс засыпает, мы вместе молча моем посуду. Меня мучает чувство, будто мы оба перевариваем всё случившееся между нами.

Порой мне хочется быть нормальной девушкой, к которой применимы обычные правила свиданий — ужин, кино и поцелуй на крыльце. Так вроде бы проще, гораздо менее запутанно, без всякого семейного долга и обязанностей. Но конечно, я бы не променяла Макса ни за что на свете, поэтому это невозможно.

— Как твоя рука? — вдруг спрашивает Пэйс, как гром среди ясного неба.

— Всё ещё болит, но я справляюсь, — чувствую, что могу быть с ним честна, даже если и не хочу полностью признавать собственную слабость.

— Мы здесь уже почти закончили, почему бы тебе не пойти отдохнуть в гостиную? — произносит он. — Я закончу, прихвачу пиво, и потом присоединюсь к тебе.

— Ладно, — не берусь спорить.

Гостиная Пэйса по-прежнему захламлена повсюду разбросанными игрушками, поэтому, пока жду его, я собираю их, выстраивая по одной в шеренгу у стены. Кажется, он забыл только о ящике, в который можно было бы уместить все эти новые сокровища.

Когда Пэйс через несколько минут приходит с бутылкой импортного пива в руке, он быстро оглядывает комнату и качает головой, переводя

взгляд на меня. От этой притягательной ухмылки, увенчанной ямочками на щеках, у меня появляется слабость в коленях. Хорошо хоть уже сижу.

Я знаю, что он в курсе какое влияние оказывает на женщин, когда заводит свою игру, но не думаю, что он хотя бы догадывается, как глубоко способен зацепить меня, даже не стараясь. Один его взгляд вызывает в моём теле физическую реакцию. Живот превращается в сплошной комок нервов, ладошки трясутся, а грудь становится чувствительной, покалывая от желания ощутить вновь на себе его рот. Мне становится страшно, что Пэйс может видеть меня насквозь, когда глядит на меня так — напряжённо и задумчиво. Но от следующих слов, сорвавшихся с его уст, мне становится легче. Он не знает, что у меня на уме один секс.

— Ты вообще умеешь расслабляться? — интересуется он.

У меня не находится ответа. Я мать-одиночка, работающая полный рабочий день. Мои перспективы на отдых и поедание конфет, мягко говоря, ограничены.

Он посмеивается, у него вдруг поднимается настроение.

— Иди сюда, — он садится на диван и похлопывает по подушке рядом с собой. Я скольжу ближе, раздумывая о том, какой отдых у него на уме. С оргазмами, надеюсь. Мне хочется отвесить пощёчину собственному подсознанию. Нет. Точно нет.

Пэйс опускает руки мне на талию, поворачивая моё тело так, чтобы я сидела боком к нему. Сразу вспоминаю насколько он крепкий и сильный, как легко он усадил меня на стол, когда мы занимались любовью. Меня пронзает трепет волнения. Воспроизвожу то совершенное чувство его порочных рук на моей коже, губ на моём горле, мощного члена, входящего в меня. Всё было идеально, но я не могу позволить себе сейчас об этом думать. Не тогда, когда Элан вроде бы вернулся назад. Вытеснив мысли из головы, я сосредотачиваюсь на огромных руках Пэйса, лежащих на моих плечах. Он сжимает их, и клянусь, мои мышцы моментально расслабляются.

О-ох.

— Ты так напряжена, — мурлыкает он, проводя большими пальцами по крыльям моих плеч.

Его волшебные руки, твердо нажимая, разминают мои плечи, и я чувствую, как моё тело слабеет на софе. Но когда он начинает массажировать заднюю часть шеи, надавливая пальцами на кожу головы, я полностью теряю самообладание, издавая стон и подаваясь к его прикосновениям.

— Вот так, дай мне позаботиться о тебе, — шепчет он, легонько

массажируя пальцами, лаская. Закрываю глаза и просто наслаждаюсь ощущениями. Всё в моей жизни выглядит таким запутанным, таким сложным, но в этот момент, я позволяю себе получить удовольствие от спокойствия момента. Я это заслужила.

Когда Пэйс заканчивает массаж, я расслаблена, чуть ли не растекаясь лужицей. Могла бы свернуться вокруг него и уснуть. Он поворачивает ко мне лицо и встречается со мной взглядом, проводя пальцами по длинным прядям моих волос.

— Ну как? — тихим голосом осведомляется он.

— Очень хорошо, — признаюсь я. — Спасибо. За ужин, за игрушки, за всё... — Он выходит за границы, его доброта проскакивает в каждом поступке. Мои собственные слова проплывают в голове. Я как-то сказала Пэйсу, что качество, которое я ищу в мужчине — доброе отношение к моему ребёнку. Он же показал мне нечто гораздо большее — Пэйс потрясаяще ведёт себя не только с Максом, но и со мной. Горло будто стискивает рукой.

— Пожалуйста, — голос у него хриплый, и вдруг до меня доходит, что он возбуждён. Я опускаю взгляд, отмечая выпуклость, выпирающую из его брюк. Прикосновения ко мне, даже такие невинные, заводят его. Вспомнив, что он не носит боксеры, я понимаю, что если расстегну штаны, смогу взять его горячую длину в свои жадные руки.

Под приливом храбрости кладу руку на перед его брюк, едва ощутимо поглаживая ладонью эрекцию.

Приглушённый стон срывается с его губ, и взгляд приземляется на мои глаза.

— Кайли... — нежно просит его голос в тихой комнате, чья грубость посылает дрожь по моему телу. Он хочет меня. И даже если только на одну ночь, я хочу чувствовать себя желанной.

Сев на пол между его ног, дрожащей рукой шарю по его пуговице и молнии, не отрывая взгляда от его глаз. Я так переполнена отчаянной потребностью в нём, что даже не переживаю о возможных последствиях, о том, что Макс может застать нас.

Дыхание Пэйса ускоряется, а рука ложится мне на щеку, слабо кружа большим пальцем по коже.

Не знаю, что я делаю, но знаю, что хочу касаться его губами. Хочу вернуть ему всё удовольствие, которое он подарил мне. Хочу, чтобы он чувствовал себя так же беспомощно и неуправляемо, как я.

Как только его штаны оказываются расстёгнуты, а большой красивый член попадает мне в руку, я касаюсь губами кончика и широко раскрываю

рот в попытке полностью его вобрать. Я невольно издаю причмокивающий звук, и из Пэйса со стоном вырывается проклятье.

— Блядь. — Он запускает руки в мои волосы, и я уже было думаю, что он собирается взять контроль в собственные руки, толкнувшись в глубину горла и трахнув мой рот, но он всего лишь массирует кожу головы, поигрывая с прядями, пока я продолжаю трудиться над ним. Провожу языком по головке его члена и подраживаю, размашисто облизывая, прежде чем вобрать в рот до самого основания. Он стонет, остановив движения рук. — Так хорошо, — подбадривает он, когда я выпускаю его и вновь скольжу вниз. Его руки остаются запутанными в моих волосах, пока я, жадно посасывая, вожу по длине вверх-вниз.

Он убирает руки из моих волос и опускает одну ладонь мне на щеку. Я открываю глаза и поднимаю на него взгляд. Мои трусики становятся влажными от тлеющего выражения его взгляда. Он такой невероятно сильный и сексуальный, с членом погруженным мне в рот.

— Проклятье, ты так в этом хороша, — стонет он.

Его член, мокрый от моей слюны, пульсирует, пока я скольжу рукой вверх вниз по скользкой длине. Пэйс обхватывает мою руку своей, показывая мне, что ему нравится крепкая хватка, и хватает ртом воздух, когда я сжимаю на нём руку.

— Вот так.

Его взгляд остаётся прикованным ко мне, пока моя рука движется по нему туда-сюда. Языком облизываю кончик, пробуя на вкус каплю выступившей влаги.

— Если не хочешь, чтобы я сейчас кончил, остановись, — предупреждает он.

Конечно, хочу. Я продолжаю осыпать его головку неторопливыми, мокрыми поцелуями, скользя рукой вверх-вниз.

Низкий рокочущий звук вырывается из его груди, и он снова хватается меня за руку, останавливая. Я смыкаю губы вокруг него, пока горячие струи спермы скользят вниз по горлу. Он такой идеальный, такой мужественный и сексуальный, и блин, даже на вкус хорош. Я глотаю каждую каплю, в то время как он рычит очередное проклятье, невольно стискивая руками мои волосы.

Я вытираю губы тыльной стороной ладони, вскидывая на него взгляд.

Он улыбается своей прекрасной, кривоватой улыбкой, демонстрирующей ямочку.

— Не знаю чем я это заслужил, но, чёрт, было хорошо. Иди сюда. — Он берёт меня за руку, усаживая к себе на колени.

Не могу сдерживать девчачье хихиканье, поднимающееся в горле. Близость с ним, расслабленность — от всего этого в целом я чувствую лёгкость и беззаботность. Такие моменты редки для меня, и мне хочется насладиться этим чувством, спрятать в глубине.

Пэйс, похоже, ничуть не возражая против того, что в моём рту только что побывала его сперма, придвигается ко мне и целует, поначалу ласково, а потом с жаркой страстью, от которой поджигаются пальцы на ногах.

Его руки продвигаются под мою футболку, задевая пальцами соски. Я вздрагиваю от этого приятного контакта. Именно этого я жаждала. Он всегда невероятно уверенный и убеждённый в своих поступках, благодаря этому я люблю его властную, примитивную сторону. Его руки оказываются за моей спиной, и он быстро расстёгивает лифчик, после чего вновь возвращается к моей груди, массируя и поглаживая напрягшиеся соски.

— Я люблю твою грудь, — шепчет он, зарывшись лицом мне в шею и легонько целуя. Моя голова заваливается назад, давая ему доступ к горлу. Обожаю чувствовать на себе его рот. Я ерзаю у него на коленях, отчего влажные трусики прижимаются к чувствительной плоти, пока он ласкает мою грудь.

— Пэйс, — издаю я стон.

Чувствую, как он снова твердеет подо мной, и удивлённый вздох исторгается из горла.

— Снова? — спрашиваю я, не в силах спрятать шок от той скорости, с которой он вновь налился свинцом.

Он пожимает плечами.

— Мне двадцать пять, детка. Я могу кончить два, а то и три раза, прежде чем мне понадобится перерыв. — Его улыбка самодовольная, уверенная, но думаю, не такая уж и самодовольная, если это правда.

Боже мой, от этой информации моё либидо терпит крах. Любой мужчина, так контролирующий своё тело, просто адски сексуален.

Он толкается бёдрами вверх, вжимаясь в меня эрекцией.

— Ты влажная для меня? — спрашивает он прямо.

Мои внутренние мышцы сжимаются от возбуждения.

— Д-да, — заикаюсь я. Не знаю почему, но он превратил меня в полный порочный хаос.

— Могу я заняться любовью с тобой прямо здесь, на диване? — интересуется он.

Мои глаза устремляются к двери спальни. Макс никогда не просыпается во время ночного сна. Возвращаю взгляд к Пэйсу и его обжигающим жаром синим глазам, устремлённым на меня.

— Да, — отвечаю я.

Он стягивает футболку через головой и припадает к моей правой груди, вбирая сосок в горячую пещеру рта, облизывая его языком снова и снова. Я закидываю голову и исторгаю стон, а Пэйс передвигается к другой груди, повторяя на ней то же наслаждение.

— Вставай, малышка.

Я поднимаюсь с его коленей и становлюсь перед ним. Джинсы Пэйса всё ещё висят на бёдрах, а тяжёлый член лежит на животе. Прекрасное зрелище. Он тянется к пуговице на моих джинсах и, расстегнув её, тут же тянет вниз молнию. Я помогаю ему стащить с себя джинсы и нижнее бельё. Выступаю из них и затем возвращаюсь на его колени.

Пэйс берёт в руку свою эрекцию и лениво скользит вверх-вниз по стволу, пока мои глаза становятся всё больше, наблюдая за ним. Мне нравится смотреть, как он трогает себя. То как Пэйс оттягивает свой толстый член с остекленевшими от похоти глазами — чересчур сексуально. Такое ощущение, будто я на приватном эротическом шоу.

— Опустись на меня, — произносит он, одной рукой придерживая своё основание, а другой — моё бедро.

Я выгибаюсь на нём, чувствуя, как он проникает в мой влажный центр. Мы оба стонем от тёплого контакта, когда наши тела соединяются. Он толкает бёдра вверх одновременно с тем, как я подаюсь навстречу, отчего мне приходится закусить нижнюю губу, чтобы сдержать крик. Он огромен, но заполняет меня идеально. Я опускаюсь ниже, вращая бёдрами, чтобы взять его глубже. Господи Боже.

Он закрывает глаза, запрокидывая голову на спинку дивана.

— Блядь.

Мне нравится, что не прошло и пяти минут с тех пор, как я просто вынудила его потерять контроль и кончить мне в рот, а он уже снова переполнен энтузиазмом.

Вцепившись обеими руками мне в бёдра, Пэйс рвётся вперёд, но останавливается, как только оказывается полностью погружённым в меня. Его голубые глаза находит мои, и его взгляд такой нежный и любящий, что у меня болит сердце. Ему нельзя так на меня смотреть. Я жмурюсь и прихожу в движение, раскачиваясь на его толстой эрекции, вверх-вниз, каждым движением стимулируя точку, несущую наслаждение, глубоко внутри меня. Я так возбуждена, что понимаю — на то, чтобы я кончила много времени не потребуется.

Мы двигаемся вместе, совершенно синхронно, как и в прошлый раз, и пока наши рты сливаются в глубоком, страстном поцелуе, наши тела

работают в тандеме в погоне за максимальным удовольствием, которое можем получить. Никогда ещё секс не был настолько хорошим. И я уверена, разница кроется в участии Пэйса. Глубина чувств к нему пугает меня, однако отрицать нашу связь нельзя. То, как он постепенно выстраивал отношения с нами обоими — мной и моим ребёнком, — позволило нам соединиться на более глубоком уровне, и эта мощная связь, очевидно, перетекла в спальню — или гостиную, если так можно выразиться.

— Вот так, детка. — Большая рука Пэйса обвивается вокруг моего бедра, направляя движения. — Объезжай его, как будто он принадлежит тебе, — произносит он, придвинувшись губами к моему рту.

Его слова что-то цепляют во мне. В тот момент я понимаю, что владею частью его сердца и вкладываю всё, что у меня есть, всю свою сущность в это мгновение, сжимая внутренние мышцы вокруг, объезжая его с безрассудной несдержанностью.

Пэйс

Кайли напрягает мышцы вокруг моего члена, и удушливый стон поднимается у меня в горле. То, как она двигается на мне — потрясающе эротично. В этот миг она свободна. Свободна от всего — всех тревог и стресса, наводняющего её жизнь, — и мне по душе, что я не только могу разделить с ней этот момент, но и быть тем, кто её в него ввергает.

— Можешь кончить ещё раз? — спрашиваю у неё. Её первый оргазм был взрывным — она содрогалась в моих руках, выкрикивая моё имя из раза в раз.

— Не знаю, — отвечает она.

— Мне понадобится немного времени, — признаюсь я.

Она изгибает губы в неторопливой улыбке. Ей нравится. Хорошо.

Следующие пятнадцать минут я дразню Кайли, вызывая у неё ещё два оргазма. Нахожу все её чувствительные точки — соски и клитор, и так ясно, но ещё обнаруживаю местечко у неё под коленом и во впадинке на горле, из-за которых она тоже извивается. Знаю, что довёл её до предела, когда глаза у неё тускнеют от усталости, а тело покрывается блестящей испариной. Я поднимаю темп, трахая жёстко и быстро, врываясь в её узкий жар, обволакивающий меня, будто перчатка.

Мои яйца подтягиваются к телу в ту секунду, когда я дохожу до точки невозврата с мощным высвобождением. Зарываюсь лицом Кайли в шею около горла, схватившись за её задницу обеими руками, пока кончаю в тёплое тело.

После, она сворачивается на мне, а я обнимаю её, просто держа у груди с размякшим членом всё ещё погруженным в неё. Этот момент что-то значит. Знаю, она чувствует то же, что и я, но мне известно и то, что у неё дурная привычка отталкивать меня.

Я прижимаю её ближе, обожая чувствовать её голову у своей груди. Поцеловав Кайли в макушку, говорю ей как это было восхитительно. Она тихо мычит в согласии, но не сдвигается с нагретого ей места. Только когда её дыхание замедляется, а тело полностью расслабляется в моих руках, я понимаю, что она уснула. Усмехаюсь самому себе, скорее наслаждаясь тем фактом, что совсем её утомил, чем тем, что она отрубилась на мне — с членом, всё ещё остающимся в ней.

Осторожно, чтобы не разбудить, перекидываю её на диван, и беру несколько салфеток, чтобы вытереть у неё между ног начинающие

показываться последствия моего оргазма. От вида моей спермы, украшающей её розовые складочки, я вновь становлюсь наполовину твёрдым. Но мы оба испытали множественные оргазмы за последний час, поэтому я позволяю ей поспать. Она что-то бормочет, словно чувствует меня между своих ног, но глаза по-прежнему закрыты. Её как будто накачали наркотиками. Я гордо улыбаюсь.

Когда на ней не остаётся и следа, я натягиваю на Кайли её футболку, а за ней и трусики. Она сворачивается на бок, прижав к телу руку в гипсе, и я присоединяюсь к ней, натягивая на нас одеяло и подтягивая её вплотную к себе. Я никогда особо не ценил позу «ложки» до сего момента. Окружив её своим телом, я опускаю веки и разрешаю себе уплыть в расслабленное состояние, предшествующее сну.

— Спокойной ночи, Луна, — шепчу я, прижимаясь губами к её волосам, благодарный тому, что держу её объятьях, пусть даже если это и всего на одну ночь.

В какой-то момент она уходит. Оставляет меня одного на диване в пользу Макса. Что-то меня беспокоит, как если бы это была метафора наших отношений в целом. Она слишком напугана из-за чувств ко мне, и вместо того чтобы остаться со мной и рискнуть, она уходит к безопасности и комфорту, знакомому ей. Чувство потери, силой неведомой мне раньше, наполняет меня.

Одеревенелый и всё ещё сонный, я сажусь прямо и вытягиваю руки над головой. Образы мощного сексуального столкновения кружат в голове, согревая меня.

Пока варю кофе на кухне, слышу доносящиеся из ванной голоса. Они становятся всё ближе, и я расплываюсь в улыбке от тихих нот детской песенки, которую она поёт Макс. Сердце набирает скорость от мысли, что сегодня суббота и у меня есть весь день с ними, который я с нетерпением жду.

Роюсь в холодильнике и шкафах в поисках чего-то, что можно приготовить им на завтра. Я едва успеваю закончить яичницу и тосты, как Кайли появляется из спальни, неся Макса. На нём всё ещё моя футболка, и по какой-то причине это вызывает у меня улыбку. Кайли одета в те же вещи, что и вчера, а волосы её стянуты сзади в низкий хвост.

— Доброе утро, — говорю я, наклонившись, чтобы поцеловать её в щёку.

Она внезапно отступает, её глаза выдают смутение.

— Всё нормально? — спрашиваю я, чувствуя нежеланный сдвиг между нами.

— Да, всё отлично, — отвечает она. — Просто не верится, что мы остались на ночь. У меня нет больше памперсов, а Макс, конечно же, весь вымок.

Интуиция моя развита достаточно, чтобы понять — она измучена вовсе не отсутствием памперсов, но я не стану сейчас выпытывать. Что-то подсказывает мне, что если так сделаю, она лишь оттолкнёт меня.

— Я так понимаю, бумажные полотенца и скотч не сработают? — интересуюсь я, награждая её усмешкой.

Она раздражается смехом.

— Нет, не думаю, но это очень по МакГвайерски. (прим.пер.: американский приключенческий телесериал про секретного агента).

— Я могу сбегать в магазин, пока вы будете завтракать. Яйца уже готовы, — смотрю на варочную панель, где дожидается сковородка с яичницей.

— Нет, это мило с твоей стороны, но нам нужно вернуться домой.

Сглатываю неприятный комок, застрявший в горле.

— Я надеялся, что вы останетесь, проведёте здесь день. Мы могли бы пойти в парк.

Она жуёт нижнюю губу, будто собирается сказать что-то малоприятное.

— Мы встречаемся с Эланом за бранчем чуть позже.

Мои руки сжимаются в кулаки, но я не реагирую.

— Я думала, что всё объяснила тебе. Думала, ты понял, что у нас с Эланом есть история, и мы...

Я скидываю руку, останавливая её.

— Всё нормально. Я понимаю, что у вас с ним есть история. У вас же ребёнок, чёрт возьми, — Кайли съёживается от моего грубого тона. — Прости. — Дерьмо, почему я не могу ничего сделать правильно? Почему не могу заставить эту женщину понять, что я к ней не равнодушен? Как же бесит, мать вашу. И после ночи, что мы разделили, мне казалось, будто мы уже прошли через это. Я не сплю с женщинами в позе «ложечки» после секса и не забочусь о них, вытирая свою сперму. Кайли — исключение.

Она неловко отворачивается от меня, и я замечаю, как она утирает слёзы.

Проклятье.

Потом она подхватывает сумку со спинки стула и перекидывает её через плечо.

— Кажется, нам пора, — заявляет она.

— Па-па, — произносит Макс, потянувшись ко мне.

— Повеселись со своим папой, приятель, — говорю я ему голосом до странности прохладным и отстранённым. Мне хочется взять его на руки и обнять крошечное тело, но я не могу. От этого боль будет только хуже.

Знаю, мне следует предложить ей проводить их, помочь усадить Макса в машину. Но я так не делаю. Вместо этого я хватаю из шкафчика тарелку и начинаю перекладывать на неё яичницу.

— Пока, Пэйс, — шепчет Кайли. Я не поворачиваюсь к ней. Не хочу, чтобы она видела слёзы, застилающие мои глаза.

Я слышу щелчок закрывшейся дверь и швыряю тарелку в стену, фарфор разбивается на осколки, а яйца разлетаются повсюду.

— Блядь! — издаю я рёв.

Пустая, чересчур тихая квартира кажется холодной и нежилой.

Я опускаюсь коленями на кухонный пол и принимаюсь подбирать кусочки разбитого фарфора. Если я не смог завоевать её своими поступками или словами, я проиграл. Я отдал ей всё, что имел прошлой ночью. Выставил себя нараспашку. Мои чувства к ней и к Максу были прямо на поверхности. Сегодня же я чувствую себя разбитым, будто с меня содрали кожу, словно часть меня пропала. Она видела меня — настоящего меня, — и всё, что я мог предложить как мужчина, как возлюбленный и отец, но всё равно выбрала уйти — выбрала его. Элан, может, и поделился с Максом ДНК, но он не отдал им часть своей души, как это сделал я.

Глава 13

Кайли

Элан садится за стол напротив меня, попивая кофе и безмолвно наблюдая за Максом. Ресторан выше классом, чем те, которым отдавала предпочтение я. Ничего не имею против того, чтобы брать Макса кушать вне дома, но обычно мой выбор падает на что-нибудь шумное и детское. Чего нет в этом мирном, старомодном бистро. Честно говоря, мне вообще кажется, что Макс тут единственный ребёнок. К счастью, в ресторане оказался стульчик для кормления, когда я его попросила, и теперь Макс, устроившись между мной и Эланом, радостно чавкает крекерами, которые, раздробив на кусочки, я положила перед ним. Недовольный взгляд официантки подсказывает мне, что она явно заметила кучу крошек, которую он создал на полу.

— Чем вы занимались прошлой ночью? — интересуется Элан, нарушая мою концентрацию.

— Мы? — пишу я. — Ничем. То есть, мы поужинали, а потом Макс принял ванну. — Ах да, ещё я занялась умопомрачительным сексом с мужчиной, в которого, кажется, влюблена.

Он кивает.

Возвращается официантка, и мы заказываем еду: бельгийские вафли для нас с Максом и яйца-пашот для Элана. Я чувствую жуткую вину за то, как оставила Пэйса утром. Запаху яичницы и тостов, долетающий из кухни, напару с видом помятого, сонного Пэйса, было трудно сопротивляться. Но Элан отец Макса, и мне нужно проверить, получится ли всё у нас, правильно?

Пока я наблюдаю за Эланом с Максом, меня поражает сосущее чувство. Может, они и похожи внешне, однако на этом сходство кончается. Макс нетерпеливый, дружелюбный и лепечет без остановки. Элан же сдержанный, расчётливый и немногословный.

Элан кажется холодным и далёким. Я с трепетом осознаю, что это не те качества, которые, я хотела бы, чтобы перенял мой сын. Но Макс и не выглядит особо заинтересованным в Элане. Помню, как ещё в самом начале он легко поладил с Пэйсом. Конечно, поладил, ведь Пэйс такой уверенный и открытый, улыбается и разговаривает с ним. Элан же ничего такого не делает.

— Я хотел взять игрушку, но не знал какая подойдёт ему по возрасту, — произносит Элан после нескольких минут неловкой тишины.

Это никогда не останавливало Пэйса. И вот опять, я с Эланом, но думать могу только о Пэйсе, и о том, какой неподходящий мужчина передо мной.

Не могу не проиграть в голове то, как нежно и в то же время интенсивно он занимался со мной любовью прошлой ночью. Его пальцы, впивающиеся мне в бёдра, и зубы, едва ощутимо царапающие мою нижнюю губу.

Элан бросил меня, полагая, что погоня за счастьем никак не связана ни со мной, ни с ребёнком. Что до меня, то я твёрдо знаю, что моё счастье заключается в липком, лепечущим несуразицу крошечном человечке. Элан был дураком, раз этого не увидел. Даже не попробовав ступить в это приключение. А сейчас уже слишком поздно. И пусть я знаю, что быть родителем нелегко, Пэйс не просто готов взять на себя такую ответственность. Он практически выпрашивает эту возможность.

Вдруг мне кажется, будто я не могу дышать. Знаю, я совершила ужасную ошибку, оттолкнув его от себя в пользу Элана — мужчины, оставившего меня, когда я находилась в самом уязвимом состоянии. Пэйс же оказался моим рыцарем, который пришёл на помощь, когда она нужна была мне больше всего.

Я встаю из-за стола.

— Прости. Мне казалось, что я смогу, но не выходит. Если ты хочешь приезжать, мы это сможем организовать. Но ты и я... — я замираю, делая глубокий вдох. — Между нами всё кончено. Тот день, когда я сказала тебе, что беременна, а ты ушёл, я не смогу перешагнуть. Я хочу мужчину, который видит во мне женщину с ценностями, а не ту, что примет обратно, невзирая на промахи.

— Кайли, я...

— Нет, — мой тон решителен.

Он закрывает рот. Ему понятно, что я поставила точку. Элан складывает руки перед собой, в то время как выражение его лица остаётся невозмутимым и нейтральной. Он даже не собирается бороться за меня. За своего сына. Нет, это не тот мужчина, которого я хотела для воспитания Макса, не тот, которому стоит поклоняться и подражать.

Я подавляю комок горечи и вытаскиваю Макса из его стульчика.

— Напиши мне, и мы договоримся о встрече, — и на этом я устремляюсь к выходу и, надеюсь, моему будущему.

Когда я подъезжаю к дому Пэйса, дверь никто не открывает. Поворачиваю руку и обнаруживаю её незапертой, поэтому прохожу внутрь.

— Пэйс? — зову я, поправляя Макса на бедре.

Ответа нет.

Я углубляюсь в дом, находя кухню и гостиную пустой. Я так отчаянно стремилась добраться сюда, но его, кажется, сейчас даже нет дома.

Слышу, доносящийся из его спальни, звук.

Женское хихиканье.

Желудок ухает в пятки, и я чувствую, подступающую к горлу тошноту.

Боже мой, я опоздала. Он привёл женщину. Мне нужно оградить Макса от чего бы там не происходило в спальне, — а там что-то происходит, я уверена — оставляю его на полу гостиной с горой игрушек. Но самой мне нужно увидеть это собственными глазами. Только это способно разрушить чары Пэйса, владеющие мной.

Я крадусь к его комнате. Слышу как что-то говорит женщина, но ответ Пэйса до меня не доносится. Торопливо оглядываюсь на Макса, который радостно играет. В животе сворачивается болезненный узел, а ноги несут прямиком к комнате Пэйса.

Дверь его спальни закрыта, но внутри снова разливается тихий звук женского смеха. Который, кажется, таким неуместным, когда единственное, что мне хочется — это расплакаться. Но раз она смеётся, а не стонет, быть может, я подловила его, прежде чем он полностью себя занял.

Плюнув на страхи, а вместе с ними и на гордость, я поднимаю невинную руку и стучусь в дверь.

— Пэйс? Мне нужно с тобой поговорить, — говорю я каким только могу спокойным голосом, учитывая бьющееся о грудную клетку сердце.

Никакого ответа.

Поднимаю руку, чтобы постучать ещё раз, но дверь внезапно открывается.

— Кайли? — смятение отражается на лице Пэйса. На сей раз, выражение на нём холодное и серьёзное. Тот игривый мужчина, с которым было легко найти общий язык, и в которого я влюбилась, исчез.

Он полностью одет, и я осматриваю спальню за ним, которая, кажется, пуста. Копия «Спокойной ночи, Луна» по-прежнему лежит на его ночном столике. Чувствую, как разбивается моё сердце, лишь глядя на неё. Никогда не смогу прочесть её снова, не подумав о нём и всём том, что я потеряла.

— Что ты здесь делаешь? — задаёт он вопрос.

— Где она?

— Кто? — переспрашивает он.

— Я слышала женщину, Пэйс. Не пытайся отрицать.

Смятение сменяется гневом, а губы его сжимаются в твёрдую линию.

— Ты так и отказываешься увидеть меня настоящего, да? Настолько убеждена, будто я всё тот же безответственный парень, любящий погоню, вот и отказываешься поверить, что я могу искать серьёзности.

— Пэйс, я слышала её, — произношу я, стоя на своём, пусть его слова и пронзили меня в самый центр. Он не отвечает, поэтому я проскакиваю мимо него, оглядываю комнату, обыскивая ванную и заодно его огромную гардеробную. Пусто. Ладно, не совсем так, ведь услышав наши голоса, в комнату заковылял Макс, теперь уже сидящий на руках Пэйса.

Пэйс подхватывает с кровати пульт и нажимает на кнопку. Экран телевизора оживает, отображая мужчину и женщину.

— Я смотрел фильм, — говорит он.

Когда женщина заливается смехом, до меня доходит какой звук я слышала.

Последовавшее облегчение мгновенное и отрезвляющее.

— Прости, — говорю я.

— За недоверие или уход? — интересуется он.

— За всё, — с тяжёлым сердцем опускаюсь на край его кровати. После всплеска адреналина, который я ощутила несколько минут назад, решив, что застану его за подлостью, мой пульс стремительно падает. Я чувствую истощение. — Я испугалась, Пэйс. Побоялась испытывать к тебе реальные чувства. Побоялась, что ты не сможешь ответить взаимностью.

— Они реальны настолько, насколько это возможно, ангелочек, — произносит он.

— Теперь я это знаю.

— А что случилось с тобой и Эланом? — спрашивает он осторожным голосом.

— Если Элан хочет поддерживать отношения с Максом, я не стану препятствовать. Но я нисколько в нём не заинтересована, ни в романтическом смысле, ни в каком. — Я вскидываю взгляд на Пэйса, толком не понимая, что у него на уме. Обычно он никогда не ведёт себя так настороженно. — Если ты по-прежнему хочешь быть со мной...

Пэйс подступает ближе, потянувшись за моей рукой. Я вкладываю ладонь в его ладонь, и он притягивает меня так, что я оказываюсь прямо перед ним.

— Я беру тебя под опеку навсегда. Кажется, я уже об этом говорил.

Он наклоняется, всё ещё с Максом в руках, и целует прямо в губы. Я возвращаю ему поцелуй, сердце бешено колотится в груди. Уверена, Пэйс понимает, что он первый мужчина, которому я позволила поцеловать меня на глазах у сына.

— Ты жуткая упрямица, ты же это знаешь, верно? — осведомляется Пэйс, отпрянув с улыбкой достаточно горячей, чтобы обжечь.

— С чего ты взял?

— Ты сопротивлялась каждому моему наступлению. Мне за всю чёртову жизнь никогда не приходилось так напрягаться.

Тихонько посмеиваюсь.

— Я устроила адскую схватку, но тебе трудно противиться, — признаюсь я.

— Что-то случилось утром? Элан чем-то вынудил тебя поменять мнение?

— Нет. Всё дело в том, чего он не делал. Не контактировал с Максом, как ты. Не дарил мне чувство надёжности и защищённости. И я явно не чувствую себя неуправляемой от желания из-за него.

— Неуправляемой? — переспрашивает он, голосом ставшим ещё ниже. — Прошлая ночь была... потрясающей,

— Да, именно так, — соглашаюсь я. Никогда не чувствовала такой глубокой связи с мужчиной, когда он был внутри меня, как это получилось с ним. Секс казался простым сексом, но с ним, всё было как-то совсем иначе. Значимее. Я могла потерять контроль и расслабиться, чего едва ли делала в повседневной жизни. Это ощущение было освобождающим.

Понятия не имею, что будет дальше, но Пэйс доказал, что может быть каким угодно, но только не ординарным бойфрендом.

Глава 14

Кайли

Так приятно, наконец, избавиться от гипса. Я неторопливо вытягиваю руку над головой, вздрагивая от лёгкой боли, когда сгибаю локоть. Изучаю себя в зеркало в полный рост, расположенное в моей спальне, разглаживая чёрное платье без рукавов на бёдрах. Пострадавшая рука выглядит бледной и тощей. Я добавляю многослойное ожерелье в надежде отвлечь внимание от руки. Понятия не имею, что произойдёт сегодня. Пэйс сказал быть готовой к шести часам, а когда я спросила о Максе, он только улыбнулся и заверил, что у него всё под контролем. Не зная, как понимать его расплывчатый ответ, я попыталась разузнать детали через няню. Спросила у неё, останется ли она допоздна, чтобы присмотреть за Максом — она просто улыбнулась и ответила, что поклялась ничего не говорить. Потом добавила, будто мне не о чем беспокоиться, и да, сегодня вечером она позаботится о Максе.

Я не была на нормальном свидании уже целую вечность, да и у нас Пэйсом никогда не получалось настоящего свидания, без ребёнка, с тех пор, как мы начали встречаться несколько недель назад. Я почти лишилась головы от мысли оказаться с ним наедине. Надеюсь, что смогу контролировать себя в ресторане, потому что я с нетерпением ждала возможности побыть с ним только вдвоём. Вдвоём, наедине.

Бросив взгляд на часы, вижу, что уже почти шесть, поэтому надеваю чёрные шпильки и хватаю миниатюрную сумочку. Носить её само удовольствие, ведь обычно со мной экстраогромная сумка с пустышками, подгузниками и детскими игрушками.

Я слышу, доносящиеся из гостиной голоса, и когда вхожу, Пэйс стоя разговаривает с моей няней, Линн. Оба они замолкают при моём появлении.

— К чему такая секретность? — интересуюсь я, улыбаясь своему восхитительно сексуальному бойфренду.

Он обращает ко мне одностороннюю улыбку, путешествуя взглядом вниз по моему телу.

— Ты выглядишь сногшибательно.

— Спасибо, — бормочу я, щёки вдруг опалает жаром. Пользуюсь моментом, чтобы полюбоваться им. Пэйс шикарно одет в сшитые на заказ

чёрные брюки и белую рубашку со свободно повязанным вокруг шеи галстуков. Рукава закатаны в несколько раз, являя мощные, загорелые предплечья. Он выглядит аппетитно. В самый раз, чтобы есть. Меня неожиданно одолевает голод, но вовсе не из-за ужина.

— Пора выдвигаться, у нас есть график, которого мы должны придерживаться, — произносит Пэйс.

Я киваю, затем поворачиваюсь к Линн, у которой на бедре сидит Макс.

— Уверены, что с вами всё будет в порядке? У меня осталась куриная запеканка в холодильнике на ужин, и...

Она прерывает меня пренебрежительным взмахом руки.

— Мы справимся, Кайли. Вы заслужили провести ночь вне дома. Наслаждайтесь.

Киваю головой. Линн удивительная, и Макс обожает проводить с ней время. Я знаю, что беспокоиться мне не о чем.

— Благодарю.

Пэйс предлагает мне руку и ведёт наружу, где растянулся, поджидающий нас на обочине, чёрный лимузин. Медленная улыбка расплывается на моих губах.

— Ну, это неожиданно, — говорю я.

— Сегодня ночью мы повеселимся, — отзывается он, подавляя ответную усмешку.

Знаю, Пэйс богат, но он не разбрасывается деньгами и не ведёт расточительный образ жизни, что и делает это маленькое удовольствие намного более приятным. Водитель лимузина открывает дверь машины для нас, и Пэйс показывает мне садиться первой. Я проскальзываю на чёрное кожаное сиденье, блуждая взглядом по толком не видному интерьеру. Тут тихо играет джаз, во льду охлаждается бутылка шампанского. Он выложился по полной. Свидание ещё даже не началось, а я уже в него влюблена.

Пэйс ныряет на место рядом со мной, и я замечаю слабый аромат крема после бритья, витающий в воздухе вокруг. Представляю, как много времени он провёл за подготовкой, и мне это нравится. Не могу не опустить взгляд к его коленям, задумавшись, нет ли и сегодня на нём белья, или же я обнаружу под низом боксеры и смогу развернуть его, как подарок...

— Мои глаза здесь, ангел, — с игривой ухмылкой напоминает мне Пэйс.

Я улыбаюсь ему в ответ, не в силах справиться со смехом, вырвавшимся из меня.

— Прости. Думаю, я просто взбудоражена тем, что мы наедине — только мы.

— Я тоже. Но тебе не нужно раздевать и взбираться на меня в лимузине, у нас впереди целая ночь.

Я откидываюсь на сиденье, чувствуя себя блаженно счастливой в то время, как Пэйс вынимает из шампанского пробку и разливает его в бокалы. Делаю глоток шипучки, издавая тихий довольный звук. Глаза Пэйса перескакивают на меня, пока он отпивает собственный напиток. После чего прижимается ко мне ртом. Он потирается об меня и невинно целует мои губы, но обещание жаркого, дикого секса позднее ночью, повисает в воздухе между нами.

— Когда мы проведём беседу? — интересуется он, прерывая поцелуи.

— Какую беседу? — переспрашиваю я.

Он вскидывает тёмную бровь, ухмыляясь мне.

— О нашей жизни.

Оу. Вот оно. Мы уже начинали этот спор, наверное, раз десять, но всё, кажется, никак не могли разобраться, где будем жить и что делать с нашими домами. Пэйс хочет, чтобы мы с Максом переехали к нему как можно скорее — желательно ещё вчера, — но я держусь за свой дом. Только его Макс и знает. Мой кабинет уже обустроен, и у меня имеется задний дворик, где Макс может играть. Кроме того, квартира Пэйса не совсем подходит для ребёнка.

— У меня есть решение, — произносит он, опуская губы на мою шею.

— Слушаю, — говорю я. Не хочется устраивать очередной жаркий спор, в котором мы ни к чему не придём. Сегодня мы должны веселиться. И Пэйс знает мою точку зрения, поэтому если он ещё раз предложит мне переехать к нему, я без колебаний поставлю его на место.

— Что если я куплю новый дом для нас? С домашним офисом для тебя, задним двориком для Макса и дополнительной спальней для ребёнка номер два.

Я давлюсь шампанским. С трудом прочистив дыхательные пути, откашливаюсь и выдавливаю:

— Ребёнка номер два?

Пэйс с озорством улыбается мне.

— Я хочу, чтобы ты забеременела.

Кажется, у меня только что расплавились яичники.

— Что?

— Думаю, у Макса должен быть младший братишка или сестрёнка, нет?

Боже мой, о чём он? У меня то открывается рот, то закрывается, как у рыбы, задыхающейся на воздухе.

— Д-да, когда-нибудь, но мы даже не женаты. — Зачем я только что это сказала — понятия не имею. У меня хватает ума, чтобы понимать, людям необязательно жениться, чтобы завести ребёнка. Мы с Эланом никогда не были женаты, и Макс — лучшее, что случилось в моей жизни. Помимо Пэйса.

Пэйс многозначительно улыбается мне.

— Я просто говорю, что было бы неплохо перестать принимать противозачаточные таблетки. Выманю вратаря из ворот, если так можно сказать, и посмотрим, что произойдёт. — Свет, мерцающий в его глазах, подсказывает мне, что он тайно обожает в эту идею. Тёплое покалывание распространяется по всему телу. Не знаю, виною тому шампанское или глубокая любовь и обожание, которые я чувствую от этого прекрасного мужчины.

Я так выбита из колеи его желанием иметь ещё одного ребёнка, что даже не могу переварить его предложение о покупке нам дома. По шажочку за раз.

— Эта новая идея про дом, — говорю я. — Расскажи о ней побольше.

— Думаю, мы можем продать наши дома, и съехаться в новом, который выберем вместе.

Его идея правда хорошая. Новое место, где мы оба можем начать с чистого листа. И если мы глядим вперёд в долгосрочной перспективе, комната для ещё одного малыша, скорее всего, тоже умная идея. Однако, есть кое-что, не оставляющее меня в покое.

— Когда ты сказал, что купишь нам дом... Я хочу, чтобы было пятьдесят на пятьдесят.

Его губы изгибаются в ухмылке.

— Значит, ты в деле?

— Да. За исключением части про ребёнка, я только сбросила вес после рождения Макса, поэтому прости, если я не прыгаю от радости от мысли набрать ещё сорок фунтов и таскаться повсюду с огромным животом и карапузом на бедре. — Вдобавок, Макс всё ещё в подгузниках. Может, мы сможем немного подождать, ради моего здравомыслия. Пэйс тихонько усмехается, и я толкаю его в плечо. — Что смешного?

— Просто представляю тебя босиком и беременной, — с широкой улыбкой отзывается он. — И мне это нравится.

— Ты свинья, — ворчу я, но мне не удаётся сдержать ухмылку.

Пэйс придвигается, опуская руку мне на живот.

— Мне неважно, сколько ты наберёшь или потеряешь, и на секундочку, я не могу дождаться, когда увижу твой огромный живот, зная, что зародил жизнь внутри тебя.

Его слова греют моё сердце, но прежде чем я успеваю ответить, лимузин останавливается. Я выглядываю через сильно затонированные окна и удивляюсь, когда вижу, что мы недалеко от самолёта.

— Что это? — спрашиваю я.

Водитель лимузина паркуется, и Пэйс открывает дверь.

— Помнишь, когда я сказал, что мы сегодня повеселимся?

Киваю.

— Я имел в виду всю ночь. Это ночное свидание. Линн останется с Максом. Мы полетим в Напу, попробуем вино, отужинаем и проведём ночь в отеле. Ты не против?

— Я... я... — Мысль остаться с Пэйсом только вдвоём на всю ночь опьяняет.

— Макс в хороших руках, — уговаривает он. — Как и ты.

Я сглатываю и следую за ним из лимузина к самолёту, всё ещё не отойдя от шока.

— Частный самолёт? — осведомляюсь я.

Пэйс кивает.

— Он принадлежит Колтону.

— У меня нет с собой никаких вещей, — говорю я, остановившись на лестнице, ведущей к самолёту.

— Уже улажено.

— Ты собрал мои вещи? — спрашиваю я, резко обернувшись к нему.

Он встречается со мной взглядом.

— Я же говорил, что всегда буду заботиться о тебе.

Резко сглатываю, когда меня внезапно накрывает волна эмоций. Он всё так тщательно распланировал сегодня, от одной только мысли о времени и силах, которые он вложил в это свидание, у меня подгибаются колени. Во всём, что он делает, я чувствую его любовь ко мне. И в словах, и в поступках. Так было всегда, понимаю я.

После короткого перелёта с огромным количеством шампанского и дегустацией вкусного вина, где сомелье соединил фантастические вина с потрясающей едой из меню, мы сытые, довольные и слегка навеселе.

Большую часть ужина мы с Пэйсом проводим за разговором о районах, в которых хотели бы жить, и особенностях нашего нового дома мечты.

— Помнишь тот гала-вечер? — спрашиваю я, как только мы оказывается в ещё одном лимузине, на этот раз везущем нас на ночь в

отель.

Глубокие глаза Пэйса не отрывались от меня почти всю ночь, и от его внимания кружилась голова.

— Конечно. И что с ним?

— Ты привёл ту ужасную девушку, — хихикаю я. С платиновыми волосами, огромными сиськами четвёртого размера, без унции жира или трясущихся излишеств на теле.

Из него вырывается стон.

— Адская девушка, — соглашается он.

Помню, как он провёл нехилую часть вечера, разговаривая со мной, невзирая на то, что был там с другой женщиной.

— Ты занимался сексом с ней в ту ночь? — не хотела спрашивать, но слова сорвались с развязанного вином языка, прежде чем я успела их остановить.

— Ты правда хочешь знать? — низким голосом интересуется он.

Я моргаю. Боже, а может и нет. Выдаю осторожный кивок.

Пэйс переводит взгляд на окно, выглядя немного потерянным.

— У нас не было полового акта. — Больше он ничего не говорит, и я не выказываю любопытства. Не хочу разрушать идеальный вечер разговорами о бывших. Просто ностальгирую о том, как сильно изменился Пэйс от того мужчины, которого я встретила впервые.

Я тянусь к нему, беря за руку.

— Я люблю тебя несмотря ни на что, — мы только недавно начали говорить друг другу слово на букву «л» и каждый раз мой желудок совершает сальто от радости. — Весь багаж в мире не смог бы удержать меня от тебя. Кроме того, у меня и самой есть багаж.

— Макс — не багаж. Он бонус. Я уже тебе говорил, — Пэйс подносит мою руку к своему рту и целует в тыльную сторону, задерживаясь на мне взглядом. — Самое лучшее, что я помню из того гала-вечера — то, какой совершенно сногшибательной и элегантной была ты. В то мгновение, как я увидел тебя, у меня пересохло во рту и я лишился слов. Сердце застучало, чёрт возьми, в два раза быстрее и я понятия не имел, что происходит. Кажется, я влюбился в тебя тогда.

Я ухмыляюсь.

— Думаю, ты не привык к женщинам, которые говорят тебе «нет».

— Чёрт, нет, не привык, — он награждает меня яркой улыбкой, возвращая между нами светлое, игривое настроение, царившее в этот вечер. Его глаза не отрываются от меня, становясь серьёзными. — Ты уже приняла противозачаточные сегодня? — интересуется он.

— Пэйс! — Я снова шлёпаю его по плечу. — Да. Приняла. — И подумать не могла, что он захочет ещё одного ребёнка так быстро. На самом деле, это мило. Представляю себе его большие руки, укачивающие только что родившуюся кроху, и чувствую, как у меня наливается грудь. — Но учитывая, что я не взяла их с собой... — усмехаюсь.

Ответная широкая улыбка озаряет всё лицо Пэйса. Да помогут мне небеса, я вообще когда-нибудь смогу сказать этому мужчине «нет»?

Наш лимузин останавливается, и в поле моего зрения попадает красивый отель, подсвечивающийся на фоне тёмного неба.

Пэйс позвонил заранее, и каким-то чудесным образом мы оказались уже зарегистрированы в роскошном гостиничном номере, больше похожем на огромную квартиру. В нём нас ждёт корзина с туалетными принадлежностями, а с ней мужская и женская пижамы, лежащие на боковом столике. И сумка, которую, как сказал Пэйс, собрала для меня Софи. Пусть реакция у Колтона на наши отношения поначалу не была выдающейся, он пришёл в себя, увидев, что со мной Пэйс другой.

Я исследую люкс, обнаруживая гостиную, оборудованную двумя диванами кремового цвета, между которыми стоит стеклянный столик, огромную ванную комнату с паровой душевой кабиной и джакузи, и спальню с взбитой постелью королевского размера. Для одной ночи это чересчур, но мне безумно нравится, что Пэйс выложился на всю, зная, как редко такие ночи.

— Это изумительно, — говорю я, повернувшись к нему. Он бесшумно следовал за мной из комнаты в комнату, явно наслаждаясь радостью на моём лице.

— Рад, что тебе нравится, ангелочек. — Мы стоим в спальне, недалеко от возвышающейся огромной кровати. Вся ночь в постели с ним будет роскошью. Даже секс на настоящей кровати для нас редкость. Обычно мы пытаемся спрятаться от Макса, и секс у нас в основном тихий и быстрый. В его кабине, старом фаворите, наклонившись над столом или сидя сверху, пока он толчками врывается между моих бёдер. Сегодня не будет никак перерывов. Никак отвлекающих факторов. Тёплая дрожь пробегает по мне, пока потемневшие голубые глаза Пэйса разгуливают по моей выставленной на обозрение коже.

— Иди сюда, — произносит он низким, повелительным голосом.

Мои трусики инстинктивно намокают от грубости его голоса. Я неторопливо, соблазнительно иду к нему, радуясь отсутствию громоздкого гипса на руке, и чувствую себя по-настоящему сексуально. Останавливаюсь перед ним, шпильки добавляют мне роста, поэтому мои губы оказываются

у его горла, и я поднимаю на него проникновенный взгляд.

Он наклоняется, приближаясь ко мне ртом, и целует, долго и глубоко. Чувствую, как осторожно его руки спускаются по моим бокам, пока не находят зад, обхватывая и сжимая пальцами ягодицы, из горла у него вырывается грубое урчание. От его поклоняющегося почитания моего тела, мне кажется, будто, возможно, меня ему достаточно, словно я просто должна забыть о лишних пяти килограммах и трясущихся излишках, и принять женщину, коей сейчас являюсь. Я тянусь вверх и запускаю пальцы в волосы у него на затылке, наслаждаясь тем, как его странствующие руки изучают моё тело. Пока мой язык поглаживает его, Пэйс проводит руками вниз по моей заднице, пока не забирается под юбку, задирая платье к талии. Его тёплые руки встречаются с моей обнажённой кожей, и он улыбается, опустив оценивающий взгляд на чёрные стринги, которые я надела сегодня только для него.

— Хм-м, — рычит. — Никаких мальчишеских шортиков сегодня?

Из меня едва не вырывается хихиканье, но вместо этого я прикусываю губу, силясь не улыбнуться. Он никогда не жаловался на мой выбор нижнего белья, но я знаю, что ему нравится эта более сексуальная версия. Пожимаю плечами.

— Особый случай и всё такое. — Почти хочу рассказать ему и о таком же лифчике с деми-чашечками, но знаю, что он и сам скоро его обнаружит.

Пэйс проводит пальцем по шву над киской, задерживаясь на чувствительной точке, отчего искры жара облизывают мои внутренние мышцы. Потом он опускает мою юбку и передвигается пальцами к молнии на спине, неспешно спуская её, пока я не вышагиваю из платья.

Едва я оказываюсь освобождена от одежды, его тёмные глаза стекленеют от похоти, а блуждающие руки возвращаются, нежно касаясь и приветствуя каждый мой изгиб. Я выпрямляюсь, возвышаясь на чёрных шпильках, и каждой частичкой чувствую себя всеильной сексуальной богиней.

Посчитав, что на нём по-прежнему чересчур много одежды, я перемещаю пальцы к пряжке ремня. Его эрекция уже натягивает брюки, и я умираю от желания ощутить его горячую, твёрдую плоть в своих руках. Особенно, учитывая, что теперь в моём распоряжении обе руки.

В конце концов, лишившись последних лоскутов одежды, мы падаем на кровать в клубке конечностей и сливаемся в горячем поцелуе губ, жадно изучая друг друга руками.

В первый раз, когда мы занимаемся любовью этой ночью, я сверху — в позиции, которую мы оба полюбили. Его рот прижат к моей груди, а руки

на заднице, и несмотря на то, что сверху нахожусь я, именно он контролирует каждый мощный выпад, раскачивая своими бёдрами.

Во второй — мы лежим в позе ложечки: он обвивает меня руками, прижимаясь ртом к моему уху.

— Я люблю тебя, — шепчет он.

Услышать от него эти слова значит для меня всё. Когда впервые услышала, как он говорит их Макс, я чуть умерла. Я чувствовала такую связь с Пэйсом, такую синхронность и полную любовь.

— Покажи мне, — шепчу я в ответ. Такой сексуальной удовлетворённости, как от наших физических отношений, никогда не будет достаточно. Я высоко ценю его умения заниматься этим снова и снова. Его выносливость — одна из множества его качеств, которые я нахожу невероятно сексуальными.

Рука Пэйса тянется вниз вдоль моей талии, и, достигнув местечка между моих ног, он принимается ласково поглаживать.

— Больно?

— Нет.

— Эта маленькая горячая дырочка снова готова для меня? — спрашивает он. Я люблю непристойные словечки, которые он шепчет во время секса. Чувствую, как становлюсь влажной.

Одной рукой раздвинув половые губы, Пэйс другой начинает легонько поглаживать мой клитор. Внезапный прилив удовольствия вынуждает меня вскрикнуть. Я всё ещё чувствительная после последнего оргазма, который он мне подарил, и тело невольно дрожит. Ощущаю, как его член наливается твёрдостью между моих ягодиц и безрассудно трусь об него.

Опускаю руку между нами, подставляя его ствол к моему лону, и толкаюсь назад, вбирая его широкую головку. Он подаётся вперёд, медленно, лениво, продолжая поглаживать меня. Когда я кончаю на его члене, он наконец входит в меня полностью, беспощадно врываясь снова и снова, как будто сдержанность действий погубила бы его. Тугое сжатие внутренних мышц вырывает из него низкий, долгий стон.

— Блядь, ангел. Полегче со мной, — шепчет он мне в волосы.

Его тёплое дыхание рванными вдохами касается моего уха, и я закрываю глаза, обожая чувствовать, как его тело обволакивает меня. Мы близки настолько, насколько вообще могут быть близки два человека. Обернув вокруг меня обе руки, он ещё несколько раз толкается в меня, прежде чем находит собственное освобождение. Он кончает с хриплым стоном, а я прижимаю ноги к груди, позволяя ему обнимать меня, пока его член не размякает и мы оба не проваливаемся в тихий, мирный момент,

предшествующий сну.

Я лежу в объятьях Пэйса, размышляя о своей жизни до него. Временами она была сумбурной и напряжённой. Я выживала в роли матери-одиночки, делая всё, что могла. Но сейчас я чувствую себя более умиротворенной, счастливой, любимой и желанной. А иметь партнёра, на которого можно положиться, когда это нужно, такое утешительное чувство. Я счастлива, что дала Пэйсу шанс. Всё, что я знала о молодом, богатом холостяке, велело мне держаться подальше, но я рада, что моё сердце не послушалось. Он для меня всё. И я знаю, Макс его тоже сильно любит.

Эпилог

Пэйс

Моя жизнь невероятно сильно отличается от той, что была всего три коротеньких месяца назад, но я никогда не чувствовал себя счастливее. Знать, что в моей жизни есть зависящие от меня сильная женщина с маленькой крохой, ради которых я должен быть самым лучшим мужчиной — мощное чувство. Сейчас моя жизнь прекрасна, как никогда. Я счастливчик, знаю.

Мы переехали в наш новый дом два месяца назад, и Элан приезжал в субботу раз в месяц. Макс так толком и не знает кто он, но принимает его присутствие и даже начинает общаться, протягивая ему игрушки или болтая. Однако во всех остальных смыслах его отец — я, и от этого меня распирает сумасшедшая гордость. Я буду тем, кто научит его спорту, водить машину и обращаться с женщинами. Хотя в данный момент у меня на уме только одна женщина.

— Ты должен помочь папе, — говорю я Максу, расправляя его плечики и опуская взгляд к огромным голубым глазам.

Макс хихикает и подпрыгивает, кажется, заражаясь волнением нашей секретной игры. Я не нервничаю, единственное от чего меня бросает в пот — я только что передал кольцо с бриллиантом в три карата детёнышу! Ещё мне было поручено сразу после позвонить Колту и Коллинзу, ведь они оба в курсе, что я сегодня делаю предложение.

— Не ешь его, приятель, — серьёзно прошу Макса. Он смотрит на кольцо, украшающее его большой пальчик, как на магический камень. Да чёрт, может, так и есть. Этот камушек превратит нас в семью официально.

Слышу, как Кайли тихонько напевает на кухне, где готовит домашнюю пасту с соусом. Она любит кухню в нашем новом доме и большую часть обстановки выбрала сама. Начиная с разделочного стола и заканчивая чёрными шкафами с фарфоровой раковиной.

— Отдай его муме, — говорю я ему, направив за плечи из гостиной.

Макс ковыляет дальше по коридору, и я следую за ним, не в силах скрыть улыбку на губах. Я взволнован, перегружен всем сразу.

Кайли стоит перед плитой, помешивая соус в кастрюльке.

— Ангел? — зову я.

Она поворачивается ко мне лицом, и моё сердце спотыкается в груди.

С выпавшими из хвоста завитками, она останавливает свои красивые зелёные глаза на мне. И все сомнения, все беспокойства о том, что, возможно, мне следовало всё сделать величественно и экстравагантно куда-то исчезают. Мы такие. Наша жизнь такая.

— Мума, — говорит Макс, поднимая кольцо, чтобы она увидела.

Взгляд Кайли отрывается от меня и опускается к Макс. Её глаза увеличиваются, а ко рту взлетает рука.

— Пэйс? — говорит она со слезами на глазах.

Я подавляю волну нахлынувших чувств.

— Ты будешь моей? — спрашиваю я, усиленно пытаюсь не дать эмоциям ворваться в голос.

Она бросается ко мне в руки, и я крепко прижимаю её к груди.

— Ангелочек? — окликаю я, в то время как слёзы застилают глаза.

— Да! Конечно, — плачет она.

Я тянусь вниз и беру Макса, поднимая его, чтобы мы втроём могли обняться. Кайли плачет, а Макс со встревоженным видом смотрит на неё, пока мы оба не заливаемся смехом, и тогда его крошечный ротик раздвигается в широкой улыбке.

Когда я надеваю кольцо на её палец, у меня сжимается горло. Я никогда не был таким чертовски эмоциональным, но эти двое вызвали во мне совершенно другого человека. Человека, которым я всегда хотел стать. И стоя здесь, втроём, в нашем новом семейном доме, я наконец, чувствую себя цельным.

— Пожалуйста, возьмите себе сами, — Кайли ставит блюдо с пастой в центр обеденного стола, и я не могу не заметить, как её глаза задерживаются на кольце, когда то, повернувшись, ловит блик.

Колтон с Софи сидят напротив, а Коллинз сбоку от меня. Он один, и кажется расстроенным, каким-то мрачным, учитывая праздничное настроение. Когда я спрашиваю о Татьяне, его бомбической девушке, редко бывающей с ним, он кратко отвечает, что сегодня она занята работой.

— Так вот она — знаменитая паста с соусом, которым Пэйс так хвастался, — говорит Колтон, сначала поставив тарелку для Софи, а потом для себя.

Я не мог удержаться и не пригласить всю семью после того, как Кайли

ответила «да», и, разумеется, все пришли. Софи с Кайли обнимаются и визжат, безудержно восторгаясь красотой её кольца. В тот момент я испытываю гордость.

— Итак, когда важный день? — интересуется Коллинз, одобрительно глядя на меня.

Нахожу глазами Кайли. Мы пока ещё не обсуждали, но я уже вообразил Макса своим шафером.

— Она всем заправляет, — киваю в сторону Кайли.

Она с обожанием улыбается мне.

— Не знаю точно. Мы пока ещё обустриваемая в нашем новом доме, но ждать долго не хочется.

Полностью согласен. На мой взгляд, смысла ждать нет. Я хочу, чтобы эта женщина стала моей женой. И хочу усыновить Макса, сделать его моим, и дать им обоим мою фамилию. С этой мыслью я обратился к Эллану во время его последнего визита, и пусть и не казался восторженным этой идеей, но он принял её. Он знает, что они моя семья, и не желает стоять на пути.

После ужина Макс развлекает нас танцами в гостиной, потом голым носится по дому, когда Кайли пытается переодеть его в пижаму. Здесь никогда не бывает скучно в отличие от моей старой берлоги. Когда я размышляю о своей прежней жизни, никак не могу понять, почему потратил столько лет, распыляясь на ничего не значащие утехы. Наверное, потому что ждал правильную женщину. Я встречаюсь глазами с Кайли, когда она поднимает Макса себе на бедро. Она всё для меня.

— Спокойной ночи, ребята, мне нужно уложить Макса, — говорит она.

Я мчусь к месту, где они стоят посреди коридора. Обнимаю их обоих, удовлетворенно отмечая нежное прикосновение щеки Макса к моей шее и аппетитный запах Кайли, что согревает меня. После того, как он уснёт, будет музыка, выпивка, и празднование нашей помолвки, но сейчас здесь в темноте коридора только я и двое, владеющих моим сердцем. Я прижимаюсь губами ко лбу Макса.

— Спокойной ночи, Луна, — шепчу я. Он зевает, опуская головку на плечо Кайли.

Я целую её в губы, поглаживая щеку.

— Я люблю тебя, — говорю я голосом ставшим напряжённым.

— Я люблю тебя, Пэйс, — шепчет она в ответ.

Я нахожу её руку в темноте и сжимаю, наслаждаясь твёрдостью кольца, увенчивающим её палец. Иногда, без всякой причины, меня переполняют эмоции. Представляю взрослого Макса, себя и Кайли с

седой в волосах, по-прежнему влюблённых с той же силой, что и сегодня. В этой прекрасной жизни нас ждёт столько всего, что я с нетерпением жду.

— Отнесу нашего сына в кроватку, — шепчет она у моих губ, награждая меня ещё одним поцелуем. — Скоро вернусь.

Нашего сына.

Жена и сын... кто бы мог подумать? Ленивая улыбка растягивается на моих губах, пока я наблюдаю, как она несёт Макса по коридору в его комнату. Я — счастливый сукин сын.

Перевод заключительной книги из серии «НБЛ» будет проводиться по-прежнему в нашей группе. Следите за обновлениями на стене...